

РУДАКИ
И
ПОЭТЫ ЕГО ВРЕМЕНИ

© Государственное
издательство

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ю. А. Андреев (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,
Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов,
М. К. Қаноат, К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис,
А. А. Михайлов, Д. М. Мулдагалиев, Ф. Я. Прийма,
С. А. Рустам, М. Танк, М. Б. Храпченко*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

РУДАКИ И ПОЭТЫ ЕГО ВРЕМЕНИ

Вступительная статья,
составление и примечания
Р. Хадидзаде

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1985

Рудаки и поэты его времени: сборник.

Р 83 Пер. с перс.-тадж. / Вступ. статья, сост. и при
меч. Р. Хади-заде. — Л.: Сов. писатель, 1985. —
272 с. — (Б-ка поэта. Большая сер.).

Настоящее издание представляет самую раннюю эпоху развития классической персидско-таджикской литературы конца IX — начала X века. В него вошли широкоизвестные произведения прославленного поэта той эпохи Рудаки (ок. 860—941) и целой плеяды его современников и продолжателей, до сих пор мало известных русскому читателю.

Переводы заново отредактированы, многие произведения публикуются в новых переводах.

Р $\frac{4702500100-164}{083(02)-85}$ 413—85

ББК 84. Перс.-тадж. 1

РУДАКИ И РАСЦВЕТ ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ ПОЭЗИИ

Богатейшее наследие «золотого века» персидско-таджикской поэзии по праву стало достоянием всей мировой культуры. Творчество родоначальника классической литературы, «Адама поэтов» Рудаки, а также поэтов его блестящей плеяды при их жизни было широко известно на огромной территории, населенной персоязычными народами, обладавшими общностью исторического развития и культурных традиций, не зависящей от изменчивых государственных границ. Наследие классических поэтов по праву считают своим жители современного Ирана и Советского Таджикистана, оно является предметом глубокого изучения советского и зарубежного востоковедения.

История персидско-таджикской литературы берет свое начало с IX века, а невиданный ее расцвет, определивший пути дальнейшего развития персоязычной поэзии на огромной территории Среднего и Ближнего Востока, относится к X веку. Возникновение персидско-таджикской литературы и становление языка фарси (или, как называли его в то время, парсии дари) как общелитературного языка территориально связано со Средней Азией, которую арабы называли Мавераннахром.¹ Зарождение и расцвет этой литературы были подготовлены долгим процессом исторического развития.

¹ Мавераннахром назывались земли, находящиеся за Амударьей, на севере. В переводе это слово означает «Заречье». Мавераннахр в западной ориенталистике называли также «Трансоксаний», в переводе с древнегреческого языка — «то, что находится по ту сторону Окса» (древнегреческое название Амударьи).

В III—VII веках, то есть до арабского завоевания, на территории Средней Азии, где жили восточноиранские племена, существовали различные диалекты иранских племен и народностей. Наиболее распространенными из них были диалекты и языки согдийский, хорезмийский, парфянский и сакский. Дошедшие до нас разрозненные письменные памятники этого периода свидетельствуют о том, что, несмотря на существенные различия, эти языки и диалекты в своей основе были близки друг к другу, их называют восточноиранской группой среднеперсидского языка.¹

Эти языки служили для делопроизводства и официальной переписки местных небольших владений и городов-государств. Дошли до нас и отдельные литературные памятники на этих языках. Среди них высокой художественностью отличаются «Драхти ассурик» («Ассирийское древо») — небольшая поэма на парфянском языке и сасанидский вариант парфянской поэмы «Аяткаре Зареран» («Предание о Зарере»).

Почти одновременно на западе Ирана, где простиралось огромное государство Сасанидов (221—651), создавалась большая литература на языке, называемом пехлевийским. От нее сохранились до наших дней несколько крупных памятников художественной и религиозной литературы. Много общего как в лексическом составе, так и в других элементах было между пехлевийским и восточноиранскими языками. Их объединяла и письменность, основанная на древнеарамейском алфавите. Выработанный на основе сирийского письма, парфянский алфавит (парфяне вначале тоже пользовались алфавитом, основанным на арамейской графике) в дальнейшем получил распространение в сасанидском Иране.

Общность традиций, религиозных верований (зороастризм), языковой системы и письма делала различные языки западноиранской и восточноиранской групп близкими и в какой-то мере понятными друг другу.

На восточноиранских языках, а также на пехлевийском в особенности, была создана большая литература, не только усвоившая наилучшие традиции древней литературы иранских народов, но и обогатившаяся под влиянием других древних литератур мира, в частности индийской, греческой, византийской.

¹ История языков современного персидского, таджикского и дари делится на три периода: древнеиранский язык (со второго тысячелетия до н. э. по IV—III вв. до н. э.), среднеперсидский язык (IV в. до н. э. — VIII—IX вв. н. э.), новоперсидский язык (с VIII в. до наших дней).

В VII веке началось арабское завоевание Ирана и Средней Азии. Разрушительная сила арабских войск была направлена в первую очередь на ослабленное в то время громадное государство Сасанидов. Арабские войска, вторгшиеся на территорию Ирана и Средней Азии под флагом «войны за веру ислама», уничтожили много культурных ценностей, связанных с идеологией зороастризма и традициями местного населения. Были разрушены памятники искусства, зодчества и религиозных культов, уничтожены произведения литературы, поэзии, созданные на местных иранских языках, запрещена письменность этих народов. Насильственно насаждались арабский язык и арабская письменность, их объявляли священными, так как на них был написан Коран — основа религии ислама. Арабский язык стал языком государственных дел, официальных церемоний, науки и культуры, вошел в обиход местной аристократии, государственных чиновников и религиозных деятелей.

В течение почти двухсот лет, то есть с середины VII века до середины IX века, арабский язык был общим и единственным литературным языком на территории Ирана и Средней Азии. На этом языке не только читали Коран и совершали мусульманские религиозные обряды, но и создавали произведения литературы, писали сочинения в самых различных областях науки.

Мусульманство принесло в персоязычную литературу новые темы и сюжеты — предания Древнего Востока, канонизированные в Библии и Коране, мотивы светских арабских сочинений. Поэзия усвоила от арабов идеи, образы, темы, жанры и выразительные средства. Правила аруза — арабского стихосложения — прочно укоренились и вплоть до XX века оставались единственной системой стихосложения персидско-таджикской поэзии. Местные языки — восточноиранские и западноиранские — как языки науки и литературы постепенно забывались, а письменность этих народов окончательно вытеснялась арабским алфавитом. Однако тяга к старинным традициям, древним литературным памятникам, немеркнувшим образам иранской мифологии и устного творчества передавалась «книжным людям», воспитанным на местных национальных традициях, игравших большую роль в духовной жизни своего времени. Усилиями этих ученых мужей начиная с VIII века начали переводиться на арабский язык многие литературные памятники, уцелевшие под иатиском новой религии.

Переводы произведений литературы доисламского периода не только возродили любовь к традициям прошлого, они оказали большое влияние на развитие арабоязычной литературы, в создании которой теперь участвовали не только арабы, но и представители иранских и других завоеванных народностей. Тем самым литера-

тура на арабском языке обогащалась идейно и эстетически. В ней появились средства выразительности, связанные с особенностями местной культуры. Поэты — выходцы из Мавераннахра все больше внедряли в арабскую литературу иранские традиции (так называемое «движение обновления»). Новую арабоязычную литературу, проникнутую духом иранства, называли шуубитской, подразумевая под словом «шууб» («народ») местные народности, покоренные арабами. Среди поэтов-шуубитов наиболее яркими фигурами были Башшар ибн Бурд (714—784) из Тохаристана (современный южный Таджикистан) и Абу Нувас (782—813) — с юга Ирана. Шуубитская литература была арабской только по языку, но по духу своему была истинно персидско-таджикской.

В то время как в Иране и Мавераннахре письменная литература на иранских языках прекратила существование, уступив место арабоязычной, местное население в огромном большинстве сохраняло верность своему языку и древним литературным традициям. Каждый народ творил поэзию, пользуясь родной речью, и это спасло иранские языки от полного уничтожения. В исторических хрониках сохранились четыре строки одной из веселых и юмористических песенок жителей Балха, где высмеивается арабский наместник, потерпевший поражение от местного населения далекого горного селения Хатлан (ныне — Куляб, Таджикская ССР) в 725 году:

Аз Хатлон омадия,
Ба руй табох омадия.
Овора боз омадия,
Бедил фароз омадия.

(Из Хатлона ты пришел,
Опозоренный ты пришел,
Сокрушенным ты вернулся,
Трусливо ты сбежал и пришел.)

Это четверостишие, написанное в духе народных песен — тарана, как по языку, так и по своей форме близко к устному творчеству таджиков. Самаркандскому поэту Абульянбаги Аббасу ибн Тархану (ок. 786 — ок. 802) приписывается другой сохранившийся стихотворный фрагмент, вероятно на самаркандском диалекте раннетаджикского языка, где поэт оплакивает древний Самарканд, переживший трагедию нашествия арабов. В стихах Абульянбаги чувствуется влияние ритмически-напевной лексики народного говора. Два фрагмента раннего стихотворения на языке фарси сохранились от Ханзалы — уроженца Бадгиса (местности в Хорасане). Эти сти-

хи написаны в системе аруза — метрики, перешедшей в персидскую поэзию от арабов, но в них использованы образы и поэтические фигуры, свойственные персидской письменной поэзии конца IX и начала X века.

Небольшие фрагменты ранней персоязычной поэзии, которые сохранились лишь в исторических хрониках и которые относятся к событиям, происшедшим в Хатлане и Самарканде, дают нам основание полагать, что возрождение поэзии на родном языке в VII—IX веках происходило именно в Средней Азии и частично в Хорасане, на территории, населенной восточноиранскими народами (а не в центральном регионе, где до арабского нашествия процветала высокая сасанидская культура). Это объясняется прежде всего тем, что насильственное насаждение исламской идеологии ослаблялось по мере удаления от крупнейших центров сасанидского Ирана, чему немало способствовала борьба народных масс за свою независимость, вынуждавшая представителей арабской администрации более терпимо относиться к древним традициям и обычаям местного населения.

Возрождение древних традиций культуры и духовной жизни иранских народов в высокой степени поощряли также местные иранские династии, в особенности Тахириды и Саффариды, которые с начала IX века самостоятельно управляли Хорасаном и Мавераннахром. И Тахириды, и Саффариды в своей борьбе за независимое управление родными землями опирались на свой народ, его национальные особенности и традиции. Они поощряли поэтов, писавших на родном языке. Скучные сведения дошедших до нас письменных источников свидетельствуют о том, что уже при Тахиридах, а особенно при дворе Саффаридов жили поэты, воспевавшие славу и могущество этих династий. Считают, например, что упомянутый выше Ханзала Багдиси был панегиристом правителей Тахиридов. При дворе основателя династии Саффаридов Якуба ибн Лайса (867—879) жили и творили поэты Мухаммад ибн Васиф, Бассам Курд, Мухаммад ибн Мухаллад. От их произведений сохранились отдельные бейты и фрагменты. Известны также имена нескольких поэтов — Фируза Машрики, Варрака Херати, Абу Саллика Гургани, творивших вне двора Саффаридов, хотя, возможно, и связанных с правителями этой династии. В отличие от упомянутых выше стихов жителей Балха и строк Абульянбаги, созданных в духе народного творчества на местном диалекте, их поэзия характеризуется отточенностью форм и завершенностью поэтических фигур, выработанных арабской поэтикой, а излюбленными поэтическими жанрами были панегирик и любовная лирика.

Этот период считается началом зарождения поэзии на языке фарси (или новоперсидском, как его называют историки иранских

языков), который в то время назывался «дари» или «парсии дари» («дарийский фарси»).¹

Как сам язык фарси, так и литература на нем, видимо, в то время были еще локальным, региональным явлением. Однако они явились надежной основой для создания в X веке могучей литературы на огромной территории Средней Азии и Ирана.

Государство Саффаридов пало в конце IX века в результате внутренних раздоров крупных феодалов, а также под ударами приобретающей все большую силу другой местной иранской династии — Саманидов, представители которой выступили на политическую арену еще в начале VIII века. Исмаил Саманид (годы правления 874—907) окончательно установил свою власть в Мавераннахре и Хорасане, став основателем большого централизованного государства, границы которого на севере включали Хорезм и Тараз, на юге — Систан и Газну, на востоке — Бадахшан (Западный Памир), на западе — Кум и Рей.

Противопоставляя социально-политический и экономический строй Саманидского государства арабскому халифату, Исмаил ориентировался на образцы древнего Сасанидского царства. В своей политике он учитывал интересы народа: способствовал, в частности, развитию городов, где жила основная масса ремесленников, в свое время оказавших ему большую поддержку при разгроме войск Саффаридов, возрождал в рамках ислама многие забытые или запрещенные празднества и обряды прошлого. Он всячески поощрял развитие поэзии на языке фарси, ввел его в государственное делопроизводство. Эти меры поддерживались всеми слоями населения, были одинаково близки и простым людям, и господствующей верхушке. Когда преемник Исмаила Ахмад (годы правления 907—914), проявляя приверженность к арабской культуре, вновь ввел арабский язык в делопроизводство, — он был убит приверженцами Исмаила.

Временем наивысшего расцвета науки, искусства и литературы стали годы правления Насра II (914—943). Центром научной мысли и литературного творчества сделалась столица Саманидов Бухара, которая красотой и благоустроенностью, по свидетельству совре-

¹ Этимология слова «дари» точно не установлена. Наша версия заключается в том, что слово «дари», производное от «дар» («внутри») и переводимое как «внутренний», применялось к языку местных народов как «внутреннему», «местному» для носителей этого языка в отличие от заимствованного извне арабского. Постепенно этот «внутренний» язык стал языком всемирно известной поэзии и утратил эпитет «дари», однако это слово и до сих пор воспринимается как синоним слова «фарси» («парси»): современный язык фарси в Афганистане называют «забаи дари» («язык дари»).

мепников, превосходила даже знаменитый в то время Багдад. Наряду с Бухарой расцвели древние культурные центры Мавераннахра и Хорасана — Самарканд, Мерв, Балх, Нишапур, Термез, где бурно развивались точные и естественные науки, а также философия. Языком науки, литературы и государственного делопроизводства наряду с арабским постепенно становился язык местного населения — фарси. На этот язык был переведен Коран и комментарий к нему, составленный ученым ат-Табари, а также его знаменитые анналы — «Тарих-ар-русул в ал-мулук» («История пророков и царей»). Одно из первых произведений на языке фарси — «Худуд-ал-алам» («Границы мира») неизвестного автора и поныне имеет научное значение. К X веку фарси распространился и на другие области арабского халифата, населенные иранскими народностями, постепенно вытесняя арабский.

2

Саманиды собрали при бухарском дворе крупнейших мастеров слова. Придав хорошо организованный характер свосму придворному литературному окружению, саманидские правители назначали и главу этого круга, так называемого «малик уш-шуара» — «царя поэтов», который должен был руководить всем ходом литературной жизни при дворе. Первым «царем поэтов» был объявлен Рудаки.

Бухарский литературный круг оказывал решающее воздействие на развитие персоязычной поэзии во всем Мавераннахре и Хорасане. Поэзия на языке фарси процветала в X веке во многих крупных городах Саманидского государства — Мерве, Балхе, Нишапуре, Тусе, Самарканде. Творчество Рудаки и его последователей вышло в единую литературную школу с ярко выраженными идейно-художественными особенностями.

К сожалению, от произведений этих поэтов почти ничего не сохранилось, и судить о них удастся лишь по отрывкам, включенным в различные антологии и толковые словари. Однако и из этих отрывков ясно, как обширна и разнообразна была тематика поэзии этого времени. Героические сюжеты древнеиранской мифологии, этико-дидактические поучения, воспевание земной человеческой любви, философские сентенции о судьбах человека и человечества, обличение социальной несправедливости, сатира, направленная против человеческих пороков, — вот основной круг тем, разработавшихся поэтами X века.

Особенно высоко ценились стихи, в которых упоминались исторические события, приводились цитаты из древнеиранских сказаний, ссылки на различные области науки. Все это было под силу

лишь хорошо образованным людям, знакомым со всеми отраслями науки и владеющим не только персидским, но и арабским и древнеиранскими (в особенности пехлевийским) языками. Поэты проходили также длительное и сложное обучение стихотворному мастерству. В курс обучения входили теория поэзии (учение о метрике, рифме, поэтических фигурах), практическое знакомство с древней и современной литературой, а также музыкальное образование, так как стихи, как правило, исполнялись в сопровождении музыкального инструмента.

Персидско-таджикская поэзия X века знаменательна и тем, что она выработала основные жанровые формы, которые в дальнейшем совершенствовались выдающимися представителями последующих поколений поэтов.

Высокого совершенства достигла в этот период главнейшая форма персоязычной поэзии, усвоенная из арабской литературной традиции, — касыда, пышная торжественная ода, исполнявшаяся преимущественно на придворных праздниках. Лучшие авторы использовали эту форму, чтобы наряду с панегириком правителю, литературному меценату, искусно включить в ткань произведения близкие им темы — описания природы, воспевание любви и радостей бытия, морально-этические сентенции, назидания. Лирическая поэзия обогатилась новыми видами, неизвестными арабам. Здесь прежде всего следует отметить появление рубаи — четверостишия, вошедшего в письменную литературу из устного народного творчества. По преданию, создателем жанра рубаи в письменной поэзии был Рудаки. Большой популярностью у поэтов X века пользовалась газель — небольшое монорифмическое стихотворение о любви. Сохранившиеся от X века газели близки к лирическим стихам, бытующим и поныне в таджикском фольклоре. Газели или отрывки из них дошли до нас не только от Рудаки, но и от многих поэтов-панегиристов — Фаралави, Шахида, Дакики, Имары и других. В развитии эпического жанра немаловажную роль сыграл интерес к историческому прошлому иранских народов, породивший многочисленные записи древнеиранских сказаний и попытки создания эпических произведений на сюжеты доисламского периода. Так, нам известны три варианта прозаического сказания «Шахнаме», которые были составлены на основе среднеперсидских сказаний по заказу местных правителей. Один из первых — вступление прозаического дастана «Шахнаме» (так называемый «Шахнамаи Абумансури» — «Абумансурово Шахнаме»), написанное в первой половине X века Абу Мансуром ал-Муаммари по поручению хорасанского наместника Абу Мухаммада ибн Абдураззака. Наиболее значительным стихотворным опытом такого рода является начатая Дакики поэма, сохранившийся отрывок которой был включен позднее в знамени-

тую эпопею Фирдоуси. Сохранились и у других поэтов, в том числе у Рудаки, отдельные бейты, являющиеся, по-видимому, фрагментами героических дастанов. Не только героические сказания, но и многие другие произведения доисламской литературы — мифологические, романтические, дидактические — перелегались в X веке в крупные поэтические формы на языке фарси. Так, Абушукуром Балхи написана крупная дидактическая поэма «Афариннаме»; Рудаки переложил на стихи древнеиндийские книги «Калила и Димна», «Синдбаднаме». Особое место в поэзии той эпохи занимала сатира. Сатирические стихи писали почти все, но в творчестве некоторых поэтов сатирическая линия преобладала, а некоторые (как Тайян Маргази) приобрели особую известность именно в качестве поэтов-сатириков.

Итак, X век отмечен невиданным взлетом богатой по форме, глубокой и многообразной по содержанию поэзии, о которой мы имеем представление лишь по разрозненным фрагментам крупных эпических полотен, по отдельным бейтам, приведенным в качестве иллюстраций к толкованию слов в средневековых толковых словарях, и т. п.

Развитие литературы в последней четверти X века протекало в малоблагоприятных условиях. Саманидское государство стало терять свою целостность. Лишившись поддержки своей военной гвардии и части феодальной знати, Саманиды уже не в состоянии были противостоять нашествию тюрок-караханидов, наступавших на Манераннахр из Семиречья и Кашгара. В 999 году, после захвата Бухары караханидами, Саманидское государство прекратило свое существование, а Хорасан захватил Махмуд — сын военачальника тюркской гвардии Себуктегина, создавший впоследствии сильное государство со столицей в Газне, известное в истории под названием Газневидского.

В результате набега караханидов столица Саманидского государства Бухара была почти опустошена, погибло много ученых, писателей, государственных деятелей, подверглись уничтожению произведения искусства и литературы, которые по своему духу были чужды караханидским правителям. При этом были безвозвратно утеряны многие шедевры поэзии X века.

Махмуд Газневид, который по примеру саманидских правителей собрал при своем дворе выдающихся поэтов, пытался затмить великолепием своего придворного литературного круга славу бухарского двора. Объявив себя поборником ислама, он крайне враждебно относился к доисламским традициям, в том числе к произведениям, воссоздававшим древние сказания. Известно, например, с каким оскорбительным безразличием он отнесся к созданию «Шахнаме» Фирдоуси.

Поэты газневидского круга, хорошо знакомые с наследием поэтов саманидского периода, нередко выражали свое восхищение высокой художественностью их поэзии, но все же количество списков их произведений в Хорасане было, по всей вероятности, не столь велико, чтобы они переписывались и сохранялись для потомков. Многие уже были утеряны и забыты. Почти все уцелевшие тексты уничтожены во время монгольского нашествия в Среднюю Азию. После XIII века встречались уже лишь случайно сохранившиеся фрагменты и бейты этой поистине грандиозной поэзии, во главе которой, по единодушному признанию всех средневековых авторов, стоял великий Абу Абдулла Рудаки.

3

Сведения о жизни и творчестве Рудаки по крупицам собирались учеными разных стран. Самани (1113—1167), автор энциклопедического словаря на арабском языке «Китаб-ал-ансаб» («Книга генеалогии»), впервые сообщил его полное имя. Вероятно, это сочинение не получило широкой известности, поэтому имя поэта в поэтических антологиях долго еще называлось по-разному. Самани, кроме того, сообщает, что Рудаки был первым поэтом, писавшим на языке фарси, и что он похоронен в кишлаке «Банджрудак», расположенном в регионе Рудак, относящемся к области Самарканда. Почти целое тысячелетие это сообщение не принималось во внимание, и Рудаки считали уроженцем Самарканда или Бухары. Лишь в 1940 году таджикский писатель и ученый Садриддин Айни установил, что в окрестностях Пенджикента (ранее, очевидно, входившего в область Самарканда), где расположены селения Рудак и Панджруд (или Панджрудак), находится мазар — могила почитаемого народом мудреца, поэта и музыканта. Специальная экспедиция в ноябре 1956 года обнаружила в могиле останки, по которым впоследствии был воспроизведен профессором М. Герасимовым скульптурный портрет Рудаки. Таким образом, подтвердились сведения Самани,¹ а также прояснился смысл поэтического псевдонима: не от названия музыкального инструмента «руд» (уменьшительно-ласкательное «рудак»), как считали раньше, а от названия горной местности, которая была родиной великого поэта.

Год рождения Рудаки точно не известен. Дата смерти указана у Самани — 329 год лунного летосчисления (хиджры), что соответствует 940 или 941 году солнечного календаря. Известно, что

¹ В арабском языке отсутствует звук «п», поэтому Самани перенес название «Панджрудак» как «Банджрудак».

поэт дожил до глубокой старости, так что время его рождения приходится приблизительно на конец пятидесятих годов IX века. Наиболее полные биографические сведения дает Мухаммад Авфи (умер в 1237 году), автор поэтической антологии «Лубаб-уль-аль-баб» («Сердцевина сердец»). Он приводит тридцать бейтов стихов и сообщает об их авторе: «Местом его рождения был Рудак [в области] Самарканда. Родился он от матери слепым, но был настолько проницательным и восприимчивым, что в восемь лет полностью выучил наизусть Коран, научился также правилам его чтения; начал писать стихи в том же возрасте; в стихах излагал изысканные мысли так, что все стали подражать его стихам... И Творец наделил его изумительным и пленительным голосом; и благодаря этому он проявил интерес к музыке, и научился играть на барбате у Абуль Абака Бахтияра, который владел в совершенстве этим искусством, и он стал искусным в игре на барбате. Слава о нем достигла далеких широт мира, и эмир Наср ибн Ахмад Самани, который был эмиром Хорасана, удостоил его быть приближенным своего двора. И удача начала сопутствовать ему, и богатства его достигли самого высокого предела. О богатстве его рассказывают, что было у него двести рабов, и четыреста верблюдов могли нести его богатство. И ни одному из поэтов не было суждено после него иметь столько богатств и видеть столь большое счастье. И, согласно преданиям, которые приводятся у некоторых, его стихи составляют сто тетрадей». Биографы Рудаки во многом исходили из антологии Авфи, повторяя ее данные; многие из них подтвердились полностью, другие же до сих пор дополняются и уточняются на основании новейших фактов, прежде всего — путем тщательного исследования текста его стихов. Ниже мы попытаемся критически обобщить и подытожить известные современной науке наиболее достоверные сведения о поэте.

Все авторы средневековых персидских антологий и многие современные исследователи (в том числе и С. Айни), следуя Авфи, до последнего времени утверждали, что Рудак был слеп от рождения. В знаменитой «Касыде о старости», говоря о своих старческих недугах, он, однако, не упоминает о слепоте. Вспоминая молодость, он описывает себя как полного сил красавца:

Бывало, взгляды я ловил красоток молодых
И очарован был не раз дразнящей красотой.
А сколько ласковых рабынь когда-то я ласкал,
В объятьях тайных целовал в полночный час глухой.
К ним на свиданье приходил я опасался днем —
Их устрасал хозяйский гнев, зиндана мрак сырой.

Ни в одном из его произведений нет хотя бы отдаленного намека на слепоту. Наоборот, поэт воспевае красоту природы, пере-ливы красок, у него ест тончайшие описания пейзажа во все вре-мена года, сравнения и метафоры так живы и эмоциональны, что они под силу не просто зрячему, но человеку с чрезвычайно тонким видением художника:

Подняв головки из травы, весной фиалки расцвели,
Как будто синий огонек затеплил вспыхнувший серник.

Тем не менее о том, что Рудаки был слепым (или плохо зря-чим), сообщали и авторы, очень близкие к нему по времени. Так, поэт Дакики, который жил и творил немногим позже Рудаки, го-ворит:

О, если бы устод Шахид родиться снова мог на свет,
О, если б ожил тот слепой, но ясновидящий поэт —
Тогда бы повелитель мой в неподражаемых стихах
Легко, изячно и умно — как подобает — был воспет.

Намеки на слепоту или слабое зрение поэта есть и у некото-рых позднейших авторов, очевидно не без основания. Однако, как ниже мы увидим, внимательное изучение биографии и творчества Рудаки опровергает версию о врожденной слепоте.

То, что пишет Авфи о незаурядных талантах Рудаки, проявив-шихся еще в ранней юности, не вызывает сомнения. Слагать стихи он начал, по всей вероятности, еще живя в родном селении. Уже тогда он отличался не только талантом стихотворца, но и музы-кальными способностями. Однако учебу он начал, по-видимому, позже, уже будучи в Самарканде, где занимался светскими и ре-лигиозными науками. Дошедшие до нас стихи дают возможность судить и о жизненных обстоятельствах, и об обширных знаниях юноши. Он был знаком с богословием, историей, философией Восто-ка и Древней Греции (известной на Востоке по арабским перево-дам), космогонией, естественными науками, поэт в совершенстве владел пехлевийским языком, который в то время высоко почитал-ся как язык доисламской иранской культуры. В одном из бейтов он говорит:

Коль пехлевийским языком ты овладеть почел за труд,
Учи: сказать «Мавераннахр» ты можешь вместо «Варзаруд»!

Небогатому (если не сказать нуждающемуся) юноше жизнь давалась нелегко. Есть у Рудаки бейт, в котором он шутливо признается в своих мечтах о богатстве:

Надоели мне чарыки, и осел противен мне,
Я мечтаю о сапожках и арабском скакуне.

Видимо, к этому же периоду относятся и бейты, в которых поэт жалуется на несовершенство мира:

О, сколь низменны и мерзки проявления бытия!
В размышлении печальном пребываю часто я.

В ранней молодости, как в своем селении, так и позже, в Самарканде, Рудаки прославился сразу как поэт, певец и музыкант. Такой яркий талант не мог остаться незамеченным. Сведения Авфи о привлечении его ко двору Насром I ибн Ахмадом, который как глава династии правил Самаркандом в 865—892 годах, не подлежат сомнению (хотя он ошибочно пишет, что Наср¹ был правителем Хорасана). Можно с уверенностью сказать, что Рудаки был связан с саманидскими властителями задолго до того, как возникло централизованное государство со столицей в Бухаре. О том, что он служил нескольким правителям династии Саманидов, можно догадаться из намека в «Қасыде о старости»:

Иные хвалят только тех, кто щедро платит им,
Я дом Саманов воспевал с открытой душой.

Как известно, до возвышения Исмаила, брата Насра, как эмира Саманидского государства произошло несколько жестоких и кровопролитных столкновений между братьями. Рудаки в связи с этим испытал немало тягот, омрачавших его жизнь. Многие строки написаны им в минуты отчаяния и безысходности:

Мир я с коровою сравню, дающей молоко,
С той, что, негаданно взбрыкнув, ведро пролетит легко.

¹ Многие ученые, в том числе А. Мирзоев и С. Нафиси, считают этого Насра — Насром II (914—943), сыном Ахмада II. В таком случае приезд Рудаки в Бухару и привлечение его ко двору Саманидов должно было произойти в 915—920 гг., когда поэту было 55—60 лет, и значит Рудаки служил при дворе лишь одного правителя династии, тогда как он сам пишет, что долго служил роду Саманидов. Поэтому мы считаем, что поэт приблизился к Саманидам еще юношей, при Насре I, примерно в 80-х годах IX века.

О, горе, сколько этот мир сулит злосчастья нам!
Перемешались радость в нем с бедою пополам.

Есть у Рудаки небольшая кыта, в которой он призывает своего покровителя (вероятно, эмира) вознаградить поэта за верную службу:

Богатым прибыл на коне к тебе издалека,
Моя открытая душа была надежд полна.
Я десять лет тебе служил, неужто разрешишь,
Чтоб нищим возвратился вспять, пешком, без скакуна?

Неизвестно, каково было положение Рудаки в период правления Исмаила (892—907) и его сына Ахмада (907—914). Этот период даже косвенно не упоминается в его стихах. Думается, что поэт после захвата власти Исмаилом продолжал пребывать в Самарканде у Насра, который был оставлен номинальным главой государства до самой своей смерти в 892 году. Вероятно, Рудаки оставался в Самарканде и после того, как Исмаил, получив грамоту халифа, стал полновластным правителем Мавераннахра и Хорасана с 900 года. Это можно объяснить тем, что Бухара хотя и была объявлена столицей нового правителя, но еще не стала центром культурной и научной мысли и по своему значению уступала Самарканду. Рудаки еще долго прожил в Самарканде, на своей второй родине, пока Бухара не стала истинным центром политической и культурной жизни владений Саманидов. Вероятно, Рудаки, находясь в Самарканде, писал панегирики в честь победоносного отпрыска династии Саманидов Исмаила и оттуда посылал их в Бухару, но не был связан с ним придворной службой. По нашему предположению, Рудаки прибыл в Бухару после смерти Исмаила Саманида. При дворе Ахмада II Рудаки, поэт народного духа, не пользовался большим почетом, хотя и состоял на службе как придворный одописец. Ахмад II, будучи благочестивым мусульманином, не слишком покровительствовал носителям доисламских традиций, в том числе и литературных. Заядлый арабофил, он ввел арабский язык в государственное делопроизводство и особую симпатию проявлял лишь к тем чиновникам, которые почтительно относились ко всему арабскому. Видимо, некоторые стихи Рудаки, в которых слышны нотки пессимистического протеста против «несправедливости» («нохамвори»), были написаны в этот период. Рудаки, которому в это время уже было более пятидесяти лет, вполне мог размышлять о пройденном пути, о цели жизни, о мечтах и желаниях, которые не сбылись и едва ли могли сбыться в тех условиях:

Весь этот мир на сонный бред похож —
Его душой разумной не поймешь.
Добро немилосердным он дарует,
А в радости — с ним горечи хлебнешь.
Не пребывай в спокойном равнодушьи —
Неверен мир, продаст тебя за грош.
Дурную суть скрывает вид обманной —
В поступках злобен, а лицом пригож.

Однако нельзя сказать, что Рудаки жил в аскетическом уединении. Он, безусловно, был тогда уже признанным поэтом Бухары, и, несмотря на арабофильские наклонности Ахмада, при дворе Слманидов были люди, которые высоко ценили его прекрасные стихи.

Авторы исторических хроник и литературных произведений сходятся в том, что вершины поэтической славы Рудаки достиг во время правления Насра II. Разумеется, этот правитель, вступивший в восьмилетнем возрасте на престол Бухары, не мог еще оценить Рудаки во всем его величии. Однако при дворе были образованные везиры, понимавшие исключительную яркость таланта Рудаки. Наиболее влиятельные из них фактически распоряжались делами государства и вершили судьбы культуры и литературы. Это Абу Абдулла Джейхани, который от имени Насра как полновластный правитель управлял государством, а также Абульфазл Балами — значительное лицо при эмирах Исмаиле и Ахмаде, человек высокообразованный, поборник возрождения древних доисламских культурных и литературных традиций. Именно стараниями этих везиров при дворе Насра II были собраны крупнейшие поэты того времени и главой этих поэтов был признан Рудаки. Свои лучшие лирические и эпические произведения Рудаки, видимо, сочинил именно в этот период. Например, как свидетельствует Фирдоуси, знаменитая книга «Калила и Димна» была переложена Рудаки стихами по поручению Абульфазла Балами (вероятно, приблизительно в начале 30-х годов X века). Другая его поэма, известная лишь по размеру отдельных сохранившихся бейтов — месневи размера хафиф, — была написана в 923 году.

В 20-е годы Рудаки уже в зените славы, его известность перешагнула границы государства Саманидов. Видимо, официальный титул «малик-уш-шуара» («царь поэтов») был закреплен за ним именно в этот период. Впервые о таком высоком положении при дворе упоминается в сохранившемся бейте Маруфи Балхи, который применил по отношению к Рудаки эпитет «султани шаиран» («султан поэтов»).

В качестве одного из приближенных эмира Насра II Рудаки

мог влиять на ход политических событий. Свидетельство тому — знаменитый рассказ Низами Арузи Самарканди (умер приблизительно в 1160-х годах) из трактата «Собрание редкостей». В качестве иллюстрации приведем его почти целиком:

«Рассказывают, что Наср ибн Ахмад был лучшей жемужиной в ожерелье Саманидов... Зиму проводил он в столице Бухаре, а на лето приезжал в Самарканд или один из городов Хорасана. И вот в какой-то из годов настала очередь Герата... Войско стало на отдых. Климат там был прекрасный, прохладный ветерок, избыточный хлеб, избыток фруктов и напоенный ароматом воздух, так что весной и летом воины только и наслаждались жизнью... И так сезон за сезоном он все откладывал, пока не прошло четыре года... При всем этом люди истомились, и подступила к сердцу тоска по родине. В падишахе они не видели желания тронуться с места: в голове его — только климат Герата и в сердце — любовь к Герату... Тогда начальники войска и вельможи государства пришли к устату Абу Абдаллаху Рудаки. А для падишаха среди его приближенных не было никого влиятельнее и приятнее для беседы. Сказали: «Мы дадим тебе пять тысяч диннаров, если ты придумаешь средство, чтобы падишах сдвинулся с этой земли...» Рудаки согласился, ибо он постиг биеение пульса эмира и изучил его темперамент; поэтому знал, что прозой на него не повлиять, и обратился к поэзии. Он сочинил касыду и утром, когда эмир опохмелялся, вошел к нему и сел на свое место. И когда музыканты умолкли, он взял чанг и в ладу ушшак запел эту касыду:

Ветер, вея от Мульяна, к нам доходит,
Чары яр моей желанной к нам доходят...

Потом взял ниже и запел снова (приводится стихотворение)... Когда Рудаки дошел до этого бейта, эмир почувствовал такое волнение, что поднялся с трона, как был без сапог, вложил ноги в стремя скакуна, приготовленного у ворот, и помчался в Бухару».

В этом рассказе, не лишенном преувеличений, несомненно достоверно, что в крайне критическом положении именно Рудаки осмелился обратиться к грозному правителю с призывом вернуться в Бухару — свидетельство его большого авторитета.

Рудаки, по-видимому, владел в это время довольно большим состоянием за счет щедрых даров и пожалований эмира, его везирей и других государственных деятелей двора Саманидов, которым он преподносил свой панегирик и по заказу которых писал большие эпические произведения. В течение долгого времени многие

поэты, среди них и выдающиеся, ставили его в пример своим покровителям. «Царь поэтов» газневидского литературного круга Унсурни писал:

В знак уваженья к Рудаки эмир его вознаградил:
Дирхемов сорок тысяч он царю поэтов подарил;
Поэт, наградой вдохновясь, эмирской милостью гордясь,
О награждении своем стихотворение сложил.

(Перевод Д. Виноградова)

Поэт XII века Азраки говорит:

Как Хорасана властелин его, поэта, награждал,
Неповторимый Рудаки стихи бессмертные слагал:
Воспел эмира щедрость он и тех дирхемов блеск и звон —
Тех самых денег, что эмир как подать с подданных собрал.

(Перевод Д. Виноградова)

Слава о крупных вознаграждениях, полученных им от «мамдухов» (лицо, которому посвящается восхваление), видимо, в значительной степени исходила от самого Рудаки, который в своей «Касыде о старости» упоминает о сорока тысячах дирхемов, подаренных ему однажды Насром II за преподнесенную поэтом касыду спосому владыке:

Дирхемов сорок тысяч дал мне хорасанский шах,
Эмир Макан, вослед за ним, отсыпал дар большой.
Я восемь тысяч золотых в то время получил,
Был, говорю без похвальбы, хорош достаток мой.

Произошло это, вероятно, приблизительно в 930—935 годах, когда по просьбе Насра была написана знаменитая «Касыда о вине», посланная эмиром правителю Систана Абу Джафару в знак благодарности за усмирение восставшего правителя Хорасана — Макана ибн Каки.

Позднее к словам Рудаки авторы хроник и антологий прибавили легендарные вымыслы. Легенды о несчетных богатствах Рудаки, повторявшиеся всеми, кто писал о поэте, почерпнуты, по видимому, у Низами Арузи Самарканди. В «Собрании редкостей» приводится рассказ об эпизоде, связанном с написанием стихотворения «Ветер, вея от Мульяна, к нам доходит...», якобы заставив-

шего Насра вернуться из Герата в родную Бухару. В конце рассказа Низами Арузи пишет: «И я слышал в Самарканде в 505 году от дехкана Абу Раджа Ахмад ибн Абдуссамад аль-Абиди, который сказал: „Дед мой... рассказывал, что, когда Рудаки в этот раз прибыл в Самарканд, четыреста верблюдов шли под его выюками“». А почти через четыреста лет версию Арузи серьезно повторяет Джами:

Хвалу слагавший Саманидам поэт великий Рудаки —
Тот, чьи жемчужным ожерельям подобны гордые стихи,
Был награждаем полновесно... Кому доподлинно известно:
Сvezли б четыреста верблюдов с его дирхемами туюки?

(Перевод Д. Виноградова)

Спокойная и полная достатка жизнь продолжалась недолго. Приблизительно ко второй половине X века Рудаки был отстранен от двора, его имущество было разграблено и конфисковано. Свое трагическое положение Рудаки описал в «Касыде о старости», которая дошла до нас, видимо, без изменений и сокращений. Это стихотворение проникнуто скорбным воспоминанием о былой известности, о тех радостных и счастливых днях, когда он считался гордостью своей страны, славой могущественного двора Саманидов:

...Прошла пора, когда он мир стихами покорял
И песнетворца прославлял весь Хорасан родпой,
Когда вельможа привсчать певца считал за честь
И в час застолья раскрывал пред ним кошель тугой.

О причине опалы мы не находим сведений в стихах Рудаки. Большинство ученых связывает ее с приверженностью Рудаки к карматскому движению, получившему особенно широкий размах в первой половине X века в Бухаре и связанному идеологически с учением исмаилизма, одной из наиболее распространенных сект шиизма, возникшей в VIII веке в арабском халифате. Исмаилиты выступили как серьезная политическая сила против аббасидского халифата, отличавшегося крайним правоверием. В результате вооруженных выступлений против Аббасидов им удалось создать свои государства: в Бахрейне — так называемое Карматское государство, в Египте — Фатимидское государство (по имени дочери пророка Фатимы). Карматы отличались наиболее крайними и воинственными выступлениями. Фатимидское государство, сильное и хорошо организованное, наиболее успешно и длительно противостояло

до Аббасидам. Посланцы Фатимидов открыто и тайно вели активную пропаганду во многих городах Саманидского государства, и в первую очередь в его столице Бухаре. На широкие массы — «людей базара» — большое влияние оказывали карматские проповедники. Им удавалось склонить на свою сторону и некоторых военачальников и государственных деятелей, недовольных халифатом и прохалифатской политикой местных правителей. Один из влиятельнейших проповедников карматства, Нахшаби, проник в придворный круг Насра II и склонил к карматству не только влиятельных государственных вельмож (среди которых, как говорили, был и Бадами), но и самого правителя. Ортодоксальное духовенство, тюркская гвардия и некоторые государственные деятели — сторонники аббасидского халифа, напуганные столь широким размахом карматского движения и возрастающим влиянием Нахшаби, силой заставили Насра II отречься от престола в пользу своего сына Нуха I (943—954), а Нахшаби публично казнили на одной из площадей Бухары. В Бухаре и других городах Мавераннахра начались жестокие преследования и избиения карматов. В этой борьбе были удалены от двора многие сторонники Нахшаби из числа государственных деятелей, которые в свое время сыграли немалую роль в принятии карматства Насром II.

Многие специалисты объясняют опалу и трагический конец жизни Рудаки не просто симпатией поэта к карматству, но непосредственной его причастностью к этому движению, ссылаясь при этом на строки Рудаки, где он восхваляет Али:

О шах, ты святости оплот, в тебе пророка дар.
Ты миротворец, о эмир, премудрый, как Хайдар.

Тот, в чьей душе любовь к Али незыблемо живет,
В обоих заслужил мирах и славу, и почет.

Однако восхваление Али как наиболее ученого мужа среди всех халифов присуще не только шиитам, но и суннитам. Сторонники «карматства» Рудаки ссылаются также на известный бейт поэта IX века Маруфи Балхи, в котором цитируется якобы Рудаки:

Рудаки непревзойденный, царь поэтов в мире сем,
Говорил: лишь Фатимидам должно следовать во всем.

Действительно, здесь прямо заявлено о симпатии Рудаки к Фатимидам, но неизвестно, кто имеется в виду: Фатимиды — прави-

тели Египта или потомки Фатимы и Али. Трудно судить и о мотивах, побудивших Маруфи Балхи сослаться на Рудаки. Возможно, поэт хотел оправдать свою собственную приверженность к шиизму и карматскому движению.

Кроме приведенных примеров у Рудаки больше не встречается стихов, где он проявлял бы симпатии к шиитскому учению. Не исключено, что Рудаки положительно относился к рационализму и относительно свободной интерпретации исмаилитами многих положений Корана и ислама, но едва ли он был последовательным явным сторонником карматского движения в Саманидском государстве. Вызывает сомнение и то утверждение, что Рудаки был наказан саманидскими правителями после неудачного выступления Нахшаби и его казни. Вероятно, прав А. Бертельс, который еще в 1958 году, когда многие относили Рудаки к карматству, писал: «Жизнерадостная, открытая натура Рудаки, проявившаяся во всем его творчестве, даже в «Оде старости», вряд ли могла привести его к сознательному, активному участию в проповеди исмаилизма. Ведь даже для самых «левых» исмаилитских проповедников X в. был характерен значительный религиозный фанатизм».

В 1962 году А. Н. Болдырев обнаружил весьма любопытное высказывание одного из деятелей исмаилизма, который утверждает, что Рудаки никогда не был исмаилитом. В заключении этого небольшого, но очень важного сообщения исследователь делает достаточно веское резюме: «Следует думать, что еретические отклонения Рудаки от господствующей догмы не шли дальше обычного шиизма... Только такими были, вероятно, и отклонения большинства просвещенных людей эпохи Абульфазла Балами и других «карматов», а затем и самого Фирдоуси. Единственным свидетелем в пользу фатимидских симпатий Рудаки остается известный стих... Маруфи Балхи. Однако это свидетельство, ничем более не подтвержденное, находится в полном противоречии со всем тем, что мы знаем о духовном облике великого поэта».

Таким образом, можно заключить, что Рудаки не был последовательным сторонником исмаилизма и тем более карматского движения, а в политической борьбе карматов и их сторонников он вовсе не участвовал. Ибо ему, вольнодумному поэту, был чужд религиозный фанатизм в любых его проявлениях. Судя по небольшому отрывку одного его стихотворения, можно предположить, что Рудаки, возможно, обвиняли в симпатиях к исмаилитским идеям, и, очевидно отвечая своим обвинителям, поэт гордо утверждает независимость творческого духа:

Для радостей низменных тела я дух оскорбить бы не мог,
Позорно быть гуртоправом тому, кто саном высок.

В иссохшем ручье Эллады не станет искать воды
Тот, кто носителем правды явился в мир как пророк.

Онала Рудаки, по всей вероятности, началась еще тогда, когда Наср II в 935—937 годах вынужден был снять Абульфазла Балами с поста везира, чтобы успокоить противников карматского движения и оградить самого себя от опасных обвинений. Воспользовавшись этим, противники поэта добились и его удаления. Поэт был ненавистен придворным за свободомыслие, величие духа, приверженность к древним традициям своего народа, симпатии к людям труда, непримиримость к насилию и несправедливости, разоблачение пороков придворного круга. Вот несколько примеров таких разоблачительных мотивов в его стихах:

О хаджа, не обольщайсь добрым именем твоим,
Ты им ловко прикрываешь суть, таящую обман.
Тот, кто ближнего прельщает мнимой святостью своей,
Будь уверен, под приманкой хитроумный скрыл капкан.

О господин, ты всё вкушать готов:
Миндаль, и вина, и шербет, и плов.
Ты — змеелов, а мир подобен змею, —
Погибнешь от укуса, змеелов!

Есть у Рудаки стихотворения, где брошен смелый вызов ортодоксальной религии ислама, которой противопоставляется свобода души и тела:

Оставь михраб! Предпочитай любовь!
Где гурии Тараза, Бухары?
Живи для них! Мой бог молитв не любит,
Он для любовной создал нас игры.

Эти и подобные им стихи служили достаточным основанием, чтобы религиозные фанатики и правоверные государственные деятели очернили Рудаки как еретика и кармата и добились его изгнания.

Итак, Рудаки был удален от двора и обречен на нищету и одиночество. Как видно из его стихов, он никогда не был женат и этой своей свободой от семейных пут даже гордился. В «Касыде о старости» мы читаем:

Я жил свободно и легко, не ведая забот,
Обремененным не был я семейством и женой.

Такой образ жизни Рудаки считал необходимым для мудрых мужей — эти люди должны заботиться об увековечивании мудрости и разума, а не о продолжении рода:

Ни жена, ни дом, ни дети не привяжут мудреца.

Только мудрости он верен беспредельно, до конца.

О последних годах жизни Рудаки можно лишь строить догадки. Многие стихи его, проникнутые глубокой тоской и сожалениями, по всей вероятности, были написаны в эти годы. Он со скорбью вспоминает о тех великих мужах, которые ушли в вечность, о тех людях, которые много сделали ради благополучия и процветания государства Саманидов:

Великие ушли в красе и силе,
Все перед смертью головы склонили.
Сошли под землю в мрачные могилы
Те, кто сады и замки возводили.
Те, кто при жизни сотни благ имели,
С собою только саван захватили.
Я так скажу: добро спешите делать,
Не всё ль равно, что ели и носили.

В некоторых бейтах появляются мотивы мистического уединения, призывы к отречению от благ мира и блаженства ради постижения всевышнего посредством сокрушения тленной плоти:

Коль хочешь, чтоб смерть не настигла тебя,
То спрятаться должен в могиле живым.
И, там притаившись, в положенный срок
Без лестниц взлетишь к небесам голубым.

Или:

От всех соблазнов отрекись, надежно дверь замкни,
Достоин, скромно проживи отпущенные дни.

Видимо, эти и подобные этим бейты и послужили поводом для причисления Рудаки к поэтам суфийского толка. Так, поэт Насир Хусрав писал:

Был проицателен на редкость поэт слепой, устод, имам!
Дидактики и аскетизма не занимать его стихам.

(Перевод Д. Виноградова)

Сохранился небольшой отрывок, где Рудаки вновь вспоминает свое былое богатство и радостную жизнь и говорит, что ныне он живет в том же городе, в том же доме и сам он тот же Рудаки, с той лишь разницей, что былую радость сменил траур:

Я некогда был счастлив в этом доме,
С владыкою сравниться мог я прежде.
Всё те же дом и город, сам я тот же, —
Спроси, зачем я в траурной одежде?

Можно предположить, что это написано в Самарканде, где Рудаки поселился после удаления от двора. Но судьба продолжала преследовать опального поэта. На основании какого-то нового тяжкого обвинения он был подвергнут жестоким пыткам и, по-видимому, ослеплен.

Сведение об ослеплении Рудаки (не повторенное другими источниками) находим у историка конца XII — начала XIII века Наджати Нишапури в комментарии к «Истории Утби» (XI в.): «И в конце жизни выкололи ему глаза», — пишет он в 1309 году, не сообщая об источнике этих сведений. Если признать правдивость этого сообщения, становится понятным намек Абу Зираа, который так ответил своему правителю на вопрос, может ли он писать стихи подобно Рудаки:

Пусть я звездою не сверкаю, как царь поэтов Рудаки,
Клянусь, не меньше слов я знаю, чем сам великий Рудаки.
Он, мир познав, ослеп навеки, он славу дорого купил.
Не потому ли я не славен, что мир меня не ослепил!

Видимо, и Дакики писал в свое время не о слепом от рождения, но об ослепленном впоследствии поэте.

После раскопки могилы Рудаки и изучения его останков профессор М. Герасимов высказал предположение, что повреждения костяка (перелом позвонка и ребра) нанесены одновременно с ослеплением поэта, примерно в возрасте 58—60 лет. Однако это входит в противоречие с биографическими данными: ведь «Касыда о старости», в которой нет и намёка на слепоту, написана в возрасте не менее семидесяти лет, следовательно, поэт потерял зрение гораздо позже.

Ослепленный, одинокий и беспомощный Рудаки был перевезен в родное селение Панджруд, по всей вероятности односельчанами, и там вскоре умер.

Благородная простота, легкость и чарующая гармония стиха Рудаки поражали его современников и ближайших потомков. Поэт конца XI — начала XII века Рашиди Самарканди, наследие которого дошло до нашего времени также лишь в нескольких фрагментах, писал:

Достичь величья в мире брэнном не просто, будучи поэтом;
И Рудаки непревзойденный примером стал для прочих в этом, —
Его стихи считать я взялся — тринадцать раз сто тысяч бейтов!
Должно быть, их намного больше, но всех не сосчитаешь, где там!
(Перевод Д. Виноградова)

Толкование этого стихотворения до сих пор вызывает споры. Одни объясняют, что Рашиди считал тринадцать раз и каждый раз в итоге получал одно и то же количество строк — сто тысяч. Другие склонны думать, что Рашиди здесь называет число «сездах рах сад хазор», то есть «тринадцать раз сто тысяч». Скорее всего, Рашиди имел в виду именно это, так как в арифметическом счете того времени отсутствовало понятие и слово миллион (самое большое число было «курур» — «сто тысяч»). Рашиди явно преувеличивает объем поэтического наследия Рудаки: миллион триста тысяч строк — число действительно фантастическое. Авфи, приводя это свидетельство в своей антологии, как будто сомневается в его достоверности: «Хотя его стихи вне предела счета, здесь будет приведено лишь то, что позволяет объем этой книги». Как бы то ни было, несомненно, что Рудаки оставил после себя огромное поэтическое наследие. По-видимому, и в литературных кругах более позднего времени с их пресыщенным вкусом и пристрастием к формалистической изощренности не умели по достоинству оценить благородную простоту стиля Рудаки и глубокий смысл его произведений. Достаточно вспомнить, что знаменитое произведение «Ветер, вея от Мульяна, к нам доходит...» через четыре столетия после его создания очень низко оценивалось Давлатшахом Самарканди, который и принадлежал к кругу поэтов, исходивших из формалистических канонов усложненности и украшательства стиха.

То, что удалось собрать из литературного наследия Рудаки к настоящему времени, включает касыды, газели, рубай, кыта, отдельные бейты из лирических стихотворений. Остальную часть составляют небольшие фрагменты и бейты из эпических поэм. Среди них особое место занимает месневи «Калила и Димна» — переложение на стихи знаменитого письменного памятника дидактиче-

ской прозы, восходящего к древнеиндийской книге «Панчатантра». Эта книга была переведена еще до ислама на пехлевийский, а в VIII веке на арабский язык. По словам Фирдоуси, «Калила и Димна» еще до Рудаки была переведена прозой на фарси (видимо, с пехлевийского) по повелению везира Балами, а может быть, и им самим. Переложение Рудаки не было обычным стихотворным пересказом. 148 строк разрозненных бейтов убеждают нас в том, что он создал оригинальное эпическое произведение, которое недаром поражало современников яркой художественностью и глубиной мысли. Это подтверждает предание о богатом вознаграждении, полученном Рудаки от эмира Насра за эту книгу. Рудаки переложил на стихи и известную книгу «Синдбаднаме», повествующую о королевиче и семи везирах, которая также была переведена с индийского оригинала на язык пехлеви при Сасанидах. Найдено более тридцати бейтов этой поэмы. Перу Рудаки приписывают также поэму «Солнцеворот». Как видно из сохранившегося отрывка, она была посвящена поэтическому изображению небесной сферы и небесных тел. Поэма содержала космологические представления эпохи Рудаки и свидетельствовала о достаточно хороших познаниях поэта в области астрономии.

Сохранившиеся бейты в форме месневи позволяют предположить, что у Рудаки были еще и другие поэмы. С. Нафиси собрал эти бейты из множества различных письменных источников; соответственно стихотворным размерам и приблизительному содержанию поделил их между пятью поэмами, назвав каждую по ее стихотворному размеру: «Мутакариб», «Хафиф», «Хазадж», «Музоре», «Саре». Поэма, написанная размером мутакариб, судя по содержанию отдельных бейтов (всего их 41), создана по мотивам одного из доисламских героических сказаний, существовавших на пехлевийском языке. Бейтов из поэмы размера хафиф сохранилось 27. Видимо, эта поэма была дидактического содержания, состояла из различных рассказов, завершающихся какой-то сентенцией или моралью. Тринадцать бейтов из поэмы размера хазадж свидетельствуют о том, что эта поэма рассказывала о приключениях двух влюбленных, сюжет ее восходит опять-таки к пехлевийским книгам. Месневи размера саре, видимо, была философско-дидактической поэмой без сквозной сюжетной линии. Вот два связанных бейта из нее:

Одежда мира загрязнилась, глянть.

Кинь прачкам постирать ее в лохань,

Линяют краски, и не знать заране,

Какой одежда выйдет из лохани.

Нафиси приводит по три бейта размеров хазадж и музоре, также считая их отрывками неизвестных поэм Рудаки. О содержании одной из них трудно сказать что-либо определенное. Остальные же бейты в размере музоре — скорее всего начала лирических стихотворений, считать их частью поэмы лишь по парной рифмовке нет оснований.

Какие бы сюжеты ни использовал Рудаки, в строках его стихов всегда можно проследить основные идеи его творчества: борьбу со злом и несправедливостью, утверждение добра и разума, воспевание любви и красоты, размышления о судьбах мира и места человека в нем.

Художественное мастерство великого поэта во всем блеске предстает перед нами в его лирических произведениях, среди которых мы находим все известные в то время жанровые формы — касыды, газели, кыта, рубайи.

Из касыд до нас целиком дошли два произведения — «Касыда о вине...» и «Касыда о старости». «Касыда о вине...» посвящена эмиру Систана Абу Джафару Ахмаду ибн Мухаммаду. Как пишет анонимный автор «Истории Систана» (единственного источника, благодаря которому полностью сохранилась эта касыда), саманидский правитель Наср ибн Ахмад устроил торжественный пир по случаю победы Абу Джафара над восставшим против Саманидов наместником Макана, и Рудаки, по поручению эмира Насра, сложил касыду, посланную в Систан с закупоренным сосудом вина. Эта касыда издавна составляет предмет изучения многих поколений филологов как непревзойденный образец этого жанра. Вторая касыда — поразительное по простоте и искренности автобиографическое произведение, в котором автор оплакивает ушедшую молодость. При всем различии стиля и содержания, эти касыды Рудаки роднит общая тональность, создающая поэтический образ жизни в противоречивом единстве страданий и радости, неизбежной гибели и продолжающегося бытия. Язык стихов гибок и свободен, поэт употребляет простые слова и средства выразительности, почерпнутые у народа, из которого он вышел, изображает чувства и мысли, понятные и близкие обыкновенным людям. Гениальная простота поэзии Рудаки отмечена Садриддином Айни:

«Стихи Рудаки исключительно просты и естественны и наряду с этим невероятно искусны и впечатляющи... Читая эти стихи, мы испытываем такое наслаждение, подобное которому редко можно испытать даже при чтении стихов самых знаменитых поэтов... Поэзия устода Рудаки отмечена печатью гениальной простоты. Средневековыми теоретиками стиха такая поэзия характеризовалась как «сахли мумтане» («недоступная простота»), заключаю-

нясь в том, что внешне создается впечатление, будто писать стихи ничего не стоит, на самом же деле этим искусством владеют лишь немногие».

Эти слова можно отнести к любому из творений Рудаки. «Царь поэтов» газнинского литературного круга, выдающийся мастер стиха Унсури, чье искусство оценивалось многими как недосягаемая вершина, признавался: «Газель в стиле Рудаки красива и изящна, Жаль, мои газели получаются не по-рудакийски!»

Низами Арузи Самарканди, приводя рассказ о знаменитом стихотворении «Ветер, вея от Мульяна, к нам доходит...», прибавлял: «До сих пор никто не сумел сочинить «ответа» на эту касыду и не было таланта, который с такой легкостью мог бы обойти все возникающие здесь трудности... И каждый мастер, сведущий в искусстве стихосложения, когда немного поразмыслит, убедится, что я в этом прав».

По преданию, Рудаки был редоначалником литературного рубаи — формы, восходящей непосредственно к устной народной речи. Об этом рассказывают так: проходя однажды мимо играющих в городки юношей, Рудаки услышал у одного из игроков рифмованную речь в такт игры, очень близкую к стихотворному размеру. Восхищенный богатой ритмикой обыкновенной разговорной речи, поэт возвратился домой и тут же написал в этом размере стихи из четырех строк, назвав их «рубаи» — «четверостишия». Эта легенда еще раз подтверждает предположение о народных истоках рубаи, как и других форм поэзии X века.

Величайшее мастерство великого поэта видно и в разрозненных бейтах. Оторванные от контекста, они не потеряли своего смысла и не случайно сохранились, передаваясь из уст в уста, зафиксированные в антологиях и словарях, благодаря той же глубине и завершенности мысли, органическому сочетанию отточенности формы и простоты стиля, которые свойственны законченным произведениям Рудаки. Безыскусственность бейтов часто граничит с прозаизмом, но, как не раз отмечали исследователи, это результат высокого поэтического искусства. В одном бейте мы видим зарисовку пейзажа, в другом — описание красоты возлюбленной, и везде традиционные приемы звучат свежо и непосредственно, наполнены искренним, живым чувством. Владая всеми приемами традиционного поэтического мастерства, применяя исключительное разнообразие метров аруза, Рудаки в то же время избегал формализма, усложненности, риторики.

Сам поэт прекрасно сознавал великую силу своих творений. Меткую и точную образную характеристику дал он своей художественной манере в одном из бейтов:

Современней всех поэтов, вкуса нового и толка,
Я способен из гранита сделать бейт нежнее шелка.

Рудаки был величайшим мастером слова, в чьем творчестве объединилось высокое мастерство, разнообразное содержание, основанное на исключительной образованности автора, народные мотивы и богатство родного языка — все те черты, которые сделали творения великого поэта жизненными, самобытными и привлекательными для многих поколений, вплоть до современных читателей.

5

Творчество Рудаки было живительным источником для всей литературы, которая формировалась на огромной территории государства Саманидов. Поэты, жившие в Бухаре и других культурных центрах Хорасана и Мавераннахра, так или иначе испытывали на себе благотворное влияние его поэзии.¹

Не все поэты, жившие в одно время с Рудаки, были представителями одной с ним поэтической школы. Поэтому само понятие «современники Рудаки» еще само по себе не достаточно, нужно более дифференцированное определение. Прежде всего, среди поэтов, называемых обычно в числе современников Рудаки, есть многие, творчество которых приходится на период после Рудаки и даже на начало XI века. Другие поэты, хотя и были в собственном его смысле современниками, являлись представителями иных литературных течений и не принадлежали кругу Рудаки. Есть все основания говорить о наличии двух периодов поэзии X века. Указав на них и попытавшись точнее очертить круг последователей Рудаки, современное литературоведение должно решить еще одну задачу — определить и основательно проанализировать идейные и эстетические особенности разных школ и разных периодов поэзии X — начала XI века. Мы можем говорить о плеяде поэтов-«рудакийцев», лучшие из которых не эпигонски, а органически усвоили высокий творческий дух, который господствовал в X веке в персоязычной литературе.

Наиболее близкими к нему были: Шахид Балхи, Фаралави, Рабанджани, Абу Шакур Балхи, Имара Марвази, Рабиа Каздари, Башшар Маргази, Абульмасал, Лавқари Чангаи, Шакир Бухари, Тайян, Маргази, Маруфи Балхи. От поэтического наследия большин-

¹ Подробнее об этом см.: Р. Хадидзаде, *Круг Рудаки*. — «Памир», 1984, № 9, с. 117—126.

ства из них сохранились лишь фрагменты, а подчас не более одного-двух бейтов. Так, из наследия Муради, который был, по-видимому, одним из выдающихся поэтов того времени, до нас дошло всего два бейта. Исключение составляет лишь Абу Шакур Балхи: его поэтическое наследие насчитывает более пятисот бейтов. Но даже и разрозненные фрагменты дают представление о высоком искусстве поэтов, каждый из которых так или иначе продолжал и развивал достижения великого основоположника персоязычной классической поэзии.

Шахид Балхи был близким другом и старшим сверстником Рудики, который высоко ценил его поэтический дар. Шахид писал по преимуществу пышные оды со вступлениями, посвященными описаниям природы и любовным переживаниям. Сохранились также отрывки его ядовитых сатир. В поэтическом наследии Рабанджани привлекает внимание небольшой отрывок из марсии, где мастерски (говоря словами Унсури, «по-рудакийски») совмещены скорбь по усопшем и приветствие по случаю восшествия на престол нового правителя. Судя по бейтам и отдельным строкам Фаралави, он был поэтом-лириком, писал касыды, газели, сатирические стихи. Несмотря на огромные знания и поэтический дар, Фаралави, по-видимому, часто испытывал лишения. Об этом он пишет в одном из сохранившихся бейтов. При всем том он был одним из самых знаменитых поэтов. Рудаки ставил его вместе с Шахидом Балхи выше всех поэтов своего времени. Абу Шакур Балхи, младший современник Рудаки, внес большой вклад в различные жанры персидско-таджикской поэзии. Его основное произведение «Афариннаме» («Книга восхвалений») хотя и дошло до нас в разрозненных бейтах, дает этому поэту полное право называться мастером дидактической поэзии. «Афариннаме» — дидактическая поэма со вставными рассказами и притчами о благих нравах правителей, о справедливости, благочестии и чистоте человеческой природы, о правде и правдивости, о силе слова, возвышенности разума и других нравственных ценностях. Из нее сохранились лишь отрывки сентенциозного и нравоучительного характера, а также разрозненные бейты из вставных рассказов и притч. Единственная известная нам законченная касыда Башшара Маргази, посвященная изготовлению вина, прямо восходит к изображению этого процесса в «Касыде о вине...» Рудаки. Башшар, несомненно, подражал знаменитой касыде, начинающейся мастерским описанием приготовления и выдержки вина. Эта касыда Башшара отличается от многих панегириков тем, что она не посвящена восхвалению какого-либо владыки, а состоит только из васфа — описания вина, что характерно для арабских касыд. Среди отдельных бейтов лирического, панегирического и сатирического содержания, сохранившихся от Абуль-

масала, есть строки, в которых поэт скорбит о пришедшей старости и противопоставляет ей утраченную молодость — мотив, который мы находим и в «Касыде о старости» Рудаки. Рабиа Каздари считается первой по времени женщиной-поэтессой в истории персидско-таджикской литературы. Она писала стихи по-персидски и по-арабски, одинаково свободно владея этими языками. Немногие дошедшие до нас строки пропитаны духом свободолюбия и глубоким лиризмом, выделяющим их на фоне традиционной любовной лирики. Единственная сохранившаяся газель Лавкари Чангзана (возможно, это начало касыды, посвященной Цуху II) — редкий образец сюжетного произведения этого жанра. Она содержит в себе старейший образчик лугза — стихотворной загадки, где сначала называются различные признаки предмета, а затем сообщается его название, в данном случае — флейта, чанг. У Шакира Бухари есть отрывки из касыд, бейты лирического содержания, видимо из газелей и вступлений к касыдам (насиб), в которых поэт воспел любовь, радости жизни. Среди фрагментов имеются четыре бейта, написанных в трех разных размерах месневи. Вероятно, это бейты из дидактических и эпических поэм Шакира. Тайян Маргази славился как выдающийся сатирик. Знаменитый персидско-таджикский поэт Анвари (XII век) остроумию сатиры Тайяна сопоставлял с высоким стилем арабского поэта Хассана, панегириста пророка Мухаммада. Действительно, среди сохранившихся стихов Тайяна много бейтов остросатирического содержания. Но есть у него и строки лирические и панегирические, свидетельствующие о мастерстве в сочинении касыд и газелей. Некоторые бейты написаны в форме и размерах месневи, по ним можно предположить, что он написал какую-то сатирическую поэму. Есть два бейта, содержащих советы по лечению желудочной боли и кашля — видимо, из медицинского сочинения в стихах (эта форма была довольно распространенной на Востоке для составления популярных медицинских сочинений). Маруфи Балхи, искусный лирик, в совершенстве знал арабский язык и владел высокой техникой стиха. Мы знаем бейты из его газелей, кыта, многих сатир.

Некоторые поэты школы Рудаки были не только его творческими единомышленниками, но и близкими личными друзьями. Замечательный мастер философской лирики Шахид Балхи был дорог великому поэту своим личным обаянием и дружеским расположением. Безутешная скорбь сквозит в стихах Рудаки, посвященных смерти друга в 937 году:

Он умер. Караван Шахида покинул этот бренный свет,
Смотри, и наши караваны увлек он за собою вслед.

Глаза не размышляя скажут: «Одним на свете меньше стало».
Но разум горестно воскликнет: «Увы, сколь многих больше
нет!»

Скорбно и возвышенно звучат также строки элегии Рудаки, написанные по случаю смерти Муради:

Скончался Муради. Ты скажешь ли о нем:
«Он умер», — если он сиял для нас умом?

Влияние народного творчества, создающее простоту и жизненность поэтического стиля, характерно для всех поэтов круга Рудаки.

Творчество современников и последователей Рудаки характеризуется почти полным отсутствием религиозной тематики, мистических образов, настойчивым интересом к доисламским сюжетам. Их стихи, как правило, являются художественным выражением дум и чаяний народа, используют народные мотивы, отличаются простотой и ясностью стиля и многообразием жанровых форм. Каждый из них внес свой вклад в родную поэзию, обогащая ее форму и содержание в том направлении, которое определил на долгие годы великий Рудаки.

Философское и общественное свободомыслие, связанное с обращением к старым культурным традициям, продолжалось в поэзии более позднего времени. Возрождались идеи и образы древних доисламских преданий, воспевались даже обряды и праздники, связанные с запрещенной исламом религией зороастризма. Смелое обращение к вере отцов как вызов исламу мы видим у Абу Мансура Дакики, закончившего одно из своих произведений такими строками:

И добро, и зло Дакики изведал,
Ныне жаждет он четырех услад:
То — коралл вина, вера Заратуштры,
Чанга нежный стон, алых губ гранат.

Первым из персоязычных поэтов Дакики приступил к переложению на стихи древних сказаний иранских народов о легендарных царях и героях доисламского периода. Однако он успел сочинить лишь несколько дестанов за свою короткую жизнь (по преданию, он был убит одним из своих слуг). До нас дошло единственное из сказаний — о царстве Гуштаспа и начале проповеди Заратуштрой веры зороастризма. Фирдоуси включил его без изменений под именем Дакики в свой грандиозный эпос «Шахнаме» как дань уважения памяти поэта, впервые решившегося на такой

титанический труд. Два фрагмента из касыды и две кыта Хусравани продолжают довольно распространенную в то время тему одинокой беспомощной старости, размышлений о своей горькой судьбе. Остальные его бейты — это отрывки из касыд, газелей и сатирических стихов, которые демонстрируют мастерство поэта в области анакреонтической лирики. В подражание дивану Рудаки, он создал в своем диване образ человека, наслаждающегося радостями жизни. Цитату из одного его насиба Фирдоуси включил в «Шахнаме». Одним из прославленных поэтов своего времени был Имара Марвази, известность которого шагнула далеко за пределы его родного Мерва. Авторы средневековых антологий и трактатов по поэтике дают высокую оценку его любовно-лирическим стихам. Были, видимо, у него и стихи суфийского содержания, которые пользовались популярностью среди суфиев. На наш взгляд, не случаен тот факт, что знаменитый суфий X века Абу Саид Абульхайр (967—1014) во время своего пребывания в Мерве почтил память Имара, посетив его могилу. Судя по бейтам и фрагментам из его касыд, кыта, четверостиший, газелей, сатир, Имара может считаться поэтом-лириком, который в своем творчестве не обращался к эпическим формам поэзии. Что касается Кисаи, то неизвестно, был ли он придворным поэтом какого-нибудь правителя. Поэт XII века Сузани в одном из стихотворений пишет, что Кисаи посвящал некоторые касыды саманидскому эмиру Утби, за что получал большие вознаграждения. Кисаи был не только поэтом, но и видным ученым своего времени, о чем свидетельствует обычно прибавляемое к его имени слово «хаким» («мудрец»). Творчество Кисаи является связующим звеном между произведениями поэтов саманидского круга и стихами панегиристов Газневидской династии. Он был мастером изящного, изысканного описания.

Рудаки и его плеяда оказали заметное влияние и на развитие поэзии в западных областях Ирана, где литература на языке фарси возникла приблизительно на 40—50 лет позже, чем в Мавераннахре.

К этому литературному кругу принадлежали Мантики Рази, Хусрави, Камари Джурджани. Мантики Рази писал превосходные стихи на персидском и арабском языках. Источники рассказывают, что, когда он приехал ко двору Бундов, известный везир Сахив ибн Аббад попросил его перевести экспромтом на арабский язык небольшой фрагмент персидского стихотворения, чтобы убедиться в поэтическом таланте Мантики. Поэт тотчас же перевел эти стихи в том размере и с той же рифмой, которые ему были предложены. Хусрави был придворным поэтом правителей Зияридов на севере Ирана и носил титул «аль-хаким», свидетельствующий о том, что он был также видным ученым своего времени. Действительно, в его

стихах можно найти отдельные философские положения о мире, об отношении к божеству и т. д. Есть бейты, в которых поэт выступает против несправедливости и унижения людей, достойных почета и уважения, носителей знания и просвещения. Известны также его стихи о любви и вине, отдельные бейты сатирического содержания. Сохранившиеся лирические и панегирические стихи Камари Джурджани показывают, что он обладал высоким поэтическим мастерством, однако отличался от поэтов саманидского круга и некоторых поэтов Западного Ирана усложненностью стиля и формалистическим техницизмом. Высокое мастерство искусства слова, свойственное этим поэтам, уже несет в себе признаки позднейших художественных вкусов.

После смерти Рудаки в поэзии его последователей наблюдаются новые черты, присущие более поздней эпохе. Хотя известные нам рубай Дакики отличаются той же простотой формы, как у Шахида Балхи, Абу Шакура Балхи и самого Рудаки, но в его лирике уже заметны тенденции к абстрагированию художественного образа и поэтических фигур, к усложненности стиля, к арабизмам и книжности. То же можно сказать о творчестве Абу Зираа и, в особенности, о придворных поэтах одного из правителей Чаганиана во второй половине X века, Абу Яхья Тахира. Как и многие правители, он покровительствовал поэтам, а кроме того, и сам писал стихи под именем Тахира Чагани. При дворе Тахира жили такие видные поэты того времени, как Баде Балхи, Мунджик Термези, Дакики, Маруфи Балхи и другие. Тахир Чагани писал, по-видимому, преимущественно газели, лирические кыта, восхваляющие красоту возлюбленной, вино, радости жизни. Баде Балхи оставил нам два больших фрагмента из касыды — насиб с прекрасным описанием весны и небольшой отрывок, посвященный восхвалению Абу Яхья. Стихи Баде Балхи отличаются от произведений бухарского литературного круга своим усложненным стилем, арабизмами и другими признаками, не характерными для поэтов школы Рудаки. Мунджик Термези был мастером касыд и газелей и в то же время прославился как непревзойденный автор сатир. Как сообщает писатель XI века Насир Хусров в своей «Книге путешествий», очень большой не дошедший до нас диван касыд и газелей Мунджика еще в XI веке пользовался широкой популярностью и на западе Ирана. По стилю и поэтическому строю стихи Мунджика хотя и продолжают традиции поэзии саманидского круга в целом, но в них уже заметны тенденции к усложненности, искусственным гиперболам и абстракции поэтических образов, характерные для более поздней эпохи.

К сожалению, от богатого и разнообразного наследия современников Рудаки осталось еще меньше, чем от его собственного.

Но и немалое, уцелевшее до наших дней, ярко и убедительно свидетельствует о том, что персидско-таджикская литература X века достигла высокого расцвета в творчестве поэтов, живших в Средней Азии и Хорасане.

Большинство из них так или иначе были связаны с придворной службой. При всем том по многим признакам очевидно, что творчество лучших из этих авторов не замыкалось в придворной сфере, а было связано неразрывными узами с народной поэзией, лучшими достижениями науки и философской мысли своего времени, благодаря чему художественное слово и поднялось на огромную высоту.

Поистине X век ознаменовался стремительным взлетом великой литературы, давшей миру в дальнейшем Фирдоуси, Анвари, Саади, Руми, Хафиза Джамии. И у истоков этой блистательной поэзии гордо и величественно стоит имя Рудаки — «Адама персоязычной поэзии» — в окружении целой плеяды его современников и последователей.

Расул Хади-заде

РУДАГИ

В святую полночь надлежит откупорить сосуд —
Ярчайшей солнечной струей заплещет родничок.
Хрустальный кубок подними, с восторгом возгласив:
«Не сам ли праведный Муса огнем окрасил лог!»
Смельчак робеет пред вином, отважным станет трус,
А бледный станет как цветник, вкусив один глоток.
Тот, кто во здравие испил наполненный фиал,
Не испытает никогда ни горя, ни тревог.
Десятилетнюю тоску прогонит за Танжер,
Отыщет в Рее для себя счастливых дней исток.
Но если выдержать вино в течение долгих лет,
Себе и близким преподав терпения урок, —
Высокий сан велит тебе созвать друзей на пир,
Маджлис цветами расцветить, как райский уголок.
Пусть яства будут на столе достойные вина,
Чтоб подражания пример довольный гость извлек.
В парче и золоте друзья воссядут на ковры,
Благоуханьем базилик заполонит чертог.
Пусть чанга звучная струна гостям ласкает слух,
Хабана флейты вторит ей серебряный свисток.
Эмиры местные сидят с вождами Балами,
Дехкан Харран и Пирсалих поднимают винный рог.
А на почетном месте царь в короне золотой,
Правитель Хорасана, он и благостен и строг.
И тюрок воинов ряды, их тысяча числом,
Стоят, застыв полукольцом, склонясь у царских ног.
Грушеобразные венцы блестят на головах,
И ярче красного вина румянец юных щек.
А виночерпий за столом, красавцев всех кумир,
Хакана тюркского престол наследует в свой срок.
Гуляет кубок круговой, доволен государь,
И счастлив каждый, кто царю в деяниях помог.
Он виночерпия к себе приветливо зовет,
А тот высок, как кипарис, кудряв и черноок.
Царь поднимает свой бокал, наполненный вином,
За шаха Сенстана пьет хмельной, кипучий сок.
Он призывает всех вельмож последовать ему,
И услаждает царский слух речей заздравных слог.
«Да будет славен Бу Джафар Ахмад ибн Мухаммад,
Ирана гордость и краса, луны блестящий рог.
Он справедливости оплот, светило всех времен,
Всевидящ он и всемогущ, как истинный пророк.
Прославил он адамов род достойнее других,
Подобных не было и нет», — я истину изрек.

Аллах один, и мы должны склониться перед тем,
Кого божественным своим сияньем он облек.
Из элементов четырех род смертных сотворен,
От солнца Сасанидов вождь вести начало смог.
Ирана царственный венец развеял царство тьмы,
Мир обветшалый засиял, как сказочный цветок.
Поэт, коль ты красноречив, его дела воспой.
А если многое познал и разумом глубок,
Восславь того, чья жизнь для нас великий образец,
На этом праведном пути с тобой пребудет бог!

Он тот, который всех мудрей, к наукам приобщен,
Для нас он вместе и Сократ и греческий Платон.
Коль соблюдаешь шариат, как набожный факих,
Бу Ханифа в нем и Суфьян в едино сопряжен.
Когда о тайнах естества он речи поведет,
Поймешь, что сам мудрец Лукман в познаньях
превзойден.

Тем, кто словесность изучал, — оттачивает слог,
Мужей ученых в их делах поддерживает он.
Коль хочешь ангела узреть — перед тобой Ризван,
Хранящий райские врата, от недругов заслон.
Вглядишь, сколь нежен и лучист его пресветлый лик!
В восторге в этом убедись, коленапреклонен.
Происхождением высок, исполнен доброты, —
Великодушье для него единственный закон.
Когда постигнешь силу слов, что он произнесет,
Знай, будет даже сам Сатурн тобою уstraшен.
А коль увидишь — государь восходит на престол,
Воскликнешь: «Ты воскрес опять, премудрый
Соломон!»

Подобно Саму мчится вождь на резвом скакуне,
Такого всадника досель не видел небосклон.
В тот день, когда Добро начнет борьбу с всемирным
Злом,
Вонитель первым примет бой, в кольчугу облачен.
Столь устрашающе велик в руке подъявший меч,
Что пред могуществом царя ничтожен грозный слон.
И если б сам Исфандияр узрел его в бою,
Пред острием его копья склонился, побежден.
Правитель, как гранитный кряж, спокойствие хранит,
Незыблем, как гора Сиям, чей неприступен склон.
Враги пред стрелами дрожат и тают, словно воск,
Хоть каждый в битве был свиреп, как яростный дракон.

И если огненный Миррих в сраженье вступит с ним,
Вмиг станет жертвою меча, разбит и посрамлен.
Когда в застоля час нальет наш государь вина,
То будет щедро, как дождем, им каждый напоен.
Не тем дождем, что тучи льют над нашей головой,
А тем, что дарит жемчуга, монеты и виссон.
Двумя руками, щедро, нас одаривает царь, —
О мировом потоке сказ отныне затемнен.
В великодушии своем ему ценней всего
Стихов возвышенная суть, касыд волшебный звон.
Поэт, который шел к нему с нуждою, без гроша, —
Получит золото и скот, по-царски награжден.
Лелеет царь своих нецгов и пестует талант,
К себе ученейших мужей сумел приблизить трон.
Царь в благочестье превзошел всех истых

мусульман,

Непогрешимо справедлив и мудр его закон.
Он правит беспристрастный суд, враждой не

омрачась,

Богатый, бедный — все равны, никто не предпочтен.
Благодеянием спешит он осчастливить свет,
Нет человека, чтоб им был забыт и обойден.
Отдохновение дает уставшим от скорбей,
Бездомных, сирых и больных обогревает он.
Длань милосердия его простерта над землей
И покрывает ширь пустынь, скалистый горный склон.
Не держит гнева он на тех, кто кается в грехах, —
Раб многогрешный был царем отпущен и прощен.
Нимруза храбрый властелин преследует врагов,
Так за джейраном леопард стремглав летит вдогон.
В эмире ожил Амр ибн Лайс, ведущий в бой полки,
И ветер времени шумит в полотнищах знамен.
Рустама подвиг навсегда прославился в веках, —
Вождь Сасанидов превзошел героев всех времен.
О Рудаки, другим царям касыды не слагай —
Славь одного и счастьем, верь, не будешь обделен.
Шлифуи, отыскивай слова, чтоб мысли передать,
Чтоб в строчках каждый образ был стоцветно

огранен.

Сколь ни пытайся, всё равно не сыщешь должных

слов,

Старайся в меру сил своих, уменьем наделен.
Ты с вдохновением слагал касыду в честь царя,
Слова такие выбирал, чтоб души брать в полон.

Хоть я в поэзии теперь Хассан, Таи, Джарир,
Тому пишу, кто был досель никем не превзойден.
Тому, кто возвеличил мир, прославивший царя,
И кем порядок на земле навечно учрежден.
Пускай достиг я мастерства в реченьях, как Сахбан,
Всё ж опасуюсь, вдруг мой стих не будет столь
силен.

И я творение свое страшился перечесть,
Хоть в написании касыд издавна искушен.
Предел есть каждой похвале, но славлю без конца
Того, кому звучит хвала всегда со всех сторон.
Не диво, если Рудаки становится в тупик,
В смущенье свой теряет ум, растерян и смятен.
И если бы не Бу Умар, он смелость мне придал,
Когда б не повелел Аднан, что властью облечен,
Откуда храбрости мне взять, чтоб восхвалить царя,
Ведь для него весь сущий мир был богом сотворен.
О, если б царь меня призвал, я немощь превозмог,
К нему помчался, как стрела, вельем окрылен.
Касыду положил к стопам владыки самого
И эту песню прочитал, вниманьем вдохновлен.
Касыда, ты посланник мой, прощенье испроси,
Эмир — ценитель тонких слов, постигнуть

должен он:

Не смог приехать Рудаки к эмиру во дворец,
Он стал и немощен, и слаб, и старостью согбен.
Да будет счастлив наш эмир отныне и всегда,
Да будет стан его врагов навеки истреблен.
Пусть царь возвысится главой до светозарных звезд,
Пусть будет враг его навек в пучине погребен,
Пусть радость окружит царя немеркнувшим венцом,
Трон будет вечен, как Сахлан, и солнцем озарен.

2. КАСЫДА О СТАРОСТИ

Все зубы выпали мои, зияет рот пустой,
А прежде каждый зуб мерцал, как светоч золотой.
Лучась рассветною звездой, блестя, как жемчуга, —
Сверкали зубы серебром и каплей дождевой.
Вдруг сразу выкрошились все. Откуда зло взялось?
Иль, может, яростный Сатурн расправился со мной?

Нет, здесь Сатурн не виноват и годы ни при чем,
Сказать, что было? Эта казнь ниспослана судьбой.
Шарообразен мир, как глаз, вращаться должен он,
Замкнул его закон времен в орбите круговой.
Что исцеляет хворь теперь — отравую звалось,
Лекарство ядом вновь зовет, отчаявшись, больной.
То, что казалось новым нам, устареваает вмиг,
Теперь нас старое опять пленяет новизной.
Где шелестел зеленый сад, теперь шуршит песок,
Минует срок — в пустыне вновь сады встают стеной.
О луноликая моя, откуда знать тебе,
Каким красавцем прежде был согбенный пленник

твой!

Похожи локоны твои на загнутый чавган,
Вились когда-то и мои кудрявою волной.
И тоже шелк моих ланит был розово-упруг,
И тоже цвет моих кудрей был густо-смоляной.
Подобно гостье, красота недолго погостит,
Какой дорогою уйдет — ей ведомо одной.
Бывало, взгляды я ловил красоток молодых
И очарован был не раз дразнящей красотой.
А сколько ласковых рабынь когда-то я ласкал,
В объятьях тайных целовал в полночный час глухой.
К ним на свиданье приходил я опасался днем —
Их устрашал хозяйский гнев, зиндана мрак сырой.
Доступны были для певца запретные плоды:
Стап гибкий, лучезарный лик, кипучий ток хмельной.
Вмещало сердце в те года сокровищницу слов,
В звучанье каждого стиха вплетал я символ свой.
Слыл жизнелюбцем Рудаки, печали не знавал,
Вся жизнь казалась для него беспечною игрой.
А сколько каменных сердец, расчетливых и злых,
Стихами плавил, словно воск, смягчая добротой.
Влюбленных взоров не сводя с прелестных озорниц,
Я слух к поэтам обращал, к поэзии живой.
Я жил свободно и легко, не ведая забот,
Обремененным не был я семейством и женой.
Теперь ты, с жалостью в глазах, глядишь

на Рудаки, —

Знай, луноликая моя, он был совсем иной!
Когда-то он в избытке сил полсвета обошел,
Повсюду песни распевал, как соловей весной.
И собеседником он был достойнейших мужей,
И шахиншаху во дворце давал совет благой.

В чертогах пышных на пирах читал свои стихи
И к справедливости взывал возвышенной строкой.
Прошла пора, когда он мир стихами покорял
И песнетворца прославлял весь Хорасан родной,
Когда вельможа привечать певца считал за честь
И в час застолья раскрывал перед ним кошель тугой.
Иные хвалят только тех, кто щедро платит им, —
Я дом Саманов воспевал с открытою душой.
Дирхемов сорок тысяч дал мне хорасанский шах,
Эмир Макан, вослед за ним, отсыпал дар большой.
Я восемь тысяч золотых в то время получил.
Был, говорю без похвалы, хорош достаток мой.
Эмир за каждую строку поэта награждал,
И во дворцах его вельмож я принят был, как свой.
Переменились времена, переменялся я, —
Поддай мне посох, побреду я с нищенской сумой.

3

Пусть благородный господин на свете долго проживет,
Я жизнь свою готов отдать, чтоб дней его продлился
счет.

За жизнь его я трепещу, ведь благородным матерям
Столь достославных сыновей дарует редко небосвод.
Среди властителей земли ему подобных не найти,
Сей храбрый и достойный муж стихов ценителем
слывет.

А прилежанья сколько в нем! Постигнуть этого
нельзя, —

Он воплощенье доброты и средоточие щедрот.
Уста рождают перлы слов, а руки золото дарят,
Он рассыпает жемчуга, которых мир не соберет.
Он в наших душах поселил добросердечия ростки
И милосердием одним, а не казней сердца влечет.
Недосягаемо велик в сиянье гордой славы он, —
Великодушием своим он всех живущих превзойдет.
Его познаний глубину сравнить с Авестою дано,
А прав его как книга Занд, где мудрый знаний клад
найдет.

Хоть стихотворцы в честь его слагают звучные
стихи,

Но, как заслуживает он, его никто не воспоет.

Он сеет семена добра, кропя их благостью своей,
 И восхвалителя стихи — раздумий благодарных плод.
 Вся жизнь его и кроткий нрав как книга откровений
 нам,
 Он, словно некогда Хосров, составил назиданий свод.
 Тот, кто откажется идти им предначертанным путем,
 Тот неизбежно попадет в тенета горя и невзгод.
 Кто радость не разделит с ним и омрачает царский
 лик,
 Первопричиною беды и злопыхателем слывет.
 Кто не желает от души удачи в доблестных делах,
 Пускай из жизни навсегда тропой бесславия уйдет.
 О ангел, радуйся, узрев деяния его друзей,
 Засмейся, небо, над врагом, пусть вечный срам врагов
 гнетет.
 И я закончу этот стих тем, что в начале возгласил:
 Пусть благородный господин на свете долго
 проживет!

4

Тебе, о славный господин, власть над эмирами дана.
 За то, чтоб недруг твой погиб, пей чашу винную до дна.
 Вина потребуй, чтобы враг всё по заслугам получил,
 За это выпить надлежит нам искрометного вина.
 Прошел суровый рамазан, а с ним молитвы и посты, —
 Веселья, музыку, любовь с собою принесла весна.
 Все люди на небе в ту ночь искали новую луну,
 А я искал твой светлый лик, ты мне сияешь, как луна.
 Не та небесная луна, что может на ущерб идти,
 А та, которая для нас сияньем вечности полна.
 Ты возвеличил эмират, и царство радостно твое,
 Оно даровано тебе на все века и времена.
 Когда на Рахше ты сидишь, в движенье с солнцем ты
 сравним,
 На троне царственном своем ты щедр, как моря
 глубина.
 Те, кто в корысти и алчбе, твой край пытались
 захватить.
 Сложили головы в бою, позор извели сполна.

Как тот рыбак, что возжелал всю рыбу вычерпать
в морях,
Но рыбака и сеть его — всё поглотить смогла волна.
Не может тот великим стать, в ком нет величия души,
Он не взойдет на пьедестал, пусть даже власть его
сильна...

5

Не печалься, повелитель, зря на бога не ропщи.
И в спокойном размышленьи утешения ищи.
Неудачи постигали полководцев сотни раз.
Нерь, желанного достигнешь, торжества наступит час.
Каждый, кто тебя увидел в ратном деле боевом,
Знает, что в единоборство ты вступить способен с львом.
Но когда исход сраженья предрекает сам господь,
Разве можно, прекословя, божью волю побороть!
Каждый воин твой, который угодил врагам в полон,
Будет вызволен тобою, в краткий срок освобожден.

6

Если враг твой, даже в мыслях, станет мериться с тобой,
Занесенный меч представя, на колени он падет.
Ты отдашь приказ — и сокол подружился с воробьем,
Ты велишь — и вслед за ночью солнце на небе встает.
В благоденствии счастливом на земле свой век живи.
Злых врагов, срубив под корень, ветер смерти унесет.
До поры, пока дыханье существует на земле
И вершит круговращенье вековечный небосвод,
Пусть друзья твои вкушают наслажденье на пирах,
А завистник изнывает от печали и забот!

Ветер, вея от Мульяна, к нам доходит.
 Чары яр моей желанной к нам доходят...
 Что нам брод Аму шершавый? Нам такой,
 Как дорожка златотканая, подходит.
 Смело в воду! Белоснежным скакунам
 По колено пена пьяная доходит.
 Возликуй, о золотая Бухара:
 Падишах к тебе, венчанная, приходит.
 Он — как тополь! Ты — как яблоневоый сад!
 Тополь в сад благоухания приходит.
 Он — как месяц! Ты — как синий небосвод!
 Ясный месяц в небо раннее восходит.

8. МАРСИЯ НА СМЕРТЬ АБУЛЬХАСАНА МУРАДИ

Неужто умер Муради, заснул последним сном?
 Смерть благородного взяла, с возвышенным умом.
 Отцу небесному вручил он свой бессмертный дух,
 Прах приютила мать-земля, заботясь о земном.
 Он — ангел, к ангелам ушел и снова жизнь обрел
 В неомраченных небесах, в чертоге голубом.
 Нет, не былинкою он был, подвластною ветрам,
 И не водой, что в холода застынет мертвым льдом.
 Не хрупким гребнем, что легко сломался в волосах,
 Он не был зернышком пустым, смешавшимся с песком.
 Нет, на земле он воссиял, как драгоценный клад,
 Он полновесным, золотым, ячменным был зерном.
 Отбросил плоть, как шелуху, и прах упал во прах,
 А разум к небу воспарил непознанным путем.
 Предстал его пречистый дух пред господом самим,
 Соединился вместе с ним в сиянье золотом.
 Так бродит виноградный сок, но, время подойдет,
 Осядет муть и станет сок живительным вином.
 Не всё ль равно, из Мерва ты, румиец или курд, —
 Знай, дорогой, придет пора, и все мы отойдем
 В тот, предназначенный судьбой, дом изначальный наш
 Ведь только здесь, кто носит шелк, пренебрежет рядом
 Твой ангел вычеркнул тебя из книги Бытия, —
 Молчи, ставь точку, позабудь, что ты владел стихом.

9

Добыча мы, о сын мой, в мире сем,
Все здесь щеглы у ворона в когтях.
От тягот мира вянут цветники,
Смерть жерновами измельчает в прах.

10

Коль хочешь, чтоб смерть не настигла тебя,
То сиряться должен в могиле живым.
И, там притаившись, в положенный срок
Без лестниц взлетишь к небесам голубым.

11

«Хвала тебе!» — разумным с почтеньем говорим,
Но кто невежде скажет: «О муж, тебе хвала!»?
От глупых не услышишь сладкоречивых слов, —
Козел не станет дойным, сколь ни корми козла.

12

Змею напрасно кормишь и греешь на груди,
Когда ужалит в гневе, придет тебе конец.
Подлец по всей натуре — ползучая змея,
Несчастье, если другом становится подлец!

13

Взглядом трезвым и разумным посмотри на этот мир,
Всё увидишь по-другому, жизнь по-новому поймешь.
Мир подобен океану, строй из добрых дел ладью,
И тогда его спокойно и легко переплывешь.

Беда тому, кто разумом гордится,
 А сын его бездельник и тупица.
 И добрый нрав, и размысленный плод
 К наследнику, увы, не перейдет.

Собрал богатство он с большим трудом,
 Но пользы для себя не видел в том.
 О Рудаки! Свершай дела благие,
 Пока пред Страшным не предстал судом.
 Тогда прочтешь ты на доске извечной
 Всё, что содеял на пути земном.

Судьба несправедлива к мудрецам,
 Будь посему в труде неутомим.
 Бери, но без раздумья отдавай,
 Копи, но щедро поделись с другим.

Мир бранный создал некий чародей,
 Всё сказки в нем и вымысел пустой.
 Не обольщайся призраком добра,
 Но против зла неколебимо стой!

Те, кто не ведал никогда, сколь горек просьбы яд,
 От пребывающих в нужде отводят хмурый взгляд.
 И у тебя терпенья нет внимать моим мольбам,
 Боль униженья моего постигнешь ты навряд.

.....
 Когда тюльпаны расцветут, пойдя в весенний сад.
 Бокал, похожий на тюльпан, во здравие подъят.

Когда жемчужины стихов язык мой рассыпает,
 И слышу громкую хвалу во всех концах вселенной,
 И людям радуют сердца и души окрыляют
 И песни звучные мои, и стих мой вдохновенный.
 Ведь только разум мог придать величие и ценность
 Тем жемчугам, что породил мой кладезь сокровенный.

Сам, волею своей, изгнал тебя,
 В поступке этом должен я виниться, —
 Ведь в доме воцарилась пустота,
 Кровь наполняет скорбные глазницы,
 Смеюсь сквозь слезы, плачу и смеюсь —
 И сам себе не устаю дивиться!

Меня прощали много раз, хоть я грехов не совершал, —
 Привык я жертвовать собой, таким господь меня создал.
 Хвала аллаху, что в стихах я, прославляя божьих слуг,
 Не видел выгоды себе, корыстной пользы не искал.

Имя славное, рассудок, мягкий нрав, здоровье тела —
 Все четыре добрых свойства благородным бог дает.
 Муж, который всеми ими от рожденья обладает,
 Пусть, не ведая печали, долгий век свой проживет.

Обман, раздор к добру не приведут,
 Никто в беде на помощь не придет.
 Сам выбирай тот плод, который сладок, —
 Не трогай горький, полный яда, плод!

Едва окрепнет клюв у голубка
 И желтый пух заменится пером —
 Покинет он родимое гнездо
 И запорхает в небе голубом.

О господин, ты всё вкушать готов:
 Миндаль, и вина, и шербет, и плов.
 Ты — змеелов, а мир подобен змею, —
 Погибнешь от укуса, змеелов!

Погляди, прогнулись балки и подпоры у ворот,
 Опасенье есть, что стены в прах рассыплются вот-вот.
 Если стены обветшали, их подпоркам не сдержать, —
 Укрепляешь понапрасну то, что скоро упадет.

О хаджа, не обольщайся добрым именем твоим,
 Ты им ловко прикрываешь суть, таящую обман.
 Тот, кто ближнего прельщает мнимой святостью своей,
 Будь уверен, под приманкой хитроумный скрыл капкан.

«Все люди скряги!» — ты твердишь сердито,
 Одолеваем злобною алчбой.
 Будь щедрым сам, стань добрым и открытым,
 И люди будут щедрыми с тобой.

Земля под этим вечным небосводом
 Еще такого злыдня не носила,
 Хадже Абулькасыму будет стыдно
 Из-за тебя подняться из могилы.

Стремишься ты к красавице Халлуха,
 К пьянящей, крутобедрой, тонкостанной, —
 Сам ближнему жалеешь корки хлеба,
 А за лепешкой тянешься румяной.

Град сыплет наземь звезды ледяные,
 Всё небо в хмурых, рваных облаках.

.
 На всем скаку упал с коня на землю,
 Но устоял на собственных ногах.

Не для того седины стал чернить,
 Чтоб вновь стать юным и грехи вершить, —
 Надел я траур по ушедшей жизни,
 В знак старости стал черное носить.

Наш мир таков с тех пор, как создан он,
Пока земля вершит круговорот.
И человек то возведен на трон,
То уничтожен бременем невзгод.

Исчезнешь ты, судьбы не побороть,
В земле готов приют для смертных всех.
Знай, кровь и душу, жаждущую плоть —
Всё перепашет времени лемех.

Великие ушли в красе и силе,
Все перед смертью головы склонили.
Сошли под землю в мрачные могилы
Те, кто сады и замки возводили.
Те, кто при жизни сотни благ имели,
С собою только саван захватили.
Я так скажу: добро спешите делать,
Не всё ль равно, что ели и носили.

Не для убийства меч ты приобрел,
Господь нас учит: «Зла не сотворяй!»
Не только для вина растет лоза,
Для обороны меч употребляй.
Увидел убиенного Иса
И молвил так, словам его внимай:
«Ты убивал, за это сам убит,
Тот, кто убил тебя, погибнет, знай!»
В чужую дверь напрасно не стучись,
Без стука ближним двери отворяй!

Жизнь поучает и дает совет,
 Нас наставляя мудро и сурово.
 Завидуешь ты людям, а они
 Тебе во всем завидовать готовы.
 Молчаньем в гневе сковывай язык,
 Иначе ноги закуют оковы.

Ты слышишь, пташка жалобно кричит,
 В когтях орла единственный птенец.
 Со временем источит хищник клюв,
 Сгорбатится, предчувствуя конец.

То гром рыдает в вышине, то молния сверкнет, —
 Так мать о дочке неживой, тоскуя, слезы льет.
 Как расставания слеза — дождейки на цветах,
 Но ива старая опять, как в юности, цветет.

Земля твой каждый шаг сопровождает,
 Пока тебя в нее не погребут.
 Обрадуешь шакалов добрым словом,
 Они добром за это воздадут.

Он без ушей отлично слышит, он хром, а поступь так легка;
 Лишенный глаз, весь мир он видит, красноречив без языка;
 Как стан любовницы, он гибок, змее движениями подобен;
 Он наделен печали цветом и грозной остротой клинка.

Насладиться спеши искрометным вином,
 Благородство души проявляется в нем.
 Неподкупных от подлых оно отличает,
 От того, кто, продавшись, стал низким рабом.
 Но особую радость дарит нам вино
 Той порой, когда розы сияют огнем.
 Сколько было твердынь завоевано им!
 Ты справлялся, испив, с непокорным конем.
 Даже жадный торгош, от вина охмелев,
 Расставался бездумно с нажитым добром.

Бухара нам вновь прислала ветерок благоуханный,
 Сладко пахнувший жасмином, лепестками розы рдяной.
 Он мужей и жен овеял легковейным дуновеньем,
 Одурманил ароматом благовонного Хутана.
 Нет, о нет, в самом Хутане этот запах не рождался, —
 Легкий ветер прикоснулся к волосам моей желанной.
 О прелестная тюрчанка, так худею я в разлуке,
 Что становится мне впору пояс детского кафтана.
 И туда, где дальний Йемен, я взираю каждой ночью,
 Там рассветною звездой ты сияешь среди тумана.
 О звезда моя, доколе мне скрывать любимой имя,
 Чтоб склонять его не стали злые люди непрестанно?
 Но таить его напрасно — в разговоре иль в молчанье,
 Первым словом это имя с губ слетает неустанно.

Больно мне два слова слышать, вдохновляющих умы,
 Их мы всеу произносим, а слова горят среди тьмы.
 Ту, что только приглянулась, раскрасавицей зовут,
 А того, что чуть увлекся, в ранг влюбленных вводим мы.

Ты — красавица такая, что на свете равной нет,
Я — влюбленный безнадежно, страсть взяла меня
внаймы,
У меня такое сердце, что, беду свою избыв,
Поспешит оно к скорбящим, чтоб несчастье взять
взаймы.

45

Для радостей низменных тела я дух оскорбить бы
не мог,
Позорно быть гуртоправом тому, кто саном высок.
В иссохшем ручье Эллады не станет искать воды
Тот, кто носителем правды явился в мир как пророк.
Мой стих — Иосиф Прекрасный, я пленник его
красоты.
Мой стих — соловьиная песня, к нему приковал меня
рок.
Немало вельмож я видел и не в одном распознал
Притворную добродетель и затаенный порок.
Одно таил я желанье: явиться примером для них.
И вот... разочарованье послал в награду мне бог.

46

Налей вина мне, отрок стройный, багряного, как
темный лал,
Искристого, как засверкавший под солнечным лучом
кинжал.
Оно хмельно так, что бессонный, испив, отрадный сон
узнал,
Так чисто, что его бы всякий водою розовой назвал.
Вино — как слезы тучки летней, а тучка — полный твой
фиал.
Испей — и разом возликуешь, всё обретешь, чего желал.

В благоухающих цветах настал весны желанный срок,
 Мир сотни радостей познал, блаженства ощутил исток.
 Вернулась юность к старикам, свет древний вдруг

помолодел,

Усталость давнюю стряхнул и груз тревоги превозмог.

Но величавый небосвод сзывает тучи для войны,

Погнал суровые полки их предводитель, ветерок.

В сраженьях я бывал не раз, но не видал еще войны,

Где гром грохочет в барабан, сверкает молнии клинок.

Гляди-ка, туча слезы льет, как неутешная вдова,

Стенает, как влюбленный, гром, который в муках

изнемог.

Порой, раздвинув облака, мгновенно солнце

проблеснет,

Но туча, как тюремный страж, луч не пускает

за порог.

Мир, словно страждущий больной, был в безысходность

погружен,

Ему жасмина аромат недуги излечить помог.

А дождь всё лился вновь и вновь, он запах амбры

источал,

Деревья свежую листвой он с головы одел до ног.

Там, где недавно снег лежал, пылая, маки расцвели

И в русле высохшем запел и заструился ручеек.

А гром еще трубит в трубу над обновленную землей,

И молния из облаков горящий вырывает клочок.

Тюльпаны радости полны, они алеют вдалеке,

Как будто свадебною хной окрашен каждый лепесток.

Уже защелкал, засвистал на ветке ивы соловей,

И вторит дивному певцу скворца певучий голосок.

Так удивительно поет он в гуще розовых кустов,

Что начал нежно ворковать на кипарисе голубок.

Живите в радости теперь, испейте пьяного вина.

Влюбленный, ты увидишь вновь свою возлюбленную

смог.

Под этот дружный птичий хор вино нам, кравчий,

наливай,

Пусть самым первым господин из чаши сделает

глоток.

Весна нам сердце веселит, но видеть радостней

вдвойне

Того, кто доблестен во всем и благороден и высок,

Чей взлет паденье для других, в его паденье — скрытый
взлет,
Всё это мудрости плоды и размышления итог.
Весь благородный род людской блаженство разделяет
с ним.
Пусть стихотворцы и певцы заполнят выпранный
чертог.

49

Самум разлуки, налетев не в срок,
Жизнь искалечил, корень мой подсек.
Я думал, что навек меня удержит
Твоих кудрей раскинутый силок.
Кто в дерзости тебя спросить посмеет,
Какой за поцелуй берешь оброк?
Нас красота, как пламень, озаряет,
Но злой огонь в разлуке душу сжег.

50

Будь счастлив с черноокою своей.
Придуман мир, как сказка для детей.
Всегда доволен будь своею долей,
О том, что миновало, не жалей.
Я счастлив тем, что луноликий ангел
Быть согласился спутницей моей.
Сей мир как ветер, ветер мимолетный,
Так будь что будет! Чашу мне налей.
Ответь, кто был доволен этим миром.
Ты сам доволен ходом бранных дней?
Встречал ли справедливость, бескорыстье
На протяженье долгой жизни всей?

Амбра, яблоко и розы расцветающее диво, —
 Кипарис, жасмин и мускус, поклянусь, не столь
красивы
 Пред тобой, лукавый ангел, ты царей смутить сумела —
 На тебя они взирают и покорно, и ревниво.
 Час свидания с тобою, словно Ночь определений,
 Если ты влюбленным явишь лик открытый,
не гневливый,
 Солнце скрыться поспешает за туманною завесой,
 Видя щек твоих тюльпаны, нежно-смуглого отлива.
 Твой округлый подбородок мог бы с яблоком
сравниться,
 Если б яблоко гордилось мушкой, столь медоточивой,

Свой чанг настроил Рудаки и заиграл на нем.
 Под звуки песни наливай полней фиал с вином.
 Тот, кто увидел, как горит рубиново вино,
 Решит, что кубок подают с расплавленным огнем.
 Но цветом красное вино различие таит:
 Одно — нам душу леденит, таится жар — в другом.
 На руку капнешь, и ладонь краснеет, словно лал,
 Едва пригубишь, и пойдет вертеться мир кругом.

Твои лукавые глаза меня в смятенье привели,
 Меджнун рассудок потерял, увидя локоны Лейли.
 Улыбкой розовой одной ты умеряешь боль мою.
 Молю, хоть искоса взгляни, от муки сердце исцели!
 Змеятся кудри по плечам, мерцают в ушках жемчуга,
 Как будто из самой гюрзы змеинный камень извлекли.
 Что Вавилона колдовство пред волшебством ее очей?
 Уста — ключи ворот Мусы, блаженство неба и земли.

Твой лик — вершина красоты, тебе и слава и хвала,
 Кудрей душистая волна хутанский мускус
превзошла.
 Я сердцем поклянусь твоим, алмазной твердостью его,

Им, как резцом, испещрена была гранитная скала, —
 Нет, не надеюсь больше я на милосердие твое,
 Ты, в беспощадности своей, к людским мольбам
не снизошла.
 Не пожелала ты внимать, сколь тщетно к богу я
взывал
 И сотни раз просил его: «О, помоги, спаси, аллах!»

О, если б взять себе в рабы ты пожелала Рудаки,
 Величье рабства он познал, пред коим власть царей
мала.

О сердце, долго ли тебе еще в груди моей стучать?
 К чему ослабшего врага биеньем крови согревать!
 Ты ищешь преданности в том, кто разуверился
во всем,
 Но понапрасну собралось железо стылое ковать.
 Ты, о красавица моя, такой литейной белизны,
 Что зависть лилию гнетет, от горя стала увядать.
 О, пожалей, уйди от нас, скорее улицу покинь,
 Чтоб обитателей ее огнем любовным не сжигать.
 Знай, сердце — малое зерно — попало в жернова
любви,
 Зачем огромным жерновам одно зерно перетирать?
 Прости, красавица, меня, услышь мольбу: прости,
прости,
 Ведь я беспомощен и слаб, меня не надо добивать.
 Приди хоть раз и погляди, каким стал ныне Рудаки,
 Ты сможешь тело без души, еще живое, увидеть.

Мне слышится на утренней заре...

Друг, твоего барбата нежный звон
Милей для слуха, чем призыв азана.
Не удивляйся, что чудесный звук
К себе способен приманить джейрана.
Невидимой певучею струной
Он и врачует, и наносит раны.
И плачет он, и жалобно зовет
В часы восхода, утром ранним-рано.
Пусть бессловесен, но красноречив,
Влюбленных восхваляет неустанно.
Безумцу он рассудок возвратит,
Затянет мудреца петлей аркана.

«Дай, бог, разлуку пережить, страдальца пожалей!» —
Молю, как в розовых кустах бессонный соловей.
Когда любимую мою помилует судьба,
И сам судьбу испепелю огнем своих страстей.
Любовь сжигает и слепит твой светозарный лик,
Влюбленных души — мотыльки средь пламенных сетей.
В одежде траурной приди к надгробью моему,
И я в могиле не вмещусь от радости моей!

Ты обиделся на друга, не сердись, найди терпенье.
Вслед за болью снова радость жизнь дарует
в награжденье.
Если в гневе полководец подчиненного ругает,
Знает воин, что обласкан будет он за унижение.
Часто доброе забудешь, помня только злой поступок, —
Нужно ль думать о колючках, плод вкушая
с наслажденьем?
Дружба — это дар бесценный, круг друзей менять
не надо, —
Если ты разгневал друга, испросить сумеи прощенье!

Весь этот мир на сонный бред похож —
 Его душой разумной не поймешь.
 Добро немилосердным он дарует,
 А в радости — с ним горечи хлебнешь.
 Не пребывай в спокойном равнодушье —
 Неверен мир, продаст тебя за грош.
 Дурную суть скрывает вид обманной —
 В поступках злобен, а лицом пригож.

Мир наш хозяин, он — источник зла,
 Не пробуй блюда с барского стола.
 Кебаб там перемешан с горьким ядом,
 С водою чаша — губы обожгла.
 Уйди из мира с пересошим горлом,
 Пускай весна победно расцвела...
 Цветы в садах пропахли камфарою,
 Как ртуть, вода речная тяжела.

Всё быстротечно, всё проходит мимо,
 И только смерть одна неотвратима.
 Затянется узлом веревка жизни.
 Срок подойдет, который не продлим мы,
 Век коротаешь в бедах и печалях
 Иль ты у жизни баловень любимый,
 Владеешь всем от Рея до Тараза,
 Твои заботы — призрак еле зримый.
 День смерти нас, живущих, уравниет,
 Все друг от друга мы неотличимы!

62

Заблудший, зачем забываешь о том,
Что вскоре предстанешь пред Вечным судом.
Ту жизнь, что для подвигов нам даровали,
Ты прожил в ничтожестве жалком своем.

63

Тот путь, который сердцем изберем,
Кровавым угрожает нам копьем.
Такие, как Лейли, не сострадают, —
В Меджнуне мы сочувствие найдем.

64

Когда бездушная судьба тебя убила
И прелесть юности твоей не пощадила,
Я поражен был, что судьба-убийца
Подлунный мир такой красы лишила.

65

Хоть душа моя в разлуке стала кровью истекать,
Мне мучительно и сладко о любимой вспоминать.
И бессонными ночами, изнывая, я шепчу:
«О, сколь сладостно мне будет с нею встретиться
опять!»

66

На том пути, где вихрь метет, светильник ты зажгла.
Из-за небрежности твоей, боюсь, наступит мгла.
Душа обуглилась моя, ты видишь — дым плывет.
Коль не заметишь, всё равно одной тебе хвала!

67

Мой взор мучительной тоской сумел разбить агат,
 И в камне розы расцвели, предстал волшебный сад.
 Был каждый розовый бутон моею тайной полн,
 Всё, что скрывал я от людей, — явил мой слезный
 ВЗГЛЯД.

Знай, сердце бедное мое пленил кудрей аркан, —
 Меня сразил и погубил индийский истукан.
 О проповедник, замолчи! Не внемлю я тебе,
 Не в силах сердце разлюбить, кровавое от ран.

Мне без тебя свет солнца ни к чему,
 Мне лунный луч не разгоняет тьму.
 Я столь привык к свиданию с тобою,
 Как день прожить в разлуке — не пойму.

От бед храним я собственной бедой,
 Жар лихорадки — врачеватель мой.
 В минуту смерти слезные зеницы
 Рот пересохший увлажняют водой.

На имя славное его походит солнечный восход,
 Луна как кубок на пиру, который шах во здравье пьет.
 Сама счастливая судьба вождя к свершениям ведет.
 Всё благоденствие земли — его заботливости плод.

Если ей распустишь кудри, с долгой ночью им
сравнится,
В каждом локоне таится коготь яростной орлицы.
А расчесывать их станешь, пряный запах одурманит,
Будто мускуса и амбры притаились в них частицы.

Мне имя назовут твое, и оживаю я душой,
Блаженство лицезреть тебя такой счастливой и живой.
Но если станут говорить не о тебе, а о других, —
То я, в печали и тоске, от горя стану сам не свой.

Душа моя, что ищешь в тех садах?
Там нет плодов на ивовых ветвях.
Ты легкий прах, клубимый буйным ветром.
Смерть, как садовник, ждет нас в воротах.

По следам немилосердной исходил я сто дорог.
С опечаленной душой, я, отчаясь, изнемог.
Ноги сбиты о камень, не поднять мне головы, —
Вил я голову руками, к самому себе жесток.

И терпение утратил, страсть меня с ума свела, —
Твой лучистый лик не видя, я забросил все дела.
И тоска меня сдавила тяжелее Каф-горы,
У тебя в груди не сердце, а гранитная скала.

Не можешь щедрым быть — что ж, не сужу!
 Будь благодарным, так тебе скажу,
 И коль хаджа свершит благодеянье,
 Я каждый раз благодарю хаджу.

Письмо любимой прочитать я рад.
 Пролил я слезы, словно свет Плеяд.
 В расщеп пера свое я сердце вставил —
 Пускай слова мои кровоточат.

Я — Рудаки — любить и жить устал,
 Глаза от слез краснее, чем коралл.
 Такую ревность я познал в разлуке,
 Как будто в ад без времени попал.

С одной безбрежностью морской сравнима красота.
 Там блещут зубки-жемчуга, коралловы уста.
 Две брови — черные челны, чело как волнолом
 Над бурей, что таят глаза, где глубина чиста.

Завитки кудрей играют от покачиванья стана,
 Окружая ореолом щеки цвета аргувана.
 Миллион сердец влюбленных эти локоны пленили,
 Захлестнули наши души взлетом мягкого аркана.

Когда из-за кудрей твоих я жизнь скрутил узлом,
 Все упования души тугим сгубил узлом.
 И чьял, что в свиданья ночь разжалоблю ее,
 Но слез поток гортань сдавил и задушил узлом...

Патееял в каджабоз игру коварный небосвод.
 И, добрым проиграв и злым, он кольца раздает.
 Прошла мгновенно ночь игры, идет прощальный круг,
 Лишь мне счастливое кольцо никак не попадет.

Немилосердная моя, жестокость ты не утолишь,
 Мои мученья видишь ты, но взор слезой не увлажнишь.
 Не странно ль, что тебя люблю сильнее жизни всей
моей,
 Хоть ты опасней ста врагов, одна мне гибелью грозишь.

Не обольщайся суетой и без забот живи.
 Вольнолюбиво дни свои за годом год живи.
 И не смотри на тех, кто сыт, доволен и богат,
 Среди тех, которые бредут тропой невзгод, живи.

Еще я радость не познал свидания с тобой,
 Налюбоваться не успел твоею красотой,
 Вдруг, слышу, голос прозвучал из выси голубой:
 «Разлуки чашу пей до дна, налитую судьбой!»

**ФРАГМЕНТЫ
ИЗ РАЗНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

ИЗ КАСЫД

94. ВОСХВАЛЕНИЕ НАСРА ИБН АХМАДА

Ты столь же щедр, как некогда Хатам,
В бою с врагами ты — второй Рустам.
Нет, ты Хатама в сотни раз добрей,
Рустама и сильнее и храбрей.

95

Того, кому подобных нет, ты богом назовешь.
Хоть ты не бог, но на людей обличем не похож.
Восходит солнце над землей, и наступает день, —
Ты ликом солнечным своим нам щедрый свет даешь.
Тебя народная молва возносит высоко
За то, что делаешь добро и праведно живешь.

96

Пусть век владыки моего продлится долгие года.
Пусть время пощадит его, не причинив ему вреда.
Старинной мудрости совет должны мы свято соблюдать:
«Бог за терпенье пред тобой откроет райские врата».
Бог эту землю сотворил, всё в мире — промысел его,
А люди то благодарят, то недовольны им всегда.

.....
Тебя не сглазит взгляд дурной, и обойдет твой дом беда.

97

Михр приходит плодородный, просветли, владыка, взор,
Это праздник властелинов и царей с далеких пор.
Поспешి уйти из сада, одевайся потеплей,
Спрячь атласные одежды, до весны сверни шатер.

Белоснежность нежных лилий заменил зеленый мирт,
 С краснотою аргувана винный ток вступает в спор.
 Хрибрость, молодость и счастье сочетаются в тебе,
 А вино, вселяя радость, огневой сулит задор.

О, горе всем словам хвалебным, подобным жемчугу
 в газелях,
 Затем что ими невозможно величье духа описать.
 Нам надо воспевать владыку, как не воспел никто
 доселе,
 Но слов не хватит, чтоб достойно его хвалить
 и прославлять.

Великой щедрости ладонь, как море, широка,
 Власть распростерлась над землей, как в бурю облака.
 Она на головы врагов камней мечет град,
 Зато сподвижникам твоим дарует жемчуга.

Пусть, когда Навруз наступит, стол украсит сипарам,
 В бой вступай порой осенней, наноси урон врагам.
 Будь всегда здоров и счастлив, а когда рокошет руд,
 Пусть вино из Фанаруза дополна тебе нальют.

В богатстве, прибыл на коне к тебе издалека,
 Моя открытая душа была надежд полна.
 Я десять лет тебе служил, неужто разрешишь,
 Чтоб нищим возвратился вспять, пешком, без скакуна?

Кто добрых дел не совершал — в забвенье опочил,
 Исчезла память вместе с ним, истаяв без следа.
 Но след владыки моего останется в веках,
 Хочу, чтоб жил среди живых владыка мой всегда!

Храни от смерти силу духа, когда грозящая предстанет,
 Чтобы сковать твои движения, остановить течение лет.
 Не раздавай рукой небрежной ни то, что получил
в подарок,
 Ни то, что приобрел заботой и прилежаньем долгих лет.

ИЗ ГАЗЕЛЕЙ

110

Столь сладки алые уста, что сахар сладость потерял,
 Не станет амбру покупать, кто аромат кудрей вдыхал.
 О легкомысленный юнец, тебе не следует судить
 О том, что знают мудрецы, а ты не ведал и не знал.
 Алоэ — горькое на вкус, напрасно сладость в нем искать,
 Не будет ива никогда благоуханна, как сандал.

111

Связав судьбу с неверною и злой,
 Несчастен я, унижен, злополучен.
 Она — как львица среди других зверей,
 Я — словно муха для нее докучен.
 Но я бесчеловечную люблю
 И с ней до смерти буду неразлучен.

112

Вино, и песни, и цветы, и луноликих дев каприз
 Низвергнут ангела с небес, на дно колодца сбросят
вниз.
 И я с возлюбленной моей горящих взоров не свожу,
 А там, где погребут меня, влюбленный расцветет
нарцисс.

Того не ставлю я ни в грош, кто мыслит только о себе,
Когда в сем мире создал бог столь совершенный
кипарис.

113

Всегда будь с теми, кто любил и любит,
Тех избегай, не знающих любви.
Влюбленных, испытавших боль разлуки,
Себе для утешенья позови.

114

Схож с ланитами Лейли цвет весеннего тюльпана,
Плачет слезно, как Меджнун, в небе туча неустанно.
Стала розовой вода, столь она благоуханна,
Словно моет в ней лицо та, что розово-румяна.

115

О Рудаки, легко живи, печали позабудь.
Пускай веселье и покой твою наполнят грудь.
Мир благоденствует, а ты обязан прозябать,
Пусть мир к тебе несправедлив, сам — справедливым
будь!

116

Вновь розы расцвели в саду моем —
О, погляди, как празднично кругом!
Прошла пора, когда нас пламя грело,
Пора тюльпанам запылать огнем!

117

Коль нам веселиться и пить суждено —
Красавицы пусть наливают вино.
Безумцы безумными нас полагают,
Мы здравы рассудком, но пьяны давно!

Сей мир для нас и мачеха и мать,
 То приласкает, то начнет ругать.
 Пред тем ударом, что судьба готовит,
 Бесмысленно преграды воздвигать!

Подняв головки из травы, весной фиалки расцвели,
 Как будто синий огонек затеплил вспыхнувший серник.
 Веди налить того вина, где солнца плавятся лучи,
 Его пригубишь — и огнем зажжется твой румяный лик.

К твоим ланитам нежно кудри льнут,
 Себе успокоенья не найдут,
 Пред розой красоты, как я, склонились,
 С одним различьем: их шипы не жгут!
 Твои уста — клад пламенных рубинов,
 Мои глаза — жемчужных слез сосуд.

Ты, сердце, терпишь муку поделом,
 Терзаемо безжалостным орлом,
 Пылинка я, но без любви нет жизни,
 Любовь — как солнце в небе голубом.

Речная рябь — ее кудрей волна,
 Когда вода под ветром всколыхнется,
 А стройный стан как тонкий волосок —
 Порваться может, если чуть качнется.

Твой зрелый разум тверд и ясен —
 Садов осенняя пора.
 Лицом ты как весна прекрасен,
 Пророк любви, певец добра.

Тюркский ангел несравненный, о весенний мой цветок,
 Если ты вино имеешь, принеси его скорей.
 Нам лучистым и прохладным, опьяняющим вином
 В цветнике благоуханном чаши винные налей!

Эта притча о Юсуфе, об ушедших временах.
 Не имел он достоянья, кроме трех своих рубах.
 Порвала одну измена, на другой наветов кровь,
 Третья слезному Якубу возвратила зренье вновь.
 Лик мой — первая рубаха, сердце сходно со второй,
 Пусть рубашкой третьей станет миг свиданья с дорогой.

Мадж, прочитай мои стихи, учи их наизусть,
 Созданья сердца и ума живыми станут пусть.
 Мы будем целовать уста красавиц молодых,
 Налей вина, развеселись и позабудь про грусть!

Твой локон вьется, словно буква джим,
 А родинка, как точка, льнет к устам.
 Схож с зернышком граната ротик твой,
 Который разделили пополам.

Оставь михраб! Предпочитай любовь!
 Где гурии Тараза, Бухары?
 Живи для них! Мой бог молитв не любит,
 Он для любовной создал нас игры.

ВЕРСЫ ИЗ РАЗНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

129. ИЗ КАСЫД

Ты беспощаден был к своим врагам,
 Ты достоянье роздал беднякам.

О ты, который скупость низвергал,
 Для щедрости воздвигнул пьедестал.

Пусть Сатурн приносит горе всем завистникам
 твоим,
 От беды и от злосчастья ты Юпитером храним.

Пусть враг твой в пропасть упадет скользя,
 Пусть как скала возвысится друзья.

В воде он не утонет, словно кит,
 В огне, как саламандра, не сгорит.

Когда-то достославные цари
 И в Сарияне были, и в Сари.

Когда задумает однажды он достояние раздать,
 То благодарность нашу примет и нас не станет
 укорять.

Твой гнев испепелит врага дотла, —
 Трепещет воробей в когтях орла.

Твоя хвала как перстень золотой,
 Счастливец стал обласканный тобой.

Ты — солнце, озаряющее ширь,
 Непобедимый вождь и богатырь.

Баштар дождем одаривал луга,
А ты нам щедро даришь жемчуга.

Враг пред тобой на поле боевом
Траве подобен, срезанной серпом.

Одна душа и плоть одна, один нам разум дан,
Но диво-человек вместил познаний океан.

Скажу я: деянья твои хороши,
Тебя восхваляю всегда от души!

И если касыды тебе я пишу,
То доброе имя твое возношу.

Ты славой щедрости твоей как шелком облачен,
И ею поднят высоко и возвеличен трон.

Тебя готов я воспевать до окончанья дней,
Ты нивой и посевом стал, и жатвою моей.

Видел ты, как ловит рыба червяков на дне реки?
Меч твой — рыба, пред которой все враги как червяки.

Туча знамя развернула, барабан — грозы раскат,
Вниз из радужного лука роем стрел посыпал град.

С драгоценным ожерельем сходен каждый властелин,
Ты сверкаешь, как в короне ослепительный рубин.

На троне восседаешь ты, сойди с него на миг —
Пусть видит взор, как зелен сад и радостен цветник.

О везир, приносит радость справедливый твой калам,
Так роса дарует свежесть и деревьям и цветам.

Один поэт у нас Шахид, другой Фаралави,
А остальные — рифмачи, кого ни назови!

Ты как щедрый Нил в разливе, орошает землю он.
Ты с врагами беспощаден, топчешь их, как гневный

слон.

Ты — огонь, он, разгораясь, устремится в высоту.
Ты — весы, они, качаясь, ценят только доброту.

Когда владыка в свой дворец войдет,
Возвысится чертог, как небосвод.

Тебе, властитель всей земли, мне жаловаться надо:
Четыре года тщетно жду обещанной награды.

Для того вступил я в должность, помогал вершить дела,
Чтобы пальма молодая сладких фиников дала.

Достоинств Абульфазла не сочтешь, —
Пред ним рубин и жемчуг стоят грош.

130. ИЗ КЫТА

Лев из логова взметнулся, жаждой крови обуян,
И его добычей стали джейраненок и джейран.

Собираешься в дорогу? Далеко тебе идти,
Но сперва представить должен всё, что встретишь на
пути.

Вознесет тебя богатство до сверкающих высот, —
Успокаиваться рано, в этом мире всё пройдет.

Разве надо удивляться, что в движении своем
Жизнь на голову низвергнет нам и молнии и гром!

О, сколь низменны и мерзки проявленья бытия!
В размышлении печальном пребываю часто я.

Сделай крепким основанье, стены выстроишь потом, —
Чем надежнее фундамент, тем прочнее будет дом.

Сытый голодного глупым сочтет.
Разве здоровый больного поймет?

Знай, увидя лисью шкуру на станке у скорняка, —
В западню лиса попала из-за сладкого куска.

Есть истина извечная в словах:
«Из праха выйдя, обратишься в прах».

Пусть моя одежда в пятнах, я не ведаю стыда.
Но запятнанная совесть — настоящая беда!

Совы вместе с журавлями ясным днем летать решили.
Только сослепу упали и свои сломали крылья.

Друг, изначально выбирай себе достойный путь,
Ступай, препятствий не страшась, не вздумай
повернуть!

Найдя богатство, не гордись в объятых суеты.
Мир видел и увидит вновь таких людей, как ты.

От всех соблазнов отрекись, надежно дверь замкни,
Достоинно, скромно проживи отпущенные дни.

В жизни опыт обретаем — учит жизнь, дает совет,
Чтоб на жизненной дороге избежать случайных бед.

В могиле мертвый мирно спит, мертвец не оживет, —
Такой закон предначертал извечный небосвод.

Овчарня — мир, мы — скопище овец,
Всех спать туда загонят под конец.

Святошею считал себя отец,
А сын его испорчен был вконец.

Плоть ценит жизни торжество, ей дорог звон монет,
А гордость духа моего — ученья чистый свет.

Мир я с коровою сравню, дающей молоко,
С той, что, негаданно взбрыкнув, ведро прольет легко.

Подлец из золота себе привесил стремя,
А благородный на чапан не отыскал рядна.

Бедняк, чтоб скудный хлеб испечь, не сыщет ячменя,
Богатый без роскошных яств прожить не может дня.

Не всё ль равно, ты глупый иль мудрец, —
Всех яма ждет, живым один конец!

С многострадальной душой я прихожу к тебе одной,
Найди мне средство от тоски, молю я, слабый и
больной.

Современней всех поэтов, вкуса нового и толка,
Я способен из гранита сделать бейт нежнее шелка.

Надоели мне чарыки, и осел противен мне,
Я мечтаю о сапожках и арабском скакуне.

Я, ощищенный как сокол, растерял, утратил перья
И теперь у куропатки стал заслуживать доверье.

Горе, — мирты облетели, опустел осенний сад,
На цветник мой поредельный опустился снегопад.

Отчего не жить мне в неге, чтобы радовалась плоть?
Но пока не стану праздным, мне забот не побороть.

Был когда-то я прекрасным, как тюльпана лепесток.
Я — теперь урюк, который для зимы завялен впрок.

Был я прежде кипарисом, столь же строен и прямой,
А теперь согнулся луком, с вечно сгорбленной спиной.

Годы жизни пролетели, одиноко, одет в рванье,
Только страннический посох достояние мое.

131. ИЗ ЛИРИКИ

Воздух стал туманно-мглистым, омрачился небосвод.
Солнце на зиму склонилось, завершив круговорот.

Повелительница войска всех красавиц на земле,
Знак ее расположения я увидел на челе.

Ночь блаженного свиданья с ненаглядною моею
Долгожданного Навруза мне дороже и светлей.

Твой лоб высокий для меня светильник огневой,
А кудри выются вокруг него кудрявою волной.

Да простят, что изнываю я от тысячи скорбей,
Эти тысячи печалей из-за тысячи кудрей.

То добро, что ты свершаешь, в нас добром
отозвалось,
Но не дай, господь, чтоб гнев твой испытать мне
довелось!

О, опьянение любви, его сильнее нет,
Оно познавшему беду иных опасней бед.

Спокойно уточка плывет по глади прудовой,
Как раззолоченный корабль с черненой головой.

Как сладко нам ласкает слух в счастливый день
весенний:
Звон руда, и фазана клик, и перепелки пенье!

Клянусь изгибами кудрей, они как клюв орла,
Клянусь сияньем красоты, что блеск кудрям дала!

В сравненье с ливнем горьких слез, с рыданием моим
Ничто весенняя гроза с раскатом громовым.

Голубок на струнах руда заиграл в тени ветвей,
Медиатором к тамбуру прикоснулся соловей.

Сердце жаждет поцелуя, грудь мою тоска щемит, —
Поцелуй меня, за это бог тебя вознаградит!

Щечки, нежные как роза, столь румяно расцвели,
Что смятенье охватило обитателей земли.

О кумир мой, будь веселой, умоляю об одном:
Уподобившись невесте, осчастливь приходом дом!

Тихо двери отворяя, в дом красавица вступила,
Та, которая со мною раздраженно говорила.

Твои уста как райский плод, я в жажде изнемог,
Но я к блаженству своему не отыщу дорог.

Если идол мой к томленью хоть немного снизойдет,
Он с истерзанного сердца снимет горечи налет.

Дай мне локоны откинуть, обрамляющие лик,
Я прильну к ним поцелуем на единый сладкий миг.

Уход твой близок. Чувствуя беду,
В ночи бессонной звездам счет веду.

И упрек и утешенье — всё в ней слито, всё в ней
Но кому потребен сахар, сочетающийся с ядом?^{рядом,}

Я учитель твой, о пери, будь примерной ученицей,
Получи за поцелуи награждение сторицей.

Слезно плачущую тучу восхваляй порой весенней,
Этот плач земле приносит красоту и обновленье.

Померанец ранним утром погрузился в сладкий сон,
Роза спящая проснулась, приоткрыла свой бутон.

Я мечтаю стать стрелою, если сыщется стрелок,
Чтоб скорее очутиться у твоих любимых ног.

Кого избранником своим ты назовешь, о госпожа?
Что хочешь дам тебе в залог — твои и тело и душа!

Лунный лик любимой светел, ярче праздничной луны,
Розы в кудри завитые словно звезды вплетены.

Мне с душевными друзьями в радость раннее
Мир еще не просыпался, а у нас вовсю веселье.^{похмелье,}

Так ее прекрасны кудри смоляные, завитые,
Что пред ними потускнели даже гребни золотые.

Та красавица — смутьянка, похитительница сердца,
Правоверного мгновенно превратила в иноверца.

Не любя меня, желаешь ты моей любви ревниво.
Быть с тобой правдивой просишь, а сама хитра и
лжива.

В том, что дерзок я с тобою, удивительного мало, —
Ты сама дала мне повод, ты сама того желала!

Целоваться с ней привык я, льну, как сокол к малой
пташке.
Так ее целую звонко, будто щелкаю фисташки.

Погляди, как пожелтел я, стал с лица как померанец,
А ее ланитам роза подарила свой румянец.

Изначальная основа: красота и доброта,
Без которых даже в полдень наступает темнота.

Нам весеннею порою нарушать обеты надо, —
В шелк зеленый нарядились цветники и ветви сада.

Лик ее, луна ли это? Кипарис иль милой стан?
Это локоны на щечке иль изогнутый чавган?

На ущелий вышли лани и в долинах стали жить,
Сколь отрадно на поляне мне вино с друзьями пить.

И тебя за целый месяц сразу стану целовать,
Знай, не следует должнице долг частями отдавать.

Перед тобою, о кумир, мне устоять нет силы,
Молю я только об одном, чтоб тайну ты хранила.

Луноликая, не смею я в стихах тебе излиться,
Если стану откровенным, даже солнце застыдится.

От любви к тебе зажегся сердца жертвенный костер,
Неутешных слез потоки заволакивают взор.

О влюбленный, мир не стоит сердца пламенного жара,
Ты — шаман, который служит злому идолу Фархара.

Дунул ветер мимолетный, улетающий в простор,
Искру малую заметил и раздул большой костер.

Принеси вина из хума, что в подвале потайном,
Флягу тыквенную наполни мне рубиновым вином.

В том, что щеки словно розы, никакого дива нет,
Может быть, вино сумело им придать румяный цвет?

Кудри — ласковые кольца, и высок и строен стан,
Ей аллах послал здоровье, но в глазах хмельной
дурман.

В это время, как и прежде, до весны оставя сад,
Удались в свои покон, запахнись теплей в халат!

Точеной тросточке, блестящей и красивой,
Не стать плакучею зеленокудрой пвой.

Тебя сумела красота настичь в недолгий срок.
Так низвергается с высот стремительный поток.

Поцелуй любви желанный, он с водой соленой схож:
Тем сильнее жаждешь влаги, чем неистовее пьешь.

132. ИЗ САТИРЫ

Ты рядом с Рудаки не смеешь встать,
Корове жвачной ты в стихах под стать!

Я так скажу, что время перестать
Подмигивать, вертеться, соблазнять.

Бесстыдная, грешила ты шутя,
Но родилось невинное дитя.

Мы постарели незаметно, вдруг:
Я — весь в морщинах, ты — согнутый лук.

Одноглазый, полысевший, жалок я теперь на
На коне я словно ворон, что на падали сидит. вид,

Походкой тихой с важностью войдет, —
Не углядишь, лепешку унесет.

Он столь жирен, с отвисшими щеками,
Похоже, что питается сурками.

Отчего хадже не стыдно — что ни день с утра
Пьет вино не уставая, и пропойца, и буян. он пьян,

Я крикнул зло, кумир мой золотой,
За то, что ты была такою злой!

Столь низок ты, так совесть запятнал,
Что мускус твой зловонной грязью стал.

Не будет сыт обжора никогда,
В могиле спросит: «Где моя еда?»

Столь грузен ты, так много ел и пил,
Что тяжким весом крышу проломил.

Казна пуста, разграблена страна,
Твои войска — стада без чабана.

Ты подлеца приблизил, вот что худо, —
Ишак не может заменить верблюда!

Столько черных дел содеял, совершил при
жизни зла —
В Судный день похожим будешь на завязшего
осла.

ФРАГМЕНТЫ И БЕЙТЫ ИЗ МЕСНЕВИ

133. КАЛИЛА И ДИМНА

Коль в жизни не научишься уму,
Тебе любой наставник ни к чему.

С тех самых пор, как мир возник большой,
Стремилась люди к знанию всей душой.
На разных языках из века в век
Дорогу к знанию ищет человек.
И каждый шаг был им запечатлен
Для поколений будущих времен.
Науки свет в сердцах светлей огня
Жизнь бережет надежней, чем броня.

Бесценным кладом знание считай,
Храни его, копи, приумножай!

Узнаю я — он стал моим врагом,
Но дружбу с ним я не сочту грехом.

Придется осторожность соблюдать —
Вражду его боюсь усугублять.

Он тащит понемногу каждый раз,
Но истощится с временем запас.
Берешь сурьму по капле самой малой,
Спохватишься — ее уже не стало.

Рассказ мой этот о пчеле пойдет.
Она для улья собирала мед,
Вдруг увидала, на свою беду,
Цветущую кувшинку на пруду.
И опустилась пчелка на цветок,
Забыв, что улетать выходит срок.
Когда в округе сделалось темно,
Кувшинка увлекла пчелу на дно.

Спросил Димну: «Чей это крик, скажи,
Чей это вопль истерзанной души?»
Димна в ответ: «Пускай себе вопит,
Вниманье обращать не надлежит, —
Когда поток неистово ревет,
Непрочную запруду он прорвет.
И сострадать, заботиться не след —
Храни покой свой от излишних бед!»

Мартышкам стало холодно зимой,
Вдруг светлячок зажег огонь живой.
«Согреемся теперь, конец мученьям», —
И положили светлячка к поленьям.

Друзей прекрасно видеть рядом лица —
Что может с этой радостью сравниться!
Страшнее горя выдумать нельзя,
Чем то, когда покинут нас друзья!

134. КРУГОВОРОТ СОЛНЦА

Я видел солнце утром, и ясно и светло,
Оно от Хорасана на хмурый запад шло.

В созвездие Овена вступило солнце в срок,
И зеленью оделся весь мир — и лес и лог.

Над нашей головою, светя в полдневный час,
На запад покотившись, исчезло солнце с глаз.

По знакам Зодиака, рассеивая свет,
Вершат свой путь небесный семь блещущих
планет.

135. МЕСНЕВИ В РАЗМЕРЕ «ХАФИФ»

Любовью я к возлюбленной влеком,
Мысль эта мной владеет целиком.

Когда весною дикий лук произрастает в
поле,
С собою острый нож бери, поешь в степном
раздолье.

Кто ворона вождем своим зовет,
На кладбище за вороном придет.

Окутал туго шелкопряд себя,
Жизнь собственную коконом сгубя.

Верблюд в пустыне отыскал кандым,
Жует колючки, голодом томим.

Топор, рубивший головы врагов,
Как петушиный гребень, стал багров.

Не ссорься, погаси огонь в крови,
Безумие сопутствует любви.

Миролюбив будь и благочестив,
Любви безмерной сдерживай порыв!

Твои глаза мученье принесли,
В огне жаровни душу мне сожгли.

Истерзан дух мой, дни мои горьки,
Несчастьем я разорван на куски.

Что было, то прошло, подай вина.
Нальем в молчанье чаши дополна.

Когда грохочет гром, кругом темно,
Внимая звону чанга, пей вино!

Зря бороду покрасил и усы, —
Себя измучив, не достиг красоты.

136. МЕСНЕВИ В РАЗМЕРЕ «МУТАКАРИБ»

Из шелковых нитей соткал шелкопряд
Себе самому погребальный наряд.

Ты можешь глупца обмануть ни за грош,
Ведь правду простак принимает за ложь.

От лютых морозов замерзла вода,
Все листья в серебряной корочке льда.

При виде врага он впадает во гнев,
И мокрым от страха становится лев.

В бою он боевой баран, такой же в нем задор,
Как петушиный гребешок кровав его топор.

Лист тополиный серебрист, но он не так
И не сравнится никогда с резной листвою ив. красив

Он стал говорить, по привычке дурной
Всех в злобе обрызгал своею слюной.

Он слезно прощенья просил у меня —
Мой гнев разгорался сильнее огня.

Он ринулся в битву, и клич боевой
Похож был на грозный раскат громовой.

Коль молния смех не рассыплет весной,
То туча не выжмет слезы ни одной.

Муж сказал своей хозяйке, что недоброю была:
«Если зла себе не хочешь, никому не делай зла».

Пересох язык от жажды, прах и пыль набились в рот,
А ослабнувшее тело покрывает жаркий пот. . .

Не легка дорога правды, повернуть нельзя назад,
Вели ты изменишь правде — попадешь при жизни в ад.

Не ведает сытости взгляд никогда, —
От алчущих глаз совершилась беда.

Ты пировал под чанга звон, безделием томим,
Но к стонам нищих и сирот ты был всегда глухим.

Ты шел к гибели своей совсем как тот верблюд,
Забыв, что ворон, волк, лиса тебя в засаде ждут.

Доколе басмой голову чернить?
Доколе будешь пустословом слыть?

Разорвано сердце, как спелый гранат,
Кремень расщепился, страданьем объят.

Коль ты нанзнанку наденешь халат,
То сбросить его повелел шарнат.

137. МЕСНЕВИ В РАЗМЕРЕ «МУЗАРЕ»

Пой, сладкогласный соловей,
Вина дай, кравчий, грусть развеи.

Промчалась юность, нету сил былых,
Отяжелел мой вдохновенный стих.

Ты одинок среди тысячи людей,
Ты изнемог без тысячи людей.

138. МЕСНЕВИ В РАЗМЕРЕ «САРЕ»

Одежда мира грязной стала, глянь.
Кинь прачкам постирать ее в лохань.
Непрочны краски, и не знать заране,
Какой одежда выйдет из лохани,

Я небосвод сравнить могу с конем —
Добро и зло навьючены на нем.
Смерть даст коню отраву в некий срок,
Весь груз его измелет в порошок.

139. МЕСНЕВИ В РАЗМЕРЕ «ХАЗАДЖ»

О небосвод, повремени, в своем вращенье не спеши,
Всё, что назначено тебе, спокойно, медленно верши.

Дворец, который он воздвиг, затмить сумеет райский сад,
Пороги там из серебра, а окна золотом горят.

Хоть в совершенстве красоты ты недостатков лишена,
Но разве ведаешь о том, какая мне теперь цена?

Военачальники-вожди вкушали на пирах вино,
Но опьяненные ушли, покинув этот пир давно.

Молчать я буду, что горжусь, владея тайною святой,
Индийской родинкой твоей и совершенной красотой.

Настанет время — ты придешь бесшумно в час ночной,
Как будто уточка скользнет по глади водяной.

Надломлен стройный кипарис и наклонился вдруг,
Стал я, с горбатою спиной, похож на гнутый лук.

Ты должен лень преодолеть, зря время не теряй,
Займись-ка делом и душе покоя не давай!

Абульхусайн Шахид ибн Хусайн родился в селении Джахуда-ник близ города Балха (на севере нынешнего Афганистана). По некоторым предположениям, он был немного старше Рудаки, и умер раньше него. Видимо, в ранней молодости Шахид переехал в Бухару, где жил и творил до конца своей жизни. Он писал стихи на арабском и персидском языках, владел искусством каллиграфии, высоко ценившимся на Востоке, был известным в свое время ученым. По свидетельству исторических хроник, он вел философские диспуты с крупнейшим мыслителем того времени Абу Бакром Мухаммадом ибн Закарийя ар-Рази.

Из большого поэтического наследия Шахида до нас дошло 340 строк. Это несколько лирических стихотворений, фрагменты и отдельные бейты из касыд и газелей.

140. ГАЗЕЛЬ

Я не прислушиваюсь, нет, к нравоучениям твоим.
Я клялся в верности тебе, а к пустословью стал глухим.
Того, кто жаждет, не пинай, ему предмет желаний дай —
О, лишь тогда войдешь ты в рай, ведома господом самим.
Не смогут ста рабов сердца владыки сердце заменить,
Не может сотня голубей сразиться с соколом одним.
О, если б твой прекрасный лик правитель Чина увидал —
Он поклонился бы тебе, дождем осыпал золотым!
Раджа индийский, только раз увидев волосы твои, —
Разбить бы идолов велел и храмы их развеять в дым!
Зачем ввергаешь ты меня в пучину адского огня?
Мишенью для баллисты мук я стал служить, как
Ибрахим.
Но — не корю тебя, цветы, нездешних, райских куш
цветок,
Мы, люди смертные, тебе молитвы жаркие творим!

1

ИЗ КАСЫД

Владыка наш непобедим, всегда удача рядом с ним,
 Велик и тверд, он несравним с любым владыкою другим!

Он щедро блага раздает, к себе ж — взыскателен и строг,
 И потому его престол — я верю — непоколебим.

Я покинут господином, незаслуженно забыт. . .
 О себе письмом напомнить, полагаю, надлежит.

Я ведь знаю, так бывает: мать порою забывает
 Покормить младенца грудью, если долго он молчит.

Вот, виноватый и немой, к тебе, с повинной головой,
 Без слов, с надеждою одной, — пришел, стою перед тобой;

Но разве может в сердце лев обиду мелкую таить?
 Великодушному, ему нельзя лисицу не простить!

2

ИЗ КЫТА

Есть два ремесленника в мире, у каждого своя забота:
 Один орудует иглою, другой меж тем прилежно ткет.
 Великолепные уборы изготавливает шахам этот,
 И только черные паласы готовит неумущим тот.

3

ИЗ ЛИРИКИ

Обидно, больно: в жизни сей, что горечи полна,
 Что выжженной степи сродни — пустынна и темна, —
 Друзей хороним каждый день, а вместе с ними и себя,
 Всё время рядом с нами смерть, всегда вблизи она.

Исхлестана твоя душа плетьюми ее очей,
 Дрянного, вялого плода ты сделался желтей,
 Ее жеманный ловишь взгляд, палящей жаждою объят, —
 Тебе ль, несчастный, устоять, не покориться ей?

О знанье мудрое, жемчужина жемчужин,
Нигде ты не в цене, хоть ценности залог.
К чему сокровища? В тебе моя отрада,
Хотя б мой трудный путь был темен и жесток.
Познания — мудреца блистательная свита,
А неуч и в кругу придворных одинок.

Видно, знанье и богатство — то же, что нарцисс и
роза,
И одно с другим в соседстве никогда не расцветало.
Кто богатствами владеет, у того на грош познаний,
Кто познаниями владеет, у того богатства мало.

Когда бы дым валил от горя, как от костра лесного,
Лишился б мир, закрытый дымом, сияния дневного.
Скитаясь, этот мир прошел я от края и до края,
Но видеть мудреца счастливым, увы, мне было б ново.

Бродил я меж развалин Туса, среди обломков и травы,
Где прежде я встречал павлинов, там увидел гнездо
совы,
Спросил я мудрую: «Что скажешь об этих горестных
останках?»
Она ответила печально: «Скажу одно — увы, увы!»

Льет слезы туча, как влюбленный, и сад смеется, как
любимая,
Рыдает гром, как на рассвете рыдаю сам неудержимо я.

Блаженны солнце и луна,
Им ясность вечная дана.
У них один извечный путь —
Нельзя с которого свернуть.
Все звезды — пери в небесах,
Где солнце словно шахиншах.

Друг, делать доброе спеши,
Не подавляй порыв души!
В делах ты должен всё учесть,
Не запятнай проступком честь!

4
ИЗ САТИРЫ

Эй, певец женоподобный, перестанешь ли хрипеть?
Нам твое мешает пенье: пьем — не можем охмелеть!
У тебя в гортани, видно, кто-то ухо чешет кошке,
И она урчит противно... Долго ль нам еще терпеть?

5
ИЗ МЕСПЕВИ

В голубой воде озерной тело нежное омыла,
И на коже капли влаги, как жемчужины, горят,
А когда потом на берег легким шагом выходила,
Понял: стала ты любимей и желанней во сто крат.

146. БЕЙТЫ

Напрасно враг воздвиг железный вал —
Пред натиском твоим не устоял.

Ужалит уж, но в этом нет вреда, —
Укус гадюки смертная беда.

Кто щет ключ, который звонко льется,
Не станет пить из грязного болотца.

О господни, зачем ты пьешь, презрев достоинство и стыд,
Когда от каждого глотка тебя безудержно тошнит?

Я тайком брожу у дома в безнадежном упованье,
Что гулять на крышу выйдет та, что в мире всех
желанней.

Он — подобие блудницы, нравом сущий Ахриман,
Бойся, чтоб тебе на шею не накинуд он аркан!

Ты красотой нездешней озарен,
Ее сверканьем возвеличен троп.

Путь добра и благочестья в этом мире выбирай,
Эта верная дорога для тебя откроет рай.

Кичишься зря, что ты поэт, каких не видел свет,
Но смысла нет в твоих стихах и благозвучья нет.

Тот, чье сердце изнывает, у кого душа болит,
О других своих болезнях никогда не говорит.

Подобно льву дорогой ты идешь,
На жалкую лису твой враг похож.

Ее любовь паучьи сети тклет,
Не выпутаться сердцу из тенет.

Щедрым будь, как летний ливень, оживляющий луга,
Пред тобою враг как хворост, гневом ты спалишь
врага.

Тяжесть взгляда не выносит, столь хрупка она на
вид,
И от юного смущенья как тюльпан щека горит.

Если ты и вправду сокол — воробьев не обижай,
Если ястребом зовешься — к серым уткам не летай!

Абульаббас Фазл ибн Аббас Рабанджани родился близ Самарканды в местечке Рабанджан. Даты его рождения и смерти неизвестны. Лишь по сохранившемуся отрывку элегии, написанной поэтом по случаю смерти саманидского эмира Насра II (умер в 943 году) можно предположить, что он на несколько лет пережил Рудаки.

Из поэтического наследия Рабанджани до нас дошло 12 строк стихов.

147. ФРАГМЕНТ ИЗ КАСЫДЫ НА СМЕРТЬ НАСРА II

Скончался благородный царь — освободившийся престол
Не может долго пустовать — преемник на него взошел.
Хоть по ушедшему скорбит и слезы льет его народ,
Но всё же радуется весь мир владыки нового приход.
Взгляни вокруг, твои глаза пусть ныне разум
просветлит,
Увидишь — справедливо всё, что посылает нам Йезид.
Погасла от его руки свеча, и тьма на мир сошла,
И та же самая рука светильник новый нам зажгла.
Есть две планеты над тобой; Сатурн беду, печаль
сулит,
Зато Юпитер золотой счастливою звездой горит.

Абу Абдулла ибн Муса Фаралави, друг и старший сверстник Рудаки, жил на рубеже IX—X веков. Он дожил до глубокой старости (об этом свидетельствуют бейты, где он пишет о немощной старости) и умер в конце тридцатых годов X века. Если предположить, что он прожил до 70—80 лет, то год его рождения приходится на пятидесятые годы IX века.

Из поэтического наследия Фаралави сохранилось 55 строк, извлеченных из старинных толковых словарей и поэтических антологий.

148. БЕЙТЫ

.....
Моя вина, что не могу мечту осуществить!
Пускай никто не хочет ей замолвить слово за меня,
Но, щедросердая, она не может не простить!

Потоком сладкозвучных слов был разум мой заморожен:
Наверх, к отверстиям ушей, ушел из кельи сердца он.

Беда, когда фундамент плох:
Строенье рухнет, видит бог!

Я, раб твой верный, постарел — не служат ноги мне,
Я должен не плестись пешком, а ездить на коне.

Оденься в легкие шелка; тебя в саду беседка ждет!
Так поступаешь ты всегда, как только лето настает.

В сравнении с тобой весна
И некрасива, и бледна.

Где охотился владыка, там и степь, и гор гранит
Стали пашней от газельих многочисленных копыт.

Туча, словно воня тюркский, гнев не может обуздать:
Луку радуга подобна, молний-стрел не сосчитать!

Стекала струйкой вниз вода; мороз ее остановил,
В сосуд прозрачный изо льда, вверх дном висящий,
превратил.

Я думал, волосы, как мирт, свой цвет надолго
сохранят,
Но вижу в зеркале: росой седины ранние блестят. . .

Рыданий горьких не унять, тоски не превозмочь —
Так иногда кошмарный сон преследует всю ночь.

Я знаний много приобрел, но продолжаю бедно жить!
Мне из разбитого горшка не подобает воду пить!

К ней в темное время ты ходишь тайком,
В окне возникаешь ночным мотыльком. . .

Я не боюсь тебя, поверь, смири никчемный гнев,
Ты льва натравишь на меня — но мне не страшен лев!

Абу Шакур, как свидетельствует его нисба, происходил из Балха (на севере нынешнего Афганистана). Видимо, еще в молодости он приехал в Бухару, где жил до конца своей жизни как прославленный поэт саманидских правителей. Источники сообщают, что он был намного моложе Рудаки, которого пережил на несколько лет. Других сведений о жизни Абу Шакура не сохранилось.

Дошедшие до нас фрагменты месневи и отдельные бейты произведений Абу Шакура насчитывают 756 строк. Из них 602 строки составляют фрагменты и разрозненные бейты его известной поэмы «Афариннаме» («Книга восхвалений»). Один из бейтов этой поэмы свидетельствует, что она была начата в 336 году хиджры, что соответствует 947—948 годам нашего летоисчисления.

Другой дошедший до нас бейт о том, что поэма посвящена саманидскому эмиру Нуху I (годы правления 943—954).

149. АФАРИННАМЕ

ФРАГМЕНТЫ

Ни в чем на врага опираться не смей,
Он — горькое древо по сути своей.
Ты холил его, не жалеючи сил,
На почве богатой и жирной растил,
Но — горек от горького дерева плод,
Он вяжет и сушит безжалостно рот,
А сладким покажется — бойся стократ:
Знай — это не сахар, губительный яд.

Отец мой о нищем одном рассказал:
Бедняга кусок тяжело добывал,

От двери до двери бродил он с сумой,
Просить обреченный судьбою самой.
Копи, наживай и в довольстве живи,
Но рта непомерным куском не порви. . .
Обжора один, шах средь прочих обжор,
Всегда на чужое нацеливал взор. . .

Споткнулся однажды — упрямым не будь,
С пути неудобного лучше свернуть.
Ошибка тебя не смогла погубить,
Но помни — опасно ее повторить,
Сегодня сошло — завтра с рук не сойдет;
И серна в лугах не пасется весь год.
Раскаянья выпей целительный яд,
Но, право, не надо две чаши подряд.

Он личиком нежным на пери похож,
Но в мире мальчишки скверней не найдешь.
Не вышел умом беззаботный нахал,
Зато уж наглец — я таких не встречал!
Смотрите: к заргарам спешит он опять —
Кому-то он должен всё время мешать.

. . . Тогда пригласил он соседей своих,
Был важный, надутый заргар среди них
И, к небу взывая, воскликнул: «Господь!
Омой, умоляю, несчастного плоть,
Избавь от всего, что мешает мне жить —
Тебе не устану молитву творить!»

Кто гласности тайну посмеет предать,
Тот будет в позоре свой век доживать,
И — смерти достоин, кто женщине тайну
Доверил однажды, пусть даже случайно.

Ни в чем никогда не завидуй друзьям —
Не меньших успехов достигнешь ты сам.
Врага одного тебе хватит с лихвой,
Друзей же и тысячи мало порой.
Я к добрым поступкам себя приучил,
Я жил на свое — у других не просил.

Запомни: терпенье — воистину дар;
Что бренного золота лишний харвар!

Терпению сердце свое научи —
Завидовать будут тебе богачи.

Ученый сказал: непрерывно учись,
К познанию денно и ночью стремись,
Ты мал и ничтожен, но время придет,
К величию знанье тебя приведет.

Как быть, ты не знаешь, но разум с тобой!
Устал, еле дышишь, но разум живой!
Своими путями, без помощи слов
Общается разум с владыкой миров.

Я нежный и юный, как роза весной,
Не стар, не уродлив — за что же меня
Изводит жена, поминутно кляня?
Сказали ему: «Ты Хосрова мрачней,
Твой вид нагоняет тоску на людей!»

О, деньги! Сегодня в них сила и знанье —
Копи, умножай, наживай состоянье,
Сегодня богатство — удачи замена:
Дела богача хороши неизменно,
Сегодня богач справедлив, человечен,
Бедняк же — тоскою и злобой отмечен,
Везде богачу похвалы расточают,
А дервиша всюду пинками встречают.

О, пусть я умру — тело жалкое бренно,
Но доброе имя да будет нетленно,
Хосров говорит: лучше сгнать со славой,
Чем быть для врага безобидной забавой.

Мудрец говорит: разум — царь из царей,
Лишь он повелитель всех в мире людей,
Есть войско у разума — плоть, естество,
А страсть и желание — слуги его.

Свершить невозможное можно, без спора:
Ведь были когда-то низинами горы!
Сменяются радостью наши печали:
Пир ныне у нас, а вчера голодали.

Поступков бессмысленных не совершай,
И равно бессмысленных слов избегай,
В делах, где порядок важнее всего,
Вредней легкомыслия нет ничего.
Пред тем как советовать будешь другим —
Сто раз посоветуйся с сердцем своим.

Испытанный друг пред тобой провинился,
И ты сгоряча на него рассердился,
Но — лучше ли старого новый приятель?
Пешком ты пойдешь, двух ослов обладатель. . .

Суда справедливость зависит от шаха:
Коль он правоверен — нет в подданных страха!
Мудрец говорит: тот порядок прекрасен,
Который с божественной волей согласен.

Воистину умным является тот,
Кто, делая дело, всё взвесит, учтет,
Его начинанья полезны для всех,
Такому противны бесчестье и грех.

За доброе дело всяк ждет воздаянья —
Таков непреложный закон мирозданья, —
Запомни — всегда по делам и расплата:
Коль скудно посеял — пожнешь небогато.

Я слышал — а люди не зря говорят —
Правитель дастуру разумному рад,
С дастуром-невеждой и шаху беда:
Такому нельзя доверять никогда!

Чтоб тайну твою не открыли случайно,
Будь сдержан — и тайной останется тайна,
Алмаз на железе надрез оставляет,
А слово — сердца пополам разрезает,
Язык обуздай, научи подчиняться,
Тогда лишь за тайну не будешь бояться.

Очей твоих свет — сын единственный твой,
Хоть враг он тебе, как бывает порой,
Ты вместо него быть казненным готов. . .
Кто слышал, чтоб люди любили врагов?

Подобно змее неудачное слово, —
Вдруг выскользнув, может ужалить любого;
Ты, молвивший, бойся особенно гада:
Кто ближе стоит, тот и гибнет от яда.

Когда суждены человеку страданья,
Он молча приемлет судьбы испытанья,
А тот, кто забот и печали не знает, —
Греша, состоянье свое умножает.

«Кто тайну души сохранить не сумел,
Того ожидает печальный удел.
О, тайна души! Нет святее ее!
В ней вся твоя жизнь, всё богатство твое,
Чтоб тайну ни друг твой, ни недруг не знал» —
Так юного сына мобед поучал.
«Язычник болтлив — на него не гляди,
Будь сдержан, священную тайну блюди».

Пусть знанья твои необъятны бесспорно,
Послушать других знатоков не зазорно:
Известно — нет в мире ученого мужа,
Которому был бы учитель не нужен.
Ты слушал наставника, мир познавал;
И ты, и наставник достойны похвал:
Учиться — полезно, и, к слову сказать,
Без знаний ни прясть невозможно, ни ткать.

Как только твоя правота подтвердилась —
Сторонников тьма у тебя появилась,
Ты щедростью слугам внушил уваженье —
Их преданность можешь не брать под сомненье.

Легко ли при шахском дворе состоять?
Послушай, коль истину хочешь узнать:
Когда перед смертным является шах —
Сжимается сердце, свет гаснет в глазах.

Надежно сокрыто лишь то, говорят,
Что многие стражи без сна сторожат;
Но тайну, чтоб тайной осталась навек,
Единственный должен стеречь человек.

В ничтожных устах и весомое слово
Звучит легковесно, смешно, бестолково;
В дастанах ему суждено повториться —
Коль мужем великим оно говорится.

Рубин бадахшанский ты в лавке купил —
Но стал ли знатнее, богаче, чем был?
Шах перстень из глины на палец надел —
Твой жалкий рубин в тот же миг потускнел.

Врага ненароком задеть опасайся —
Как с вазой хрустальной с ним обращайся;
А хочешь разделаться с недругом сразу —
Разбей о гранит ненавистную вазу.

В пустыне сверкнет солончак вдалеке,
И думает путник, что вышел к реке,
И, жаждой томимый, спешит он туда,
Где не было капли воды никогда.
Вот черное что-то. . . Не мускус ли? Нет!
Ошибка, нас ввел в заблуждение цвет!
Как часто, желая чего-то, душа
Становится жертвой игры миража.

Не в золоте бренном, а в знанье свобода,
И слава в миру, и любовь небосвода,
Но вряд ли счастливее есть сочетанья,
Чем щедрость и мудрость, богатство и знанья.

Твой грех невелик, скажем просто — пустяк,
Но волка из кролика сделает враг;
Как сможет тебя очернит, оболжет
И правдой бесстыдную ложь назовет,
Бессмысленно гневаться, спорить, кричать —
Единственный способ защиты — молчать.

Не спутает мудрый бесчестье с несчастьем,
Сердечность — с неискренним, мнимым участием,
Он знает: лишь праведник истинно славен,
Над миром парящему ангелу равен.

Вредна и опасна поспешность в делах;
Несчастье для подданных — вспыльчивый шах!

Он более зла, чем добра, натворит;
И вряд ли к себе уваженье внушит.
Нас мягкость, случается, там выручает,
Где грубая сила бессильна бывает;
Приносят успех доброта и терпенье
Скорей, чем война, чем любое сраженье.

Индийский обычай, дошедший до нас,
Я слышал, упрямы блюдут и сейчас:
Пред дальней дорогой, чтоб легче была,
Они совершают благие дела;
Богач или нищий стоит пред тобой —
Поддай же дирхем, раз обычай такой!

В сей мир ничего не принес ты с собой —
Родился нагим, как младенец любой,
Каким ты явился, таким и уйдешь,
Одежду и пищу с собой не возьмешь,
Мы странники, путь не имеет конца,
А жизнь только мост, по словам мудреца.

Ты зорко казну стережешь от покражи,
А знания — твои неусыпные стражи,
Они от ошибок тебя охраняют,
Тебе же казну промотать помешают,
Избавят от тягот, помогут, подскажут,
Заблудишься — тут же дорогу укажут.

Пусть слово на яхонт походит во всем,
Пусть легкость и ценность соседствуют в нем!
Над сказанным словом ты власть потерял:
Лишь молвил — рабом из властителя стал.

Кто с тайной чужой обойдется небрежно —
Расстанется с тайной своей неизбежно.
За тридцать два зуба скользнувшее слово,
Знай, в тридцать два сердца вонзиться готово!
Оно — как стрела: улетит — не вернется,
Коль вдруг с тетивы ненароком сорвется,
И режет оно, как алмаз, и сверкает,
Врага, как испытанный меч, поражает,
Разрушит дворец и минбар, если надо,
Из щели коварного выманит гада.

Коль ненависть в сердце проникла твое —
Сумеешь ли ты пересилить ее?
Попробуй — заботы свои отложи
И братскую помощь врагу окажи. . .

Мы дружбе обязаны множеством благ:
Она — процветанье, богатство, очаг,
Всё в мире стареет, а старость — беда!
Запомни: лишь дружба всегда молода.

Лишь мудрый способен признать откровенно:
«Есть в мире — мудрец, что мудрей несравненно:
Наш разум! Он, пастырь, покоя не знает,
Желанья от нас, как волков, отгоняет!»

Лжеца записного никто не щадит:
И люди поносят, и небо корит,
Вреда, что наносит ничтожная ложь,
И сотней правдивейших слов не сотрешь.

Сей мир ты приемлешь, ответь? Если — да,
Любая беда для тебя не беда:
Ты этой беды не предвидел, не ждал —
Считай, что всевышний тебя наказал,
Причуды судьбы не подвластны тебе,
Ведь ты не родня и не ровня судьбе.

Ты нищим пришел в этот мир, не забудь,
Таким же в обратный отправишься путь,
Богатства с собой не пытайся забрать, —
Что взял у людей — им придется отдать!

Коль властью великою шах наделен,
Несметно богат, и умен, и силен
И если при нем процветает народ,
Правителя славя, вольготно живет, —
Пусть будет доволен правитель тогда,
Как пастырь, что в холе содержит стада!
А если же царь и бесправен, и нищ —
Убоги у подданных стены жилищ.

Стремись с малолетства накапливать знания,
Чтоб сделаться мудрым к поре возмужанья;
Лишь юное дерево выпрямить можно,

Исправить его недостатки несложно,
Но взрослое дерево — дело иное:
Смирится садовник с его кривизною.

Нам богом удобное тело дано:
Достаток и голод — всё стерпит оно,
Всяк может как хочет его воспитать,
В какую угодно дорогу послать.

К вершинам учености должен стремиться,
Кто хочет почета и славы добиться,
Но слава, однако, познаний не множит. . .
Вот знание — сделаться славным поможет!
И шахи — такое нередко бывает —
Подсказок ученых мужей ожидают,
И, долгие годы проведши на тронах,
Владыки нуждаются в людях ученых.

Основы хорошего нрава извечны:
Глубокие знания и скромность, конечно!
В дастане Хосрова замечено верно:
Характера скверного тяжесть — безмерна,
Коль нрав твой хорош — рай тебя ожидает:
Создатель твои добродетели знает!
Наш разум способен прощать заблужденья,
Злонравью и глупости нету прощенья!

БЕЙТЫ

Бесспорно, я зоркости ум предпочту:
Не он ли и зренью дает остроту?

Характеру доброму нету цены:
Нет хуже людей, что злонравья полны.

Пусть взгляд твой всегда доброту излучает:
Она, как кольчуга, от зла защищает.

Кто тайны друзей не умеет хранить,
С того допустимо и шкуру спустить.

Советы друзей нам динаров дороже,
Хоть золото — благо великое тоже.

Чью душу не радует меткое слово,
Тот доброе не отличит от дурного.

В речах и поступках и нраве своем
Коль скверну посеем — добра не пожнем.

Напрасно блистал красноречьем знаток —
Суть дела невеждам открыть он не смог.

Не странно, что роза желтеет от мук,
А стан кипариса сгибается в лук;

Ловец, что жемчужину ищет на дне,
Случается, гибнет в соленой волне,

Извечный печальник, бывает, смеется —
Не верь: он печальным в душе остается.

Страшнее злопавья врага не бывает —
И тело, и душу оно убивает.

От горькой печали нам лечат сердца
Лик друга и добрый совет мудреца.

Тот славен, кто в сердце терпенье имеет,
Чей гнев вырваться наружу не смеет.

В глубинах души затаенное зло
Клеймом непременно отметит чело.

Когда не везет, и безгрешность — порок;
Везучим — и грехопадение впрок.

Противоядие в яд превратится,
Коль дозу превысишь, спеша исцелиться.

Коль пища готова — она не горчит;
Лишь мудрое слово приятно звучит.

От недруга можно спастись, откупиться,
От пагубной страсти не тщишь защититься.

Оттуда, где мир и согласие в чести,
Тупому насилью придется уйти.

О сын падишаха! Отцу не перечь —
Слетит голова непослушная с плеч.

С плененным врагом обращай сурово,
Его отпустить ты не должен живого.

Горят жемчуга на ладони. . . Они,
Сойдясь в ожерелье, умножат огни.

Наук не осилив, не лезь к мудрецу —
Общаться с ослами ему не к лицу.

Кто мертвой увидеть лисицу мечтает —
Пусть рыжую бестию львом величает.

Твой друг для тебя — как испытанный щит,
Нам верную дружбу ценить надлежит.

Нет пользы в словах — значит, вредны они,
Ты их навсегда с языка прогони.

Кто дружит с тобой ради выгод и благ —
Не друг, безусловно, а будущий враг.

От муки и мука сама убывает,
А легкая жизнь и казну облегчает.

Коль нрав падишаха подобен огню,
Как с пламенем рядом я жизнь сохраню?

Сподобишься царскую власть обрести,
Сам будучи грешником, грешных прости.

Мне выболтав тайну, не требуй, дружок,
Чтоб я пуще глаза ее поберег.

Коль брата в предательстве ты уличил —
Оставь негодя без кожи и жил.

Жить, воле чужой подчиняясь, — беда!
Нет большей обиды, нет горше стыда.

Чурайся неправды, дороги кривой —
Покойся мир на основе прямой!

Любое добро из добра возникает;
За доброе дело господь награждает.

Завет мудреца он исполнить старался:
От дел не своих как умел уклонялся.

Коль вдруг от невежества польза случится —
Им тут же невежды готовы гордиться.

Сей мир на соленую воду похож:
Тем жажда сильнее, чем более пьешь.

Бывает, динар и булыжник равны:
Зарытые в землю, они не нужны.

Зло — скрытый огонь: не дымит, не чадит,
Но, вырвавшись вдруг, никого не щадит.

Пред мудрым судьей гуляка предстал —
Дать пьянице розог судья приказал.

Покамест не поздно — учись, не дремли
И, может быть, станешь владыкой земли. . .

От яда — в желудке смертельное жженье;
Для разума — страшен огонь вождельня.

Ты руку мечом удлинил — нападай
И тою же сталью себя защищай.

При случае руку врага отрезай,
Не сможешь отрезать — смиренно лобзай.

Стать длинною слишком руке не давай,
Ногою с ковра своего не ступай.

Лишь в мирные дни процветает народ;
Разумный правитель войны не начнет.

Уж лучше застрять у терпенья в силках,
Чем благ вождельных достичь впопыхах;

Солидность и опыт достойнее спешки —
Последняя вызовет только насмешки.

Беда, если жадностью очи горят:
Взгляд жаден — и глотка под стать, говорят.

Злонравье и грех я как мог порицал,
Я славил добро, не жалея похвал.

Похлебки, варенья тебе подадут —
Ешь вволю одно лишь из множества блюд.

Несведущий видит косое прямым —
Ты, сделку свершив, посмеешься над ним.

Вот некто из Балха — он жизнь повидал,
Капризы судьбы на себе испытал.

По склону свой бег куропатка стремится —
След птицы парчовою нитью горит.

Воды как огня не боится храбрец —
Естественно: он — искушенный пловец.

Бери с кипариса пример прямоты,
Хотя не достигнешь его высоты.

Твой гость — будь он недруг тебе или друг —
Ждать вправе забот от тебя и услуг.

Нам подлинность дружбы не просто узнать,
Пока в отношеньях царит благодать.

Копить, наживать все стремятся кругом.
Что делать? Отныне и я — скопидом.

Пусть груб мой ответ — в нем лишь правда
одна,
Сначала всегда неказиста она.

Он счастья изнанку всю жизнь созерцал,
Бежал невезенья, но рок настигал.

В сем мире огромном собрал я, увы,
Лишь кучу камней — для своей головы!

Соринкою ветер твой глаз уколел,
Но он ли виновник всех болей и зол?

Наш Нух — самых чистых кровей Саманид —
Суд правый сегодня в Иране вершит. . .

Обычай для нас казначей учредил —
Забудь про обычай, он многих сгубил.

Тебе — поступать хорошо надлежит,
Дурные поступки — хярбад совершит.

Остался бы ты — захоти Сулейман —
Немым нигушаком среди мусульман.

Обоих как мог подстрекатель хулил
И — столько хорошего в каждом открыл!

Кумиру открыто завидовал он,
Был в зависти счастлив и умер, прощен. . .

О, начал я книгу совсем молодым —
Мужчиною лет тридцати с небольшим.

Наполнены жизнью дома и шатры,
Зимою и летом в них шум и пиры.

Горит высоко над тобою Кайван,
Чуть ниже — Ормузд, светозарный тюльпан.

Нет, ты не Ормузд, не Бахрам — человек,
Ты — вечно зеленый, но взрослый побег. . .

Совету мобеда он все-таки внял,
Путь страсти оставил, воздержанным стал.

Коль нету судьи — нет и тяжбе конца,
Безвинного губят нападки истца.

И плоть и душа в мир спустились иной,
Достигнув единства такою ценой.

С невеждами ношу не тщишь разделить —
Им к знанию извечной вражды не избыть.

Пусть шутка твоя безобидна, смешна, —
Но дружбу разрушить способна она.

Коль стали о жизни твоей говорить —
Не радуйся: примутся скоро бранить.

Опять небосвод озадачил мой взор —
Простерся без привязи он, без опор. . .

Он знания несметные в сердце скопил,
Мудрейшим и мир повидавшим прослыл.

Коль гадкую внешность имеет злодей —
Всею видно: змея, враг заклятый людей!

То сердце, что желчи в разлуке полно,
Свиданье с любимой излечит одно.

Иссохла земля; из реки небосвод
Пьет воду, но ливнем ее не вернет. . .

Спал крепко богач; чуть дремала жена —
Услышав шаги, встрепенулась она.

Увидеть Хосрова во сне — не к добру,
Опасно, как сесть слишком близко к костру.

Нагая, она подбежала ко мне —
Я, воску подобный, растаял в огне.

Я смог отдалиться от скверных друзей,
Воздержанность сделав основой своей.

Никто не работал — не сеял, не жал:
Сев кончен, срок жатвы еще не настал.

Судьбу, как учителя первого, чти —
Мудрее наставника не обрести!

Открыты дома — и один, и другой,
На улице стол, угощенья горой.

Хоть гром не смеется, скорее — грозит,
Зато и не плачет, как туча, навзрыд.

Четыре стихии враждуют давно —
Над прочими стать ни одной не дано.

Ты видишь — разлился поток, не унять!
Умеющих плавать теперь не сыскать. . .

Охотник пошел из Панджхайра на юг,
Но птичка и там ускользнула из рук.

Ты сокол? — Тебе ль замечать воробья?
Ты ястреб? — Так утки тебе не друзья!

Он тонко ценил совершенство похвал,
Хулу же — люблю — всегда отвергал. †

Он был так свиреп, так воинствен он был —
Сам лев под напором его отступил.

Плодами наполни свой дом до дверей,
Зерном закрома до отказа набей.

Сгорел твой хирман? — Не грусти, не беда:
Всё в мире способно сгореть без следа.

Строптивного сына несчастный имел:
Всё в мире любя, сын отца не терпел.

Хваля самоцвет, похвали ремесло:
Оно драгоценные грани зажгло.

С плеч голову саблею напроць снесет —
И тело безглавое наземь падет.

Учись, чтобы горя вовеки не знать,
Чтоб в пламени дней мотыльком не сгорать.

Случившимся не был никто огорчен:
Тому — всё равно, и тому — нипочем. . .

У лести границы разумные есть —
С насмешкою схожа чрезмерная лесть.

Треть целого долею стала твоей —
Не спорь: и она состоит из третей.

Он пищи, помимо земли, не вкушал,
Одеждой высокое небо считал.

Никто за грехи их не стал осуждать,
И дервишу нечего было сказать.

Хорошему, в сущности, равен плохой —
Таится зловредность в натуре любой.

И меч над мужчиною будь занесен —
От сказанных слов не откажется он.

Едой не поделишься — грех совершишь,
Поделишься — больше стократ согрешишь.

Он шумно в саду у себя пировал,
Без устали чаши друзей наполнял. . .

Как только морщины изрежут чело —
Знай: в сердце, как прежде, не будет светло.

Он лгал многословно, он хвастал, он пел, —
Чтоб только ярмо простодушный надел;

Коль я тебе лгу — пусть для шеи моей
Ложь станет ярмом до скончания дней.

Сквозь дымку прямым я увидел твой стан,
Обычно изогнутый, словно чавган.

Коль пахарь не пашет, кузнец не кует —
Пусть кто-нибудь головы им разобьет!

Сон царский мне снился, но я промолчу,
Пред вами грешить хвастовством не хочу.

Пусть знают — мои побужденья чисты,
Как книги моей непорочны листы.

Харун попросил: в день кончины моей
Не мучьте тяжелой работой людей!

О муках железа, что режет гранит,
Резец исковерканный нам говорит.

Шути, но обидеть друзей берегись,
Недоброй, неловкой насмешки стыдись.

Ты душу и плоть чадолюбьем сгубил,
Жестокой и алчной акулой прослыл.

То был триста тридцать — шестой уже? — год,
Дастан его слушал впервые народ. . .

Нет сердцу покоя: злодей уцелел,
Противника я одолеть не сумел.

Его добротворцем по праву зовут —
В нем щедрость и верность с рожденья живут.

Чтоб долг по ночам не давал тебе спать —
Бери у того, кто привык отдавать.

Он скверным поступком меня поразил —
Ушел я и думать о нем позабыл.

Осталось тебе в положении твоём
Свой дом подметать как лисица хвостом.

Быть может, клянясь на чужбине, солгу,
Но в городе этом солгать не смогу!

Дав волю рукам, ты насилье творишь,
Но помни: возмездия не избежишь.

Не спи: процветает злонравье вокруг!
Молчу, если слушать тебе недосуг.

Коварен и злобен безжалостный враг:
Жену уведет и разрушит очаг.

Покамест морщины не старят лица,
Безделица — юность, по мненью юнца.

Болтливый правитель погубит страну —
Враги вероломные льнут к болтуну.

В свой час на махшар можешь смело идти,
Коль жил ты на свете без злобы в груди.

Твой шлем золотой украшает тебя,
Твой панцирь стальной защищает тебя.

Советы хедива помогут, спасут,
А дива подсказки беду навлекут.

Вдруг женщине шилом проткнул ты язык!
Стыдись же, что гневу поддался на миг!

Твой верный соратник покинут тобой —
Дрожишь ты теперь перед схваткой любой.

Повис над тобой ледяной Козерог,
Не вымашишь пынче тебя за порог.

Сижу на бархане, и мыслей поток
Струится, как желтый меж пальцев песок.

В динарах порой возникает нужда —
Пера острие выручает тогда.

Он дряхлых ослов недостойными счел —
Богатство на мулах везти предпочел.

«Ах, если б...», «Быть может...», «А вдруг
повезет...» —
Нередко в делах заменяют расчет.

150 — 151. ФРАГМЕНТЫ И БЕЙТЫ

1

ИЗ ЛИРИКИ

Я в черты твои взгляделся как-то раз издалека —
Изменила лик прекрасный непонятная тоска.

То игрой он забавлялся, и легко рука взлетала,
То — по локоть эту руку он в заботы погружал,
Как над миром реет птица, развернув в полете крылья, —
Так крылом любви безмерной свой народ он осенял;
Я истерзан сладкой болью, неизбывною любовью —
Богоданной этой муки я до дна не исчерпал.

При сделке старайся партнеру сполна заплатить:
Долг — дружбе помеха, он может ее погубить.

От грусти, о кравчий, я словно больной!
Целебный напиток поставь предо мной:
Он, месяцем юным струясь из кувшина,
Пусть в чаше становится полной луной.

В тебе человечности не было сроду...
К чему человечность такому уроду!

И нищий бродяга не ставит тебя ни во что,
Сердечную тайну тебе не доверит никто.

Не живу, а вью веревку: прячусь, пячусь наугад,
В бой, подобно дикобразу, лезу иглами назад.

Ты на меня не держишь, знаю, зла —
Зачем же на страданья обрекла?
В твоей тени от Страшного суда
Не скрыться мне — я это знал всегда,
Живи, умри, открой, закрой ли дверь —
Я о тебе знать не хочу теперь.

В доме, где хранятся знанья, малой щелки нет
в двери —
Спрятан ключ в надежном месте — не отыщешь, хоть
умри.

До цели ты дойти не смог, но это, право, не беда:
Зато ты сбросил путы с ног, с уздой расстался
навсегда.

Буду пить вино и лопну, как граната спелый плод,
Буду пить, пока не станет бурдюка круглей живот.

Из равнодушья соткан мир, я знаю,
Себя лишь равнодушным не считаю.

Всё бьет по хоботу она! Боль унижению равна!
Пусть я железо, камень, слон — замучить можно и
слона!

О грядущем ты не помышляешь,
Потому ошибки совершаешь.

На светильник божий дуешь смело —
Как бы борода не обгорела!

Злобному перечить — труд напрасный,
Станет он пантерою опасной.

Зной палит — что в мире зноя хуже?
Подожди, еще настанет стужа!

Ты свои дела поправить сможешь,
Если только знанья приумножишь.

Став Каруном в этом мире брениом,
Знай: ты пылью стал одновременно.

Мне ль с тобою в хитрости тягаться,
В мудрости с мудрейшим состязаться?

В небе Лев исчез за тучей темной,
На горе явился барс огромный.

Груз ослу на выпасе не в тягость —
И спине легко, и в сердце благодсть.

МЕСНЕВИ В РАЗМЕРЕ «ХАФИФ»

Когда поля от крокусов лиловы,
Мы землю раем посчитать готовы.

Забот житейских избегать не надо,
Не будет мед казаться горше яда.

Коль пустословишь, споришь без умолку —
Ты — низок, глуп, в делах не знаешь толку.

Див над тобой жестоко посмеялся —
Ты, подсчитав убытки, разрыдался.

Не надо амбры, мускуса не надо —
Есть сок кувшинки, мякоть винограда.

Где клад зарыт, в секрете я оставлю,
Чужой руки туда я не направлю.

Верх — чаши верх; дно — с донцем чаши схоже;
Внутри загляни — на баклажан похоже.

Башшар, судя по его нисбе, родился в Мерве (Маргази или Марвази означает «Мервский»). Другие сведения о его жизни до нас не дошли. Некоторые источники сообщают, что Башшар писал стихи и на арабском языке, однако они ни разу не приводились авторами этих сочинений.

От Башшара дошла единственная полная касыда о процессе приготовления вина, о его красоте и о наслаждении, доставляемом человеку вином.

152. КАСЫДА О ВИНОГРАДЕ И ВИНЕ

Веселья ради виноград создатель сотворил,
Источник сладостных утех он миру подарил.
Он милость высшую явил, он создал виноград!
И благодарный род людской его творенью рад:
Доza — и пища, и питье — рубиновый набид,
Есть виноградник у тебя — и весел ты, и сыт,

Кто виноградник продает, тот радость продает,
Кто виноградник приобрел — тот радость обретет!
Прошу, взгляни на виноград! Ты всё о нем обязан
знать,

О винограднике тебе хочу подробно рассказать!
Смотри: зеленые листья висят на трепетной лозе, —
Их видеть — счастье и, поверь, двойное счастье —
осязать.

Однажды утром я пришел на виноградные поля,
И был не в силах влажных глаз от многоцветья
оторвать,

Мне показалось: распростер зеленый шелковый шатер
Владыка-негр над дочерьми, чтоб их от глаз людских
скрывать;
Вполне созревших дочерей — их было множество
вокруг —

Поила щедрая лоза, от счастья млеющая мать;
Красавиц, соком налитых, я трогал — будто невзначай,
И от блаженства замирал, и прикасался к ним опять,
А виноградарь наблюдал... Я, правда, этого не знал —
И продолжал в кругу невест блаженство райское
вкусать.

Меня дехканин не ругал; мгновенно выхватив кинжал,
Он, лишник слов не говоря, решил бесстыдниц покарать!
Он не жалел девичьих шей: рукой бестрепетной своей
Их отыскав в густой листве, кинжалом стал перерезать,
Безумной яростью объят, сорвав с блудниц листья наряд,
Нагих, он в груду их свалил, палимый жаждой убивать;
Их кожа лопалась, рвалась, их кровь горячая лилась, —
Дехканин, в гневе торопясь, красавиц принялся топтать!
В подобье чаши из камней пурпурный побежал ручей,
А между тем не мог никак дехканин ярости унять,
Зубами страшно он скрипел, топчась на груде нежных
тел.

И кровь, чтоб не была видна, решил камнями забросать;
Он не жалел последних сил, на камни — камни навалил,
И сверху глыбу положил — большую, тяжкую печать.
В дела другие погружен, не вспоминал полгода он
Об этой крови... Я скажу, что так и надо поступать.
Сады украсились весной цветенья райской белизной,
Нарциссам, розам наконец пришла пора благоухать,
Покрыла зелень ширь земли, в горах фиалки расцвели,
В садах — жасмин, а на лугах — тюльпанов пламенная
рать.

Запел о розе соловей средь кипарисовых ветвей —
Неподражаемый барбат, уставший за зиму молчать;
Вдруг стал дехканин обонять гулоба тонкий аромат,
И вместе с ним — арака дух... Откуда запах —
не понять!

Он обошел весь дом, потом — о дне кровавом вспомнил
том!

И глыбу, тяжкую печать, волнуясь, поспешил поднять —
И воссиял Венеры свет, открылся запах секрет!
В тот миг дехканин ощутил, как входит в сердце
благодать!

Абульмасал родился и жил в Бухаре. Известно, что он был другом Абульмуайяда Балхи и Сипехри Бухари — поэтов — современников Рудаки. Других сведений о нем в источниках не приводится. Лишь по двум бейтам, где он жалобно пишет о своей старости, можно заключить, что поэт дожил до преклонного возраста.

От поэтического наследия Абульмасала сохранилось до нашего времени 40 строк.

153. БЕЙТЫ

Мы спелые гроздья срывали с лозы, и сок остывал
на губах,
Мы слушали голубя и соловья, и пенились кубки
в руках.

Фархар замечательным местом слывет:
Там Нава-язычника идол живет.

Мои описанья сражений прочтет господин,
Покажет эмиру — похвалит меня властелин.

Коварством лису превзойдет он легко,
А в гневе и льву до него далеко.

Что стоит вечерних пиров наслажденье,
Коль утро приносит похмелья мученье?

Пусть мир его благословит, он радость миру
возвратил,
Он очи счастья просветлил, зеницу горя ослепил!

От стонов его содрогалась скала,
Он плакал, и кровь из гранита текла.

Был он грязен и прожорлив, подъедал с невытых блюд,
Так жует колючки тупо неразборчивый верблюд.

Как розу в объятия сорняк заключил —
Так я кипарис сребротелый обвил.

Сиянье старости вокруг твоего чела...
На изгляд красавицы, сиянье это — мгла!

Седеющий сокол! Пора бы понять —
Теперь куропатку тебе не поймать!

Рабия считается первой по времени женщиной-поэтессой в истории таджикско-персидской литературы. Отец ее Кааб Каздари по происхождению был арабом, видимо еще в период арабского завоевания обосновавшимся в Балхе, где и родилась Рабия. В письменных источниках мы не находим точных сведений о датах ее рождения и смерти, но многие авторы утверждают, что Рабия была современницей Рудаки, она была высокообразованной женщиной и обладала редкой красотой, за что получила прозвище «Зайн-уль-араб» — «Краса арабов». Сохранилась довольно распространенная легенда о трагической любви Рабии. Предание гласит, что она влюбилась в раба своего отца, по имени Бекташ, за что была жестоко казнена своим братом — брошена в баню, где погибла в муках от жары и духоты. Позже, в XII веке, история трагической любви Рабии была изложена и в знаменитой суфийской поэме Фариддинна Аттара (ок. 1142—1220) «Божественная книга».

Рабия писала стихи на персидском и арабском языках. Из них сохранилось лишь 66 строк.

154 — 157. ГАЗЕЛИ

1

Лепестками роз и лилий землю устилает ветер,
С ним да будет милость божья, пусть не утихает
ветер!
Он разбил на сотню бликов отраженье солнца в море,
Сто следов Мані заметил и о них вещает ветер!
Разве туча — очи пери, что наполнены слезами?

Как Иса, великодушен, чудеса свершает ветер:
Туча льет не дождь, а жемчуг — на лугу сверкают
перлы,
Листья жухлые дыханьем свежим оживляет ветер!
Где же туча, что казалась в черных сумерках
свирепой?
Розовым вином рассвета чашу наполняет ветер!
Кто алеть заставил розу ранним утром, на рассвете?
Необузданный и дерзкий, он ее смущает, ветер!
Посмотри, и ты увидишь: легкокрылою невестой
Льнет к заждавшемуся саду, меж дерев играет ветер...
Как его повадки странны: сон предутренный, глубокий
Без стеснения прерывая, розы мне бросает ветер.

2

Я снова в неволе, тяжелых оков не порвать,
Напрасны старанья с любовной тоской совладать!
Бескрайное море любви переплыть невозможно,
Нелепо надеяться — берег среди волн отыскать!
Любовь бесконечна — бессмысленно жаждать развязки,
Придется, как видно, к причудам любви привыкать:
Счесть черное — белым, грехом признавать
добродетель,
Пить яд ежечасно и медом его называть.

3

Кругом цветы, цветы, цветы — бесчисленны они!
Как многоцветен ныне сад, он — как Аржанг Мани!
Не туча над землей висит — глаза Меджнуна слезы
льют, —
Недаром розы алый цвет щекам Лейли сродни!
В траве агатовой тюльпан на кубок свадебный похож:
На дне — прозрачная слеза, внимательно взгляни!
С короной Кисры схож нарцисс: посередине — золотой,
А лепестки — из серебра; срывая, не помни!
Как будто веруя в Христа, наряд монашеский надев,
Фиалка синяя — смотри — скрывается в тени...

Живое — или не живое? Не попугай, не соловей, —
Оно представилось загадкой героя здравому уму.
Подобье девичьего тела скрывал загадочный покров...
Подумал курд: «Утехой славной я свой досуг теперь
займу!»
Срубив под корень, обезглавив, он жертву принялся
ласкать,
Ладонями любовно гладил, прижавши к сердцу своему, —
То был тростник сладкоголосый! И курд поднес его
к устам,
И стало музыкой дыханье, и умилился он тому.
Откинув локоны небрежно, ласкал он пальцами лады,
Прекрасный, словно луч рассвета, подобный богу
самому!
И пела флейта: «Не печалься о шахской службе,
Лавкарн,
Принадлежит весь мир огромный тебе отныне одному!»

160. ФРАГМЕНТЫ ИЗ КАСЫД

Источник праведного света, везир Ахмад Убайдуллах!
Его достоинства отметил великий саманидский шах,
Он лик имеет человека, по сути он — рассветный луч,
От глаза злобного, дурного обереги его, аллах!
О господин! Пусть с Бухарою не должно сравнивать
Лавкар —
Но холодок степного дуга всегда у курда на губах...

Поднеси нам чашу, кравчий, чтобы душу обожгла!
Для души струя хмельная — не смертельная стрела!
Наш Ахмад Мансур великий восхваления достоин —
Сочиним такую песню, чтобы складною была!

Письменные источники не дают никаких сведений об этом поэте. Хотя имя его отсутствует в ранних поэтических антологиях, которые содержат скудные сведения о поэтах X века, 70 строк его стихов приведено в самом старом из сохранившихся толковых словарей персидского языка Асади Туси (первая половина XI века) и в трактате по поэтике Шамсиддина Мухаммада ибн Кайса (XIII век). Судя по его нисбе, он родился в Бухаре. Бейты, сохранившиеся от его касыд, дают основание предполагать, что он одновременно с Рудаки состоял на службе при дворе Саманидов или у кого-либо из их правителей, которому и посвятил свой панегирик. Жизнь поэта не всегда была благополучна, о чем свидетельствует один фрагмент из его касыды («В холодном мраке бытия огонь любви неугасим...»).

161. ФРАГМЕНТ ИЗ КАСЫДЫ

В холодном мраке бытия огонь любви неугасим,
Пей страсти старое вино — и будет сердце молодым!
Из целой тысячи друзей ты выбрал друга — он не друг!
В бесчисленной толпе мужей ты мужа разглядишь не
вдруг!

162. БЕЙТЫ ИЗ ЛИРИКИ

Ты не ленилась никогда сердца мужские покорять —
Так почему же лень тебе меня в ответ поцеловать?

Кровь почерневшую свою на щеки высохшие лью,
Я слезы выплакал, теперь — кипеть кровавому ручью!

И день и ночь благодарю за доброту тебя, поверь,
Я под счастливою звездой свои дела вершу теперь!

Дверь золотая во дворце и широка и высока,
Украшен жемчугом портал, слепит глаза издалека.

Богатство — скарденности плод, в мечтах о нем глупец
живет,
Будь справедливым, помогай тому, кого нужда гнетет.

Желтее золота мой лик — о, как разлука тяжела!
Иссохла шея, как тростник, любовным мукам несть
числа...

Пусти стрелу в лицо врага, а лучше — много стрел
пусти:
В остистый колос ячменя лик ненавистный преврати.

В душе невежды — пустота, его сужденья — чистый
вздор,
Не хочешь глупость совершить — с ним не вступай
на равных в спор.

Кто жизненным путем идет, ведомый дерзостью
хмельной, —
Тот поскользнется, упадет, в грязи закончит век
земной.

Доколе жаждать будешь ты убогих радостей земных?
Ты истрадался, изнемог, всё время думая о них...

Повсюду зреет виноград, хмелеет воздух от вина;
Дехканин вырастил лозу, благодарит его она!

Благоухающая цепь, хитросплетенье завитков!
Сто тысяч локонов в цепи, сто тысяч тайных узелков...

Он из Китая сделал шаг — и за спиной Китай пропал,
От Бухары до Вахша он не запыхавшись добежал.

Я о страданиях моих хотел поведать — и не смог:
Язык не слушался меня, душил горючих слез комок.

Любовь, оставь меня, уйди, ты — сердца тягостная
боль,
Ты — на глазу моем бельмо, непроходящая мозоль.

Когда в кругу красавиц — ты, им похищение не грозит:
Заметив редкостный рубин, на жемчуг вор не поглядит.

Радлука с ней — колодец, в нем — все триста сажен
глубины,
Кто извлечет меня со дна веревкою такой длины?

На тонких веточек своих шиповник создает узор,
И Близнецов, и знак Тельца внимательный заметит
взор.

В круг замкнутый ее любви моя душа заключена —
Так добротой и красотой сама она окружена.

Пред благонаравием его всем преклониться надлежит!
Любой мужчина рядом с ним трусливой женщиной
глядит!

Полное имя поэта неизвестно. Судя по его нике Маргази (или Марвази), он родился в Мерве и, вероятно, жил и творил в том же городе. В известных антологиях средневековья нет биографических сведений о нем. Однако Асади Туси в толковом словаре приводит образцы его стихов (отдельными бейтами) в ряду поэтов X века — саманидского периода. Всего из стихов Тайяна сохранилось 102 строки.

163. БЕЙТЫ

Он по миру с глиняной чашей ходил,
И — надо же! — золота груды скопил.

Мир — не вечная обитель: жил легко — легко уйди,
Не трудись, чертогов пышных для себя не возводи.

Однажды стихи я хадже прочитал...
Он слушал и бороду перебирал.

Я в бороду вылил хадже сто корзин нечистот —
Он бороду вычесал — бороду он бережет!

Человек ты иль собака? Вот завидное уродство!
Может быть, ты обезьяна, что со псом имеет сходство?

Старается скаред свой рот поплотнее закрыть:
Он даже отрыжке наружу не даст проскочить!

С тобой говорю — как молитву творю,
А слышу за это лишь ругань твою.

Посмотри: к вершине неба скачет конь горячий твой,
Знаменует новолуние след подковы золотой.

Твой гнев, как меч, неумолим:
Бессмертный смертен перед ним.

Пусть кровью печени своей твой недруг будет сыт,
А в чаши преданных друзей да будет мед налит!

М читал стихи пустые — с губ лились они, как мед;
Он — хорошие читает, словно тухлый сыр жует!

Конит золото богатый, наживает серебро;
Ты — друзей хороших нажил; береги свое добро!

Ты найдешь в пыли дорожной полный денег кошелек,
Он, кизяк в степи заметив, завернет его в платок...

У тебя дрожат ресницы, в гное плавают зрачки,
Словно гибнущие в смрадных нечистотах пауки.

Когда от скуки снова он зевнет —
Заткни ему бессмыслицею рот.

Здесь никогда не буду счастлив я,
В иных краях пойду искать жилья...

Он выдыхает тяжкий смрад,
Глаза гноятся, не глядят.

Что для тебя заклятый недруг твой?
Он — перепел, ты — сокол боевой!

Абу Абдулла Мухаммад ибн Хасан Маруфи происходил из Балха. Он жил и творил в Бухаре во второй половине X века и был приближенным поэтом саманидского двора, в частности эмира Абдальмалика I (954—961). Некоторое время, видимо в качестве представителя правителей Бухары, жил в Систане, правители которого были в дружественных отношениях с саманидскими эмирами. В своих стихах Маруфи ссылается на авторитет Рудаки, и возможно, он встречался с ним в молодости.

164 — 166. ФРАГМЕНТЫ

1

ИЗ КАСЫДЫ

Ты для врага — алоэ горький сок,
Для друга — меда майского глоток,
Ты всё предвидишь, всюду побеждаешь.
Но первым быть ты никогда не мог.

2

ИЗ ЛИРИКИ

Когда кипарисоподобная мимо прошла —
В душе остывающей роза любви расцвела!
Два локона черных серебряный лик обрамляли,
На мальву похожая, гордо она проплыла.
Волос завитки — алфавита арабского буквы;

Посреди просторной бани он стоит и всем мешает,
Сам похож на головешку, что в тандыре догорает.

Он с детства криворук и ногу волочит,
Глаз выпучен один, а глаз другой — косит.

В добрый час Ганджу покинув, получил от неба он
И несметные богатства, и венец, и шахский трон.

Поступать достойно трудно, ты от этого далек,
И становись всё дальше с каждым часом, видит бог.

Стынет сердце, замерзает — расставаньё настает!
Рана в холоде разлуки никогда не заживет.

Длиннее его самого борода, запущенной пашне подобна,
В ней сто пауков поселились давно — просторно живут
и удобно!

Когда взыграла щедрость в нем, он всех по-царски
одарил,
И богатейшие моря, и рудники опустошил.

Когда на предплечье ее задрожал розовый отблеск
вина —
Тюльпаночешуйчатой рыбою мне вдруг показалась она.

Похожи воры на сорок, рвачи подобны ястребам,
Коварней Димны все они, как совы злы, — о, горе
нам!

Низок новый наш правитель, вид имеет безобразный,
Подлый лик его немыйтый бородой украшен грязной.

Я пустословью твоему хочу воздать по праву честь:
Всем вместе взятым болтунам такой бессмыслицы не
сплесть!

Он в драной обуви пришел, ступни в крови опять...
Ему б не обувь, не ступни, а сердце разодрать!

О турчанка, мусульманка! Ради веры пощади!
Увядая, пропадая — дай надежду, снизойди.

Рудаки непревзойденный, царь поэтов в мире сем,
Говорил: лишь Фатимидам надо следовать во всем.

Абу Мухаммад Баде ибн Мухаммад ибн Махмуд родился в Балхе в середине X века. Авторы антологий пишут, что Баде был современником Дакики и Мунджика, придворным поэтом Абу Яхья Тахира Чагани — правителя области Чаганиан (большая часть нынешней Сурхандарьинской области Узбекской ССР и Гиссарской долины Таджикистана).

Сохранилось 48 строк его стихов.

168. КАСЫДА

Ширь земную украшает бликов солнечных шитье,
 До чего река прозрачна — можно видеть дно ее!
 Гром из тучи фарвардинской над лугами прогремел —
 Войску спящему тюльпанов пробуждаться повелел!
 Шелк цветастый удивился, поглядев на луг в цветах,
 Звонкий руд умолк, смутился, слыша пенье птиц в
кустах!

Говорят арабы верно, здесь я с ними заодно:
В пору вешнего цветенья не преступно пить вино;
 С юной пери из Халлуха подружиться бы сейчас —
 Чтоб она, как чинский идол, красотой ласкала глаз,
 Чтоб вошла походкой томной в наш хмельной,
веселый круг,
 Чтоб чертила на бокалах: *«Ты ль, смельчак, желанный
 друг?»*

Немало есть вельмож на свете — Абульяхья им всем
саид!
Он возродил понятие «гордость» — пусть мир его
благодарит!

В садах, где мудрость расцветает, его безмерно
 Никто, как он, весомость мысли и слова не почитают —
 Слилось с хвалами неземными его прославленное имя, определит;
 Его владенья беспредельны, в них благоденствие царит,
 Он — богатырь с душой Рустама, затмивший щедростью Хатама!
 Его достоинств ради небо к добру вращение вершит!
 Пусть всё, что он ни пожелает, ему судьба предоставляет,
 Да будет мир ему подвластен, пусть лишь ему принадлежит,
 Владыка наш не знает страха, он тверд всегда, как речь аллаха,
 А враг его — подобен бейту, что слабо сложен и — забыт.

169 — 170. ФРАГМЕНТЫ

1

ИЗ КЫТА

Надев неведенья кольчугу, неуязвимым ты не стал —
 Найдет тебя стрела страданья, пронзит насквозь, и ты пропал!
 Ты слишком многого желаешь, а сколько проживешь — не знаешь,
 Успеет в этой жизни сбыться отнюдь не всё, о чем мечтал.

2

ИЗ ГАЗЕЛИ

О, почему, мой месяц ясный, ты не спешишь бокал
 Превратностей судьбы несчастной мне без вина не налить?
 пережить,

Бокал, наполненный любовью, я выпью за твое
здоровье —
Скорее дай хмельным напитком мне горечь старости
запить!
Смотри: цветку подобен румский бокал на золотом
подносе, —
Не сомневаюсь — лишь с нарциссом захочешь ты его
сравнить!

171. БЕЙТЫ

Не знал бы тяжести оков, не ведал про зиндан —
Когда б не локона ее губительный аркан!

Он глупым кажется тебе, но если хочешь знать —
Хитер, коварен и к тому ж умеет колдовать!

Обильные слезы потоком струятся из глаз,
Свою незадачу я проклял бы тысячу раз, —

Но плюнувший в небо себя оплеванию подвергнет:
На самое темя плевков возвратится тотчас!

Абу Мансур Мухаммад ибн Ахмад, по поэтическому псевдониму Дакики, — один из крупнейших поэтов второй половины X века. Источники по-разному указывают место его рождения: Тус (ныне на севере Ирана), Самарканд, Балх. Он родился приблизительно в 948—950 годах и погиб в расцвете творческих сил в возрасте 30—35 лет, то есть около 978—983 годов.

Дакики в раннем возрасте достиг поэтической славы как тонкий и блестящий лирик и уже двадцати пяти лет занимал почетное место при дворе правителей Чаганиана. Количество строк, написанных Дакики в части «Шахнаме», составляет около 2000.

Сохранилось также 444 строки касид, лирических стихов, фрагментов и бейтов из его касид, кыта, газелей, сатиры и других видов поэзии.

172. ШАХНАМЕ

ГОШТАСИ

ФИРДОУСИ ВИДИТ ВО СНЕ ДАКИКИ

Песнь эту сложивший увидел во сне,
Как будто забвенья он ищет в вине.
И вдруг Дакики перед взором предстал,
За чашей с поэтом беседовать стал.
Услышал от юноши Фирдоуси:
«Торжественно чашу к устам поднеси,
Пей, чувствуя, данью восторга дая
Уклад и обычай Кавуса-царя,
Воскресший с тех пор, как в короне взошел
Великий Махмуд на Кеянский престол.
Ему, покорителю градов и стран,

Чьей милостью щедрой наш край осиян,
Годов до восьмидесяти и пяти
Не ведать невзгод на державном пути.
А там свое войско он двинет на Чин,
И каждый склонится пред ним властелин.
И, слова худого нигде не сказав,
Он станет верховным владыкой держав.
Над книгой своей ты трудился не зря,
Тебя ожидают щедроты царя.
Но книге начало положено мной —
Ты зависти не поддавайся дурной!
Лишь в тысяче бейтов воспеть я успел
Гоштаспа с Эрджаспом — и дух отлетел.
Коль будут те бейты царю вручены,
Душа вознесется моя до луны».
Дам место тем бейтам: ведь я еще жив,
А он уж не встанет, в земле опочив.

НАЧАЛО СТИХОВ ДАКИКИ.
УХОД ЛОХРАСПА В БАЛХ В ВОЦАРЕННИЕ ГОШТАСПА

Воссел на престол Кеянидов Гоштасп
И стал собираться в дорогу Лохрасп.
Он двинулся в Балх, к Новбехару, что был
Для тех, кто Йездана бессмертного чтит,
Святынею; в нынешние времена
Так Мекку арабские чтут племена.
Туда устремился он, рвением гоним,
И стан опоясал хейкелем благим.
Один в благодатной обители той
Он дни проводил за молитвой святой.
Сменил власяницей парчу и багрец —
Так дань благочестию платит мудрец!
Снял перстень и серьги, волосы отпустил,
К Йездану пречистому лик обратил.
В моленьях и бденьях прошло тридцать лет —
Так чтить подобает создавшего свет!
Он солнце без устали славил, как встарь
Джемшид, осиянный величием царь.
Гоштасп между тем на отцовский престол
В отцовском венце величаво взошел,
Лучась благодатью, как славный отец:
Пристал благородному царский венец!
Сказал он: «Я царь, чья опора — Йездан,
Кеянский венец мне создателем дан.

Престол для того доверял мне творец,
Чтоб хищников я отгонял от овец.
А праведный нами не будет гоним,
Мы чистых душой притеснять не хотим.
Должны и неверных мы к вере своей
Привлечь, соблюдая обычай царей».
В краю, где владыка шел правды тропой,
Шел волк рядом с серною на водопой.
Гоштаспа жена — дочь кейсара Нахид —
Так имя царицы для мира звучит,
Но шах ее звал Кетаюн, как и встарь.
Имел от нее двух сынов государь:
Один — полный доблести Исфендиар,
Вождя и воителя дан ему дар;
Другой — Пешутен, молодой исполин,
Воспетый молвой победитель дружин.
Стал властвовать миром супруг Кетаюн,
Сказал бы ты, ожил в нем царь Феридун!
Владыки почтительно дань ему шлют,
Сердца доброхотов к великому льнут.
Один лишь владыка Турана Эрджасп,
Которому дивы служили не раз,
Гоштасповым данником верным не стал,
Его увещания мирным не внял,
Сам дань с него даже дерзает брать;
Дань должен ли равный от равного брать?

ПОЯВЛЕНИЕ ЗЕРДЕШТА
И ПРИНЯТИЕ ГОШТАСПОМ ЕГО ВЕРЫ

Немалое время меж тем протекло,
И в царстве Гоштасповом древо возросло,
Его осеняя священной листвою,
Вознесшись до неба нетленной главою.
Оно принесло благодетельный плод —
Вкусивший его никогда не умрет!
Зердешта завет — имя древу тому,
Сложить Ахримана под силу ему.
Владыке вещает Зердешт: «Я пророк,
За мною идти повелел тебе бог.
Горящие угли принес я, их жар —
Небесного рая спасительный дар».
Создатель изрек: «Веру в сердце внедрил!
На землю взгляни, небеса обозри —
Без глины, без влаги, из небытия,

Ты видишь, воздвигла их воля моя,
Признай, что лишь я совершить это мог,
Лишь я, всемогущий, всеведущий бог!
Коль истину эту познаешь, поймешь,
Создателем мира меня назовешь».
«Я послан творцом, — так пророк продолжал, —
Чтоб веру в него от меня ты принял.
Так следуй отныне заветам моим,
Добро предпочти бранным благам земным
И веру прими, возвещенную мной:
Не сыщешь спасения в вере иной».
И принял ту веру священную шах,
Почуял он истину в вещих речах.
За ним приобщился к той вере Зарир,
Герой, удивлявший отвагою мир.
Тогда благодать на страну снизошла,
Злодеи и те отвернулись от зла.
Гробницы божественный свет озарил,
И радостью каждый он род одарил.
Поднялся Гоштасп венценосный на трон,
Войска разослал во все стороны он.
Повсюду мобеда молились о нем
В безмолвии храмов, пред вечным огнем.
Построив блистательный Мехри-Борзин,
Прославил себя на века властелин.
Могучее древо, прообраз надежд,
Взрастил пред воротами храма Зердешт,
На древе такие слова начертал:
«Гоштасп правой веры поборником стал!»
По свету о том разлетелась молва,
И память о прошлом осталась жива.
Немалое время еще протекло,
И древо всё крепло, всё выше росло.
Не мог уж его охватить и аркан —
Столь мощным вознесся тот ствол-великан.
Листва необъятным шатром разрослась,
И светлый возвел над ней замок Гоштасп.
В длину сорок рашей и столько же вширь,
Не глину с водою тот царь-богатырь,
А чистое золото зодчему дал,
Настлать он серебряный пол приказал,
И стены, сияньем слепившие взор,
Хитро изукрасил алмазный узор.
Царей живописец там изобразил:

Вот гордый Джемшид, почитатель светил,
А вот Феридун, повелитель благой,
Вздымающий палицу с бычьей главой.
Царь многих прославленных древних вождей
Велел воплотить к вящей славе своей.
Вкруг замка железную стену возвел
И в нем водрузил он свой царский престол.
Наказ разослал: «Обойди хоть весь свет —
Кешмарскому дереву подобного нет,
Его мне всевышний творец даровал,
Меня же под райские кущи призвал.
Внемлите завету теперь моему,
Придите к священному дереву тому.
Зердешт поведет вас стезею добра,
Кумиров китайских отвергнуть пора!
Прочь все заблуждения предков, вас ждет
Кешмарское дерево — приют и оплот.
Во имя державы иранской под ним
Сойдясь, опояштесь хейкелем благим.
Вас к храму Огня призывает пророк.
Ступите же все на священный порог!»
До всех, кто в Иране уделом владел,
Наказ властелина царей долетел,
И венценосцы по воле его
Сошлись вкруг священного дерева того.
Они словно рай изукрашили храм.
Див злобный Зердештом повержен был там.
Ты дерево кешмарским привык называть,
Но более было бы дереву под стать,
Когда бы ты райским его окрестил, —
Кто в мире второе такое взрастил?

ГОШТАСП ОТКАЗЫВАЕТСЯ ПЛАТИТЬ
ДАНЬ ЭРДЖАСПУ

Немалое время еще протекло,
Звезда властелина сияла светло.
Так молвил Зердешт престарелый царю:
«Внемли, ибо истину я говорю:
Ты веры бы нашей завет преступил,
Коль дань бы, как прежде, Эрджаспу платил.
Покорностью этою дух возмущен,
Ведь наши владыки с древнейших времен
Турану платить и не думали дань,
Соседской была не слабее их длань!»

Гоштасп согласился, сказав: «С этих пор
Забудут туранцы взимать с нас побор!»
Проведал про то некий дерзостный див,
К властителю Чина тотчас поспешив,
Ему говорит: «О владыка земли!
Все страны покорность тебе принесли.
Вожди — стар и млад — примирились с судьбой
Подвластной, не смеют тягаться с тобой.
И только Гоштасп, сын Лохраспа, один
Дерзнул повести свое войско на Чин,
С владыкой столь грозным заспорить посмел,
Возвысить себя над тобой захотел!
Под властью моей — сотни тысяч бойцов,
Тебе под начало отдать их готов.
Давай же приступим к жестокой борьбе,
Страшиться Гоштаспа негоже тебе».
Услышав коварного дива слова,
С престола спустился Турана глава;
Мучительный страх пред владыкой царей
Его обуял, стал он тучи мрачней.
Мобедов тогда поспешил он призвать,
О вести услышанной им рассказать.
«Узнайте, — сказал он, — покинул Иран
Стезю, на которой ведет нас Йездан.
Там некий колдун к новой вере зовет,
Себя за пророка ее выдает.
Твердит притворившийся ангелом бес:
«Йезданом я послан на землю с небес.
В раю был, Йездана я там созерцал,
Он мне Зенд-Авесты слова начертал.
Потом Ахримана в аду я узрел,
Да только спознаться с ним не захотел.
И к шаху творец мне велел поспешить,
Ему новой веры закон возвестить».
Иранских мужей молодой властелин,
Лохраспа, царя именитого, сын,
Чье имя Гоштасп, был с пути совращен,
Хейкелем тогда опоясался он.
Зерир, брат родной властелина, к тому ж
Прославленный воинской доблестью муж,
И прочие витязи шаху вослед
Решились принять новой веры завет;
Пошли за коварным седым колдуном,
Ему покорялись и в нем лишь одним

Спасение видят. Так ложный пророк
Ошутать сердца легковверные смог!
Пощады Гоштаспу, строптивцу тому,
Не дам. Напишу я сначала ему
Посланье, и будут даянья щедры —
Нежданнныя сердцу отрадны дары!
«Покинь, — напишу я, — неправедный путь,
Побойся творца, заблужденья забудь
И, прочь нечестивого старца изгнав,
В стране воскреси древней веры устав!»
Коль добрых моих не отвергнет он слов —
Моих не изведает тяжких оков,
А если отвергнет себе на беду
И старую возобновит он вражду —
Рать кликну я с многих сторон, той порой
Здесь неисчислимый растянется строй.
Помчимся в Иран, супостата того
Осylim, не станем страшиться его.
Догнав и схватив, не повергнем мечом —
Повесим, позору его обречем!»

ПОСЛАНИЕ ЭРДЖАСПА ГОШТАСПУ

На том порешили туранцы. Из них
Царь выбрал потом двух вождей боевых.
Бидрефшем один прозывался — то был
Колдун искушенный, исполненный сил;
Намхаст — кличка дива другого была,
Казалось, на свет он родился для зла.
Владыке, что веру благую приял,
Посланье искусное царь написал.
Вначале восславил создавшего свет,
Для коего тайн в мироздании нет,
Потом начертал: «Из державы своей
Посланье сие по уставу царей
Герою Гоштаспу, владыке владык,
Что трона достоин, могуч и велик,
Лохраспа венчанному сыну, тому,
Кто славу престолу принес своему,
Пишу я, Эрджасп, о котором молва
Несется по свету, — туранцев глава». —
Так сказано было в послании том,
Что тюркским Эрджасп написал языком:

«Владыка, отмеченный славной судьбой,
Украшивший трон шахиншахов собой!
Не старься, не блекни во веки веков,
Пребудь и душою и телом здоров!
Слыхал я, свой дух осквернил ты — свернуть
Решился на ложный, губительный путь.
К тебе некий старец — бессовестный лжец —
Явился, смутил твою душу, хитрец!
Про ад и про рай тебе басни внушил,
Свет радости в сердце твоём потушил.
Коварною речью его оболещен,
Ты принял неправедной веры закон.
Из предков твоих, из Кеянских владык,
Был каждый могуществен, мудр и велик,
Но ты их священный завет преступил —
О, как безрассудно ты, царь, поступил!
Припомни, избранника славного сын:
Трон отдал отцу твоему властелин —
Его из достойных достойнейшим счел,
Потомкам Джемшида и то предпочел.
Подобно Хосрову, меж славных царей
Ты всех был почтенней, сильней и мудрей.
Дано тебе всё, что владыкам под стать, —
Величье, могущество и благодать,
Знамена, в роскошном убранстве слоны,
Несметная рать и богатства казны.
Дивясь твоей славной и гордой судьбе,
Мужи родовитые льнули к тебе.
Как солнце весною в созвездье Овна,
Сиял ты. Соседние все племена
С вождями своими покорность несли
Тебе, властелину иранской земли.
Но неблагодарностью ты отвечал
Творцу — нечестивую веру избрал.
На царский престол возведенный творцом,
Ты ныне обманут презренным лжецом.
Лишь весть эта злая дошла до меня —
Увидел я ночь вместо белого дня.
Посланье сие от души тебе шлет
Друг давний, испытанный твой доброхот.
Посланье прочтя, омовенье сверши,
Зердешта отвергни и впредь не греши.
Кушак оскверняющий сбрось и потом
На радостях чашу наполни вином.

Обманом себя ты опутать не дай,
Путь прежних властителей не покидай!
Коль примешь ты этот разумный совет —
Не станут туранцы чинить тебе вред
И будут тебе — что родной твой Иран —
И Чина земля, и Кушан, и Туран.
Сокровищ немало отдать я готов,
Добытых ценою тяжелых трудов.
Ретивых коней боевых обретешь,
В пополах, расшитых алмазами сплошь,
Красавиц, чьи убраны кудри хитро,
Невольников, золото и серебро.
Но если призыв мой отвергнешь, — клянусь,
Изведаешь тяжких оков моих груз.
Двух месяцев даже не минет, и я
Нагряну, со мною дружина моя.
Твой край разорим! Столько хлынет бойцов,
Турана и Чина лихих удальцов,
Что в пору земле изнемочь. Бурдюки
Сплошь вытеснят воды Джейхуна-реки.
Дворца твоего разукрашенный свод
Обрушим и с корнем мы вырвем твой род.
Богатый ваш край разорим мы вконец,
Стрелами немало пронзим мы сердец.
Иранских мужей — тех, кто стар, изможден,
Поверь, уводить мы не станем в полон, —
Таких ведь не сбудешь нигде нипочем.
Велю обезглавить их острым мечом,
Одних только жен и детей полоню,
На вечное рабство в Туран угоню.
А землю безжалостно опустошу,
Ее и садов и посевов лишу.
Длить речи не стану, советом моим
Не пренебрегай, поразмысли над ним!»

ПОСОЛЬСТВО ЭРДЖАСПА К ГОШТАСПУ

Окончив письмо, пред собранием мужей
Свернул его, царской печатью своей,
Согласно обычаю, свиток скрепил
И без промедленья Бидрефшу вручил.
«Держитесь достойно, — велит он послам, —
Вступите в палату все вместе и там,

Как учит обычай, поклоном земным
Приветствуйте шаха, представ перед ним.
Глядеть вам не следует по сторонам,
Не должно к другим обращаться мужам.
Воссев и к владыке лицо обратив,
Дождитесь ответа, посланье вручив,
И, выслушав царский ответ до конца,
Склонившись, покиньте пределы дворца».
Походный свой стяг не замедля взметнуть,
Бидрефш, мести жаждущий; двинулся в путь.
И спутником верным Намхаст ему был,
Что славлюбивых немало сгубил.
До Балха домчались они наконец,
И вот перед ними Гоштаспа дворец.
Вступают посланцы в высокий чертог
И царский, склонясь, лобызают порог.
Гоштасп на престоле своем восседал,
В венце, словно ясное солнце сиял.
Смиренно хваленья послы вознесли
Властителю славной иранской земли,
Царево посланье вручили потом,
Что тюркским написано было письмом.
Когда распечатал посланье Гоштасп,
Над ним он раздумывать стал, омрачась.
Потом за Джамаспом послать поспешил,
Что шахским ближайшим советником был,
Еще мудрецов повелел он призвать,
Князей и вождей — всю верховную знать.
Собрав и мобедов, и богатырей,
Авесту раскрыл повелитель царей.
Пророк, чьею славою полнился мир,
Сел рядом с владыкой, а также Зерир,
Бойцов предводитель, любимый страной,
Прославленный муж, брат Гоштаспа родной;
Он званье «джехан-пахлавана» носил —
Тогда Исфендьяр еще юношей был.
Надеждою рати своей был Зерир,
Опорою богатырей был Зерир,
Страну от неверных и злых ограждал,
Бесстрашно с копьем на врагов нападал.
Старейшинам мудрым такие слова
Сказал на совете Ирана глава:
«Вот что написал мне, рассудка лишась,
Владыка Турана и Чина Эрджасп!»

И тут же посланье прочесть приказал,
Которое тюркский владыка прислал.
«Как мыслите вы, — государь говорит, —
Что это посланье в грядущем сулит?
От друга добра ты не жди, коли он
И знанья, и мудрости вовсе лишен.
Мой пращур — владыка достойный Иредж,
Эрджасп — правнук Тура нечистого. Речь
Я мог ли вести с ним о мире? Но я
Вел всё же, благие надежды тая.
Кем добрая слава заслужена, тот
Для каждого доброе слово найдет».

ОТВЕТ ЗЕРИРА ЭРДЖАСПУ

Лишь только окончил ту речь властелин,
Зерир, а за ним Исфендьяр-исполни,
Мечи обнажив, возгласили: «Когда
Отыщется в мире лишенный стыда,
Что не пожелает пророка признать,
Отвергнет святую его благодать,
Веленье высокое дерзко поправ,
Сюда не придет пред владыкой держав
Смиренно склониться, принять от него
Священную веру пророка сего, —
С душой разлучим его тело мечом,
Позору на виселице обречем!»
Зерир, многочисленной рати глава,
Что в жарких сраженьях отважнее льва,
«О славный! — властителю мира сказал. —
Когда бы ты мне дозволение дал,
Я б диву Эрджаспу составил ответ».
Гоштаспу понравился этот совет.
«Ступай, — говорит он, — его пред людьми
Туранского стана унизь, посрами!»
Во гневе ушли Исфендьяр и Зерир,
И с ними Джамасп, умудренный везир.
Обидный — посланью Эрджаспа под стать —
Ответ поспешили они написать,
И, ранее чем запечатать ответ,
Отнес его шаху Зерир-сипехбед,
Ему прочитал, и дивится Гоштасп —
Как мудры Зерир, Исфендьяр и Джамасп!

Письмо запечатав, на нем написал
Он имя свое и посланцам сказал:
«Скачите, чинить вам не станут вреда,
Но путь позабудьте ко мне навсегда!
Когда б не учил нас Авесты закон,
Что должен посол быть от зла огражден, —
От сладкого сна пробудил бы я вас —
Я всех повелел бы повесить тотчас,
Чтоб злему послушнику этому знать,
Как против владыки владык восставать!»
Им бросив посланье, воскликнул: «Ему
Отдайте, туранскому диву тому!
Скажите: «Конец твоей жизни настал,
По крови и праху ты, зная, заскучал!
Тебя обезглавят! Дух сгинет во мгле,
А жалкие кости истлеют в земле».
С Йездановой помощью в месяце Дей,
Закованный в латы, с дружиной своей
Пойду я в поход на враждебный Туран,
Падет под ударами Кергесаран!»

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОСЛАНЦЕВ ЭРДЖАСПА
С ОТВЕТОМ ГОШТАСПА

Лишь речи той царственной гром отгремел,
Владыка Зерира призвать повелел.
Тот после привета услышал приказ:
«Послы да покинут Иран сей же час!»
Так, изгнаны шахом иранской земли,
С позором посланцы Турана ушли.
Из Балха благого вернулись в Халлох
Сказать, что конец их посольства был плох.
Лишь замок владыки глазам их предстал,
Где башни стяг черный, как ночь, осенял,
Послы соскочили с усталых коней, —
Разбиты сердца и в глазах всё темней.
Вступают в чертог властелина страны,
И видит он: лица посланцев бледны.
Склонились и шахский вручили ответ,
Который составил Зерир-сипехбед.
Печати с посланья срывает дебир,
И к чтенью тотчас приступает дебир.
А в этом посланье такие слова
К врагу обращает Ирана глава:

«Ко мне, властелину иранской земли,
Твои недостойные строки дошли,
Мне их прочитали. Тебе не под стать
Такие послания мне посылать,
Тебе не писать бы, а мне не читать!
Их даже нельзя никому показать —
Такие ты дерзкие речи ведешь:
Мол, вскоре на царство мое нападешь,
Срок даже назначил. Про это забудь!
Сам раньше с бойцами я выступлю в путь.
Тесь мы не станем просить ни о чем,
Казну твою сами на свет извлечем.
Знай, вторгнутся тысячи тысяч мужей
В твой край, полных доблести богатырей,
Не от Афрасьяба они рождены —
Все родом иранцы, Иреджа сыны.
Как месяц красивы, по-царски стройны,
Их речи правдивы, их длани сильны.
Им равных не сыщешь нигде удалцов —
Достойны престолов, достойны венцов,
И царских запястий, и царских серег,
Их вера незыблема, разум высок.
От острых клинков их пощады не жди,
Ведь все ратоборцы и ратей вожди.
У каждого — молнией блещет копьё,
На перстне у каждого — имя мое.
Лишь выйдет с кимвалом гремящим мой слон —
Их кони сровняют с землей каждый склон.
Бронею железною облачены,
Поднимут воители пыль до луны.
Они что гранитные скалы в седле,
От натиска их рухнуть впору скале.
Зерир среди них, чей ужасен удар,
И витязь воинственный Исфендиар.
Под силу им солнце с луной одолеть,
Лишь стоит шелома и латы надеть.
Им, воинам неустрашимым, всегда
Сопутствует ратного счастья звезда.
Свой взор прикуешь против воли ты к ним,
Как только промчатся пред войском своим.
Их царственный блеск свету солнца под стать,
Сказал бы — почиет на них благодать.
Узнай — таковы сипехбеда мои,
Избранники славы, мобеда мои.

Джейхун не осушат твои бурдюки,
Я раньше собью с твоих кладов замки.
В день битвы, коль будет угодно творцу,
Клянусь, твои дни приведу я к концу!»
Владыка Турана посланье прочел
И в тяжком раздумье с престола сошел,
Сказал своему сипехбеду: «С зарей
Всё войско мое собери и построй!»
Сошлись именитые богатыри,
Прославленных чинских дружин главари,
Кохрем появился и Эндериман —
И каждый страшнее, чем сам Ахриман.
Дал братьям владыка слонов и кимвал,
Стяг желто-багряно-лиловый им дал
И рать в триста тысяч отважных бойцов.
Испытанных в битве лихих удалцов.
Казной, как положено, их наградил,
Трубить повелел и обоз снарядил.
Призвал повелитель Кохрема — одно
Крыло боевое ему вручено,
Другого же Эндериман стал вождем,
Царь сердце дружины возглавил потом.
Был славен Горгсар меж туранцами, он
Годами и опытом был умудрен, —
Сказал бы, что он порождение зла!
Дана ему рать под начало была.
С ним брат именитый, Бидрефш-великан,
Стяг волчьеголовой свирепому дан.
Явился на зов и Хешаш-исполин,
Что с тигром и пеший бы сладил один,
Дозоры он передовые ведет,
Со знаменем поднятым мчится вперед.
А витязь, что звался Гушдив, послан был
Владыкой Эрджаспом тем полчищам в тыл, —
Владыка велит ему бдительным быть,
Кто вспять обратится — на месте казнить.
Венчанного мщения жажда ведет,
Эрджасп свои полчища двинул в поход,
Жег замки, сады на пути корчевал,
Селенья и грады огню предавал.
Стремительно, гневом слепым обуян,
Владыка неверных ворвался в Иран.

Известья до шаха Гоштаспа дошли
 О том, что владыка туранской земли
 Войной на иранское царство идет,
 Хешаша с дозорами выслав вперед.
 И слышит веленье царя сипехбед:
 «Построй и слонов, и дружину чуть свет!»
 Посланья владыка князьям разослал:
 «Эрджасп изменил нам. Пусть каждый вассал
 Примчится ко мне, повелителю стран, —
 Враждебные полчища вторглись в Иран».
 Лишь только посланья владыки владык
 Дошли до князей — стали мал и велик
 Дружины властителю слать второпях:
 Не меньше бойцов, чем травинок в степях.
 И витязей тысячи тысяч стеклись
 На поле войны; как один поднялись,
 Услышав призыв властелина царей,
 Желавшего блага державе своей.
 Покончив со смотром бойцов удалых,
 Сильнейших, достойнейших выбрав из них,
 На эти несметные рати Гоштасп
 Взирает и радуясь им, и дивясь.
 С зарею собрав сипехбедов своих,
 Советников мудрых, мобедов седых,
 Бойцам из казны, что оставил Джемшид,
 Раздать двухгодичную мзду он спешит.
 Доспехами воинов всех оделив
 И ратный обоз вслед затем снарядив,
 Державный свой стяг водрузить повелел
 И с войском покинул столицы предел,
 Чтоб с недругом вторгшимся ринуться в бой.
 Не видывал свет грозной рати такой!
 Пыль тучей вздымалась до самых небес,
 Свет солнца в ней скрылся и месяц исчез.
 Не слышно кимвала за ржаньем коней,
 За ярыми кликами ратных мужей.
 Пестреют знамена несметных полков,
 И копыта вздымаются до облаков —
 Как тополи горные, как тростники,
 Возросшие вешней порой у реки.
 Так, воле Гоштаспа покорная, шла
 От града до града та рать без числа.

Бойцы, до Джейхуна от Балха дойдя,
Раскинули стан по велению вождя.
Спустился с коня властелин и взошел
В державном шатре на высокий престол.
Джамаспа потом он призвать поспешил,
Что царским ближайшим помощником был, —
Повсюду вожди прославляли его,
Светильником разума звали его.
Всё ясному было доступно уму,
И тайное всё открывалось ему.
Испытанным был звездочетом к тому ж
Тот мудрый, богатый познаниями муж.
Джамаспа приветствовал царь и сказал:
«Тебе не одно благочестие дал —
Дал мудрость провидца небесный творец!
Где сыщется в мире подобный мудрец?
Ты истину должен по звездам прочесть
И мне принести из грядущего весть:
Чем кончится эта война? Одолеет
Кому и кому здесь во прахе истлеть?»
Джамасп омрачился, владыки вопрос
Услышав, и с грустью в ответ произнес:
«О, лучше б всевышний творец наших дней
Мне не дал пророческой силы моей!
Когда б этим даром я не обладал,
Меня б вопрошать о грядущем не стал
Мой царь. Умолчу ли, отвечу ли я —
Быть, видно, казненным судьбина моя».
Гоштасп отвечает: «Благим судией
И тем, кто зажег пламень веры святой,
Зериром, испытанным в битвах вождем,
И сыном моим, Исфендьяром-бойцом,
Клянусь я тебе не чинить никакой
Беды — ни своей, ни чужою рукой.
Поведай же всё, что открылось глазам.
Владеешь бальзамом, мне ж нужен бальзам».
— «О славный владыка! — ответил мудрец. —
Пусть вечно блистает твой царский венец!
Узнай, что тебя, венценосного, ждет:
Час битвы два войска на поле столкнет,
И кличем таким огласится оно,
Которому сдвинуть и горы дано.

И взору предстанет земля твоему
Объятою пламенем, небо — в дыму;
Увидишь ты: движется войско стеной
И пыльной окутана высь пеленой,
А копья и палицы громче стучат,
Чем в кузнице молот, кующий булат.
В ушах у воителей грохот и звон,
И ржаньем неистовым слух оглушен.
Повозки расколоты, раздроблены,
Знамена изодраны, обагрены,
Останется много сынов без отцов,
Останется много отцов без сынов.
Всех раньше прославленный муж Эрдешир,
Сын царский, чьей славою полнится мир,
Помчится вперед на коне боевом,
Врагов на пути повергая мечом.
Там много туранцев низвергнет с седла,
Что им, словно звездам, не будет числа.
Но в битве кровавой падет удалец,
И жизни и славе наступит конец.
Сын царский Шидасп вороного коня,
В бой двинет тогда, супостатов кляня.
В неистовом гневе даст волю клинку
И недругов многих сразит на скаку.
Но будет и он ниспровергнут судьбой,
Простится венец с венценосной главой.
Тут сын мой, в моем боевом кушаке,
В бой ринется грозно с булатом в руке.
Подобно Ростему, строй вражий косить
Он станет, спеша за Шидаспа отмстить.
Немало героев, прославивших Чин,
На смерть обречет молодой исполни,
Немало опасностей встретит в бою.
О царь властелинов, ты повесть мою
Припомнишь в ту пору, как дерзостный враг
Повергнет во прах ослепительный стяг!
Увидит мой сын Герами издали
Державное знамя в крови и в пыли,
И, спешившись, ринется смело вперед,
И знамя Каве у врага отобьет.
Булат свой занесши одною рукой,
Заветное знамя сжимая рукой,
Он станет бесстрашно его защищать,
Врагов нечестивых с душой разлучать.

Но недруг подкравшийся руку потом
Отрубит воителю острым мечом.
Зубами тут вцепится в знамя мой сын,
И недругов многих еще исполин
Одною рукою сразит наповал —
Подобного подвига мир не знавал!
Пронзит его вражья стрела под конец,
И голову сложит герой, и венец.
Тогда на коне бурно ринется в бой
Нестур, сын Зерира, воспетый молвой.
С победою к войску воротится он,
Им враг не один будет жизни лишен.
Помчится за храбрым воителем вслед
Нивзар, сын владыки, любимец побед.
Дела богатырские он совершит,
Десятки туранских бойцов сокрушит,
Но вражья стрела и Нивзара найдет,
В бою исполин бездыханный падет.
Воитель на недругов кинется тут,
Которого славным Зериром зовут.
Под ним золотистый скакун-ураган,
В могучей руке — сыромятный аркан.
В горящей как солнце броне золотой,
Пленяя осанкой весь воинский строй,
Помчится и тысячу богатырей
Пошлет он, связав, к властелину царей.
Куда ни поскачет — от взмахов клинка
Прольется тотчас вражьей крови река.
Никто пехлевийского богатыря
Не сдержит: смутит он степного царя;
Найдет Эрдешира — водителя войск,
Чей лик почернел, тело желто, как воск,
И горько заплачет, душой омрачась,
И тронет коня огневого тотчас.
Бесстрашно напав на враждебную рать,
Хакана в неистовстве станет искать.
Как только завидит Эрджаспа-царя,
Восславит он громко Гоштаспа-царя,
Зердештова «Зенда» слова возгласит,
Творцу всеблагому себя поручит.
Смятенья не ведая, к смерти готов,
Сметет он с дороги немало врагов.
Но сникнет Зерирова счастья звезда,
И срубленным деревом он рухнет тогда.

Примчится Бидрефш разъяренный потом,
Стяг темный подняв на копье боевом.
Свирепый, как бешеный слон, супостат,
Чей ядом смертельным напитан булат,
Напасть не дерзнет, устрасит его князь;
Засядет Бидрефш на пути, притаясь.
Увидев, что с поля несется Зерир,
Беспечный, как будто спешащий на пир,
Туранец стрелу из засады своей
Метнет, и настигнет он князя князей.
Великого низкий Бидрефш сокрушит,
Иранскую землю героя лишит,
Умчится с его скакуном и седлом.
На мщенье твой сын устремится потом.
В бой ринется воинство, рассвирепев, —
Так яро на волка кидается лев,
И схватится с богатырем богатырь,
И кровью степная окрасится ширь,
И ужас возникнет в храбрейших сердцах,
И лица воителей выбелит страх.
Пыль ратная вздыбится до облаков,
Светил не увидят глаза ездоков.
Заблещут кинжалов и копий лучи,
Как звезды сквозь облако блещут в ночи.
Презренный Бидрефш в этот горестный час,
Вперед, словно хищник свирепый, помчась,
Вздымая булат ядовитый, коня
Безудержно, неумоимо гоня,
Немало сразит в бурной скачке своей
Избранников шаха, достойных мужей.
Тогда Исфендьяр устремится вперед
С дружиной. Йездан — ему верный оплот!
На злого Бидрефша, несущего смерть,
Залитого кровью, нагрянет, как смерч,
Индийским булатом удар нанесет
И разом его пополам рассечет.
Потом Исфендьяр, уподобившись льву,
Железную вскинет свою булаву,
Нагрянет, рассеет туранскую рать,
Рассеяв, не даст ей сомкнуться опять.
Копьем, словно сокол голодный, склюет
Туранцев, погибели их обречет.
В той схватке прославленный князь победит,
Туранского в бегство царя обратит.

Слезами облившись, тоской обуян,
Владыка с вождями отступит. В Туран,
Спасаясь, умчится пустынею он.
В бою одолеешь, враг будет сражен.
Поверь, о верховный властитель земной,
Всё сбудется так, как предсказано мной.
Клянусь тебе, лживых не слышал ты слов,
Не будь же, владыка, со мною суров!
Ведь правду о будущих днях говоря,
Я лишь исполнял повеленье царя.
Как мог промолчать я, о мой властелин,
Когда ты про бездну грядущих годин
Спросил! Чтоб была моя совесть чиста,
Раскрыть я дерзнул для пророчеств уста».
Лишь это услышал владыка владык —
Откинулся он на престоле, поник.
Его булава золотая из рук
Упала. Как будто лишившийся вдруг
И силы, и мужества, горем убит,
В безмолвии он недвижимый лежит.
Когда же вернулось сознание — пал
В отчаянье наземь, в тоске зарыдал.
«На что мне, — взывает, — венец и престол!
Мой день злополучный и черный пришел.
Угаснут сыны молодые мои,
Герои, бойцы удалые мои.
К чему мне держава и счастье мое,
Дружины мои, полновластье мое,
Коль те, что всех ближе душе и милей,
Храбрейшие витязи рати моей,
Иранских дружин молодые вожди
Падут, вырвав сердце мое из груди!»
Сказал он Джамаспу: «Коль этот исход
Меня в предстоящих сражениях ждет,
Не стану я брата любимого звать,
Не ввергну в печаль престарелую мать.
Зерир во главе удальцов не пойдет,
Пусть войско Горезм искушенный ведет.
А тех ненаглядных героев моих,
Кеянского рода вождей боевых,
К себе призову, близ себя посажу,
На битву кровавую не снаряжу.
В стенах крепостных, среди горных громад,
Стрелой не достигнет их злой супостат».

Ответил мудрец властелину: «Внемли,
О благословенный владыка земли!
Когда не появятся эти вожди
В железных шеломах у войск впереди —
С героями Чина кто выйдет на бой,
Кто станет защитником веры святой?
Пора, о великий, с земли тебе встать,
Ты царскую не омрачай благодать!
То воля господня — не спорить же с ней!
Всевышний владыка миров — не злодей.
Напрасно скорбеть и рыдать — всё равно
Того не минуем, что нам суждено.
Печалью напрасно себя не терзай,
Творца приговор справедливым признай!»
И шах увещаньям Джамасповым вял,
Как солнце, опять его лик засиял.
Воссел на престол он и мыслью потом
Вернулся к сраженьям с туранским царем.
Всю ночь размышлял, забывая о сне,
Горя нетерпением, рвался к войне.

ГОШТАСП И ЭРДЖАСП СТРОЯТ СВОИ ВОЙСКА

Гонима зарей, ночь покинула пост,
И в небе померкло сияние звезд.
В ту пору, как ранний шальной ветерок
Цветов благовоные песет вдоль дорог,
С дружиной отборной в путь выступил шах
И вскоре стаи ратный раскинул в степях.
Дозорных послал во все стороны он,
Как воинский повелевает закон.
От всадника слышит известие царь:
«Уж близко враждебная рать, государь!
Досель столько ратников, о властелин,
Не слали Туран и воинственный Чин.
В широкой степи и на склонах горы
Раскинуты их боевые шатры,
И вождь их дозоры окрест разослал.
Сомкнулись два стана». Ту речь услышал
Владыка, чьей славою полнился мир,
И кличет он брата. Явился Зерир.
Царь молвит, вручив ему стяг: «Нападать
Пора! Со словами в бой выведи рать».

И вождь свое войско построил тотчас,
С туранцами в битву вступить торопясь.
Призвал Исфендьяра, главу удальцов,
И тысяч с полсотни отборных бойцов
Ему, наделенному силою льва,
На правом крыле вверил войска глава.
Потом и на левом собрал он мужей,
Дружину искусных в бою силачей,
Их вверил отважному богатырю,
Который величием подобен царю.
Шидаспом венчанный отец его звал,
Достойнее витязя мир не знавал.
И, к брату затем обратясь своему,
Полсотни он тысяч всверяет ему.
Тот сердце дружины возглавил: со львом
Мог сладить, был царским дестуром притом.
Тыл войска Нестур охраняет — очей
Зерировых светоч, краса силачей.
Царь войско построил, и держит он путь
К холму, чтоб от тяжких трудов отдохнуть.
И вот уж на троне венчанный сидит,
С вершины на стройное войско глядит.
Меж тем и владыка Турана Эрджасп
Войскам своим строиться отдал приказ.
Сто тысяч карлуков сперва отделил,
Не знающих страха, исполненных сил,
К Бидрефшу он их под начало послал,
В чьей власти был стяг золотой и кимвал.
Крылом ему править одним повелел —
Он лютого тигра и то б одолел.
Другое крыло получает Горсар —
Сто тысяч бойцов, чей смертелен удар.
Для сердца дружин поспешил отобрать
Эрджасп искусенную грозную рать.
Вождем дал ей дива, что биться горазд,
Чье имя средь витязей было Намхаст.
Еще сотню тысяч бойцов верховых —
Мужей, закаленных в боях грозových,
Послал он воинственным полчищам в тыл, —
Владыка Эрджасп ни о чем не забыл.
Той рати могучей испытанный вождь
Кохрем был, врагов повергающий в дрожь,
За удаль воспетый молвой исполин,
Владыки туранского доблестный сын.

НАЧАЛО СРАЖЕНИЯ ИРАНЦЕВ
С ТУРАНЦАМИ

Тьму ночи густую рассеял рассвет,
И залило солнце сияньем весь свет.
Два войска тогда оседлали коней.
Лишь это увидел с вершины своей
На поле сраженья смотревший Гоштасп —
Бехзода, коня вороного, тотчас
Велел подвести венценосный герой.
Коня б ты сравнил с Бисотуном-горой.
И вот на Бехзоде стальная броня,
И воин-владыка вскочил на коня.
На поле широком сомкнулись войска,
На бой вызывает смельчак смельчака.
Стал стрелы метать каждый воинский строй —
Град с неба так падает вешней порой.
Приснится и то б не могло никому
Что-либо подобное бою тому.
Так много летало сверкающих стрел,
Что солнца б ты на небе не рассмотрел.
Сказал бы, нависшая туча с высот
Алмазные струи безудержно льет.
Тот палицей бьется, а этот с копьем,
От схваток несчастных пыль встала столбом,
И по полю битвы, красна, широка,
Течет, разливается крови река.
В бой первым пошел Эрдешир-исполин,
Иранского шаха воинственный сын.
Как слон разъяренный, любимец побед
Несется: сказал бы, он — Тус-сипехбед.
О, горе! Летящему во весь опор
Неведом жестокой судьбы приговор.
Примчался туранец; губительно зла
Царевича панцирь пробила стрела,
И рухнул с седла венценосный ездок,
И кровью его обагрился песок.
О, как луноликого жаль храбреца!
Ему не порадовать больше отца.
Тут вихрем царевич Шируй подоспел,
В крови его сердце, лик бледен, как мел.
Напал на туранцев во гневе, в тоске,
С мечом, напоенным отравой, в руке,
И многих с размаху поверг он, взревев,
Как будто на лов устремившийся лев.

Не менее тысячи их истребить
Успел он, за брата поклявшись отмстить.
Когда возвращался он, бой завершив
И кровью противника прах оросив,
Отважному в спину вонзилась стрела —
Жестокая смерть и его унесла!
Погиб богатырь, в этот горестный час
Навеки с венчанным отцом разлучась.
На мщенье Шидасп устремился потом,
Прекрасный, как месяц, и схожий с отцом.
Могучий, как слон, быстроногий, как лань,
Скакун вороной мчит героя на брань.
Всё поле, вращая копьём, проскакал
Царевич, потом скакуна придержал
И кличет: «Где войска найти мне главу,
Кохрема, что равен отвагою льву?»
И слышен ответ исполина: «Вот я!
Поспорит и с львиною хватка моя!»
На копьях сразились. Исполненный сил,
Царевич мгновенно туранца сразил.
Низринут с седла устрашающий враг,
Затоптан копытами княжий кушак.
В седле возвышаясь могучей горой,
Проносится мимо туранцев герой.
Никто на земле не сравнился бы с ним —
Зато и загублен был глазом дурным.
Летучей стрелой его недруг поверг,
И свет навсегда для героя померк.
Пал в холе возросший царевич, беда!
Отцу не увидеть его никогда!

ГИБЕЛЬ ГЕРАМИ, СЫНА ДЖАМАСПА,
И ГИБЕЛЬ НИВЗАРА

Примчался иранский герой, чей отец —
Джамасп, первый царский советник, мудрец;
Герой Герами, молодой исполин, —
Сказал бы, внук Сама, Дестана он сын,
Конь добрый гнедой под седлом смельчака,
Обмотана длинным арканом лука.
Пред строем врагов он коня придержал,
Творца вспомнил и во гневе вскричал:
«Кто здесь потягается, к славе влеком,
Со мною, с моим смертоносным клинком?»

Где тот, что, как див, беспощаден и лют,
Которого люди Намхастом зовут?»
И тотчас Намхаст, искушенный в войне,
К нему прискакал на могучем коне.
И долго сражался храбрец с храбрецом
Стрелою, копьем, булавою, мечом.
Был силою льва Герами наделен.
Противник — хоть всадник воинственный он —
Пред мощью той грозной не смог устоять,
Смятением объят, обращается вспять.
Тогда богатырь Герами, разъярясь,
Отмстить за героев погибших стремясь,
В строй вражеский врезался, многих поверг.
Тут ветер поднялся, день ясный померк.
И насмерть войска двух враждебных держав
Схватились, пыль черную к небу подняв.
Немолчно воителей клики звучат,
Булаты бряцают и копыта стучат.
Строй рати иранской прорвав, ярый враг
Низверг кавеянский сверкающий стяг.
Увидев тот стяг цвета нильской волны,
Поверженный в прах со слоновой спины,
С седла Герами соскочил второпях,
Стяг поднял; с него отряхнул черный прах
И с ним на коне ускакал. Издали
Увидев, что стяг тот, лежавший в пыли,
Умчал Герами, в чьих очах торжество,
Турана бойцы окружили его,
И кто-то, отточенным остро мечом
Взмахнув, разлучил его руку с плечом.
Но, стяг Феридуна взяв в зубы, герой
Стал биться — о диво! — рукою одной.
Всё ж был он врагами убит под конец,
На жарком песке бездыханный храбрец
Простерся; навеки в тот горестный час
Утратил его престарелый Джамасп.
Тут в бой устремился Нестур-исполин,
Внук царский, Зерира достойного сын,
Врагов он косил на пути без конца —
Недаром учился разить у отца.
С победою в строй воротился потом
И место вновь занял он рядом с отцом.
Вослед за Нестуром царевич другой,
Бесстрашный Нивзар, устремляется в бой.

Такого, как конь быстროногий его,
На тысячу сыщешь едва ль одного.
Он всадника вихрем на поле примчал.
«Эй, витязи славные! — клич прозвучал. —
Коль истинный есть между вами храбрец,
Испытанный в жарких боях удалец, —
Со мною, сильнейшим из богатырей,
На копьях сразиться пусть выйдет скорей!»
Толпою туранцы напали тотчас,
Повергнуть отважного тщетно стремясь.
Воитель прославленный, рассвирепев,
Как будто терзаемый голодом лев,
В просторы степей выходящий на лов,
Носился, кося неустанно врагов.
Не менее сотни поверг он во прах
Туранских мужей, закаленных в боях.
Но горькая доля Нивзара ждала,
Настигла отважного вражья стрела,
И пал он с седла как подкошенный — вот
Каков был для юноши битвы исход.
О горе, нет больше царевича! Он
Погиб ни за что, супостатом сражен.
Прекрасного уж не увидеть лица,
А схож был с отцом и достоин отца.
Лишь только прекрасный тот юноша пал,
Схватились бойцы, ярый бой запылал;
Их тысячи тысяч на поле сошлись,
Пыль черною тучей окутала высь.
Четырнадцать дней, столько ж долгих ночей
Сражались они, не смыкая очей.
Меж раненых и мертвецов не пройти,
Пыль ветру и то преграждала пути.
Потоками кровь по равнине текла, —
Сказал бы, тюльпанами степь заросла.

ГИБЕЛЬ ЗЕРИРА ОТ РУКИ БИДРЕФША

Прошло две недели злой сечи такой,
А всё не стихает, всё яростней бой.
Зерир тут нагрянул, гнедой под ним конь.
Как вдаль подгоняемый ветром огонь
Несется и трав от него не спасти —
Так мчится отважный. Никто на пути
Не в силах герою противостоять,
И дрогнула в страхе туранская рать.

Владыке Турана сказали о том,
Сколь многие скошены княжьим мечом,
И слышат бойцы повелителя речь:
«Халлох вы хотите на гибель обречь!
Две долгих недели сражается рать,
А всё еще битве конца не видать.
Не первого нашего богатыря
Уж губят герон Гоштаспа-царя,
А ныне, как хищник голодный степной,
Зерир разъяренный в наш врезался строй.
Он всех уничтожил моих силачей,
Прославленных, неустрашимых вождей.
Должны для него мы расставить капкан,
Иначе с позором вернемся в Туран.
Ведь если свой натиск продлит исполн —
Халлох и Эйяс опустеют, и Чин.
Найдется ль приверженный чести храбрец,
Не знающий страха, искусный боец,
Что ринется в битву, занесши копьё,
И славою имя покроет свое?
Дам в жены одну из своих дочерей
Ему, он вождем станет рати моей»,
Никто из воителей не проронил
Ни слова, им ужас сердца леденил.
И снова напал на туранцев Зерир,
Воитель, чьей славою полнился мир;
Как тигр или буйством охваченный слон,
Противников косит без удержу он.
Взирает на это в смятенье Эрджасп.
День ясный в глазах у владыки погас.
И снова воззвал он: «Дружина моя,
Турана герои, Турана князья!
Не видите павших друзей и родных,
Не слышите стонов их тяжких, глухих?
Огню лишь под силу такие дела —
То палица Сама, Ареша стрела!
Грозит он всю рать мою смерти обречь,
Весь край разорить и безжалостно сжечь.
Где ж витязь меж вас, где бесстрашный герой,
Что вступит с тем грозным противником в бой?
Коль ринется на ратоборца того,
С коня боевого коль сбросит его —
Я щедро его одарю и, почет
Воздав, вознесу до небесных высот».

И снова ответа не слышит Эрджасп,
Бледнеет владыка, душой омрачась,
Клич кликнул три раза, но муж ни один
Ему не ответил, и смолк властелин.
Тут вышел Бидрефш, тайный страх победив,
Свирепый, как зверь, нечестивый, как див.
Эрджаспу сказал он: «О мой государь,
Во всем с Афрасьябом сравнившийся царь!
В дар жизнь дорогую тебе приношу,
Ее, словно щит, пред тобой возношу,
На битву с чудовищем тем устремлюсь
И, если в бою одоленья добьюсь,
Во прах пред тобою повергну его,
Чтоб стать предводителем войска всего».
Царь ожил, Бидрефша он благодарит,
Коня ему в сбруе богатой дарит,
Дарит напоенный отравой клинок,
Что гору пробить бы железную смог.
И двинулся тот нечестивый злодей
Навстречу Зериру, вождю из вождей.
Завидевши с палицей Сама в руке,
С челом и руками в крови и в песке,
Бесстрашно разящего мужа того
И груды убитых бойцов вокруг него,—
В себе не нашедший для натиска сил,
Бидрефш из засады подкрасться решил,
И ядом напитанный меч, притаясь,
Метнул он, и рухнул поверженный князь.
Расстался с наездником гордым своим
Конь резвый. Лежит богатырь недвижим,
Кровь бьет из-под панциря алой струей.
О, горе, пал витязь, царевич, герой!
Бидрефш недостойный спустился с коня,
И вот уж снята с исполина броня,
Эрджаспу доставлены конь и кушак,
Корона в алмазах и царственный стяг;
Тот стяг водрузили на спину слона,
Степь кликами радости оглашена.
С вершины на поле смотрящий Гоштасп
Не видит Зерира — он скрылся из глаз.
«Страшусь я, — владыка Ирана сказал, —
Герой, что, как месяц, наш край озарял,
Зерир, мой воинственный, доблестный брат,
Которым и лев был бы в схватке подмят,

Не сбит ли с седла — ведь на поле войны
Затишье и клики бойцов не слышны.
Пусть вихря быстрее гонец полетит
Туда, где стяг вражеский черный парит,
Узнает, что случилось с венчанным вождем, —
Изранено сердце тревогой о нем.
Едва отзвучал властелина приказ,
Примчался гонец, кровь струится из глаз,
И слышит владыка: «Вождя-храбреца,
Хранителя рати твоей и венца —
Зерира, которым гордились войска,
Сразила, увы, супостата рука!
Бидрефш, колдунов предводитель, напал,
Убил исполина и знамя умчал».
Сражен властелин черной вестью такой,
Ты скажешь, он смерть увидал пред собой.
Одежды свои изодрал он вконец
И прахом посыпал кеянский венец.
Стенанье властителя слышит Джамасп:
«Такой ли ждет вести венчанный Лохрасп!
К нему как послать я отважусь гонца,
Как в горе повергну седого отца!
Пал доблестный витязь, сын царский, беда!
Исчез, как за черною тучей звезда.
Лохраспова тотчас взнуздайте коня,
В Гоштасповой сбруе подайте коня!»
Шах рвется священный свой долг соблюсти,
За брата в отмщенье на битву идти.
Но мудрый советник внушает ему:
«Не следует биться тебе самому».
И внял мудрецу искушенному он,
И, спешась, воссел, тяжким горем сражен.
К дружине зовет он: «Кто из бойцов
Отмстить за героя Зерира готов?
Погнав скакуна боевого вперед,
Коня его кто у врагов отобьет?
Пред ликом творца, что бессмертен, велик,
Поклялся я клятвой вождей и владык:
Тому, кто возьмется возмездью помочь,
Хомай дам я в жены, любимую дочь!»
Но войско молчанье хранит, ни один
Не вышел вперед из рядов исполин.

Сказали вождю Исфендьяру о том,
 Что скошен Зерир благородный врагом:
 Снедает, мол, горе отца твоего,
 Царь жаждет туранцам отмстить за него.
 В печали руками всплеснул Исфендьяр,
 Вскричав: «Это злобного рока удар!
 Кто гору железную смог сокрушить?
 Кто мог столь бесстрашного мужа сразить?
 Недаром, лишь на поле ринулся он,
 Был дух мой предчувствием тяжким сражен».
 Бойцов своих — ратного тыла оплот —
 Вверяет он брату и мчится вперед.
 До сердца дружины домчался смельчак,
 Готовясь к борьбе, вскинул царственный стяг.
 Пять братьев имел он, достойных венца, —
 Все витязи славные, мощью в отца.
 На зов его все собрались — для побед
 Был создан воинственный тот сипехбед.
 К ним так обратился защитник страны:
 «О славные витязи, шаха сыны!
 Для слов моих шире откройте сердца,
 Последуйте свято заветам творца!
 Покажет сей день, разом грань проложив,
 Кто благочестив здесь, а кто нечестив.
 Вас смерть, мои братья, страшить не должна,
 Ведь каждого в срок настигает она,
 А если прерваться дни наши должны —
 Не лучше ль погибнуть на поле войны!
 Не слушайте воплей увечных бойцов,
 В бою не считайте своих мертвецов.
 Вам даже помыслить о бегстве нельзя.
 Отважно врагам ненавистным грозя,
 Пусть палицу каждый заносит свою.
 Высокую доблесть явите в бою!
 Коль это веленье исполните вы —
 Злой враг не отрубит моей головы,
 Погибнет матерого хищника рать
 И подвиг ваш будут в веках прославлять».
 Едва Исфендьяра призыв отгремел,
 Клич громкий Гоштаспа с холма долетел:
 «Мои ратоборцы, мои смельчаки,
 Как сердцу и дороги вы, и близки!

Не бойтесь ни копий, ни вражьих мечей —
Никто ведь судьбы не избегнет своей.
Клянусь я бессмертным величьем творца,
Клянусь Исфендьяром, Зерира-бойца
Душой, в небеса вознесенной, клянусь —
Письмо мне пришло от Лохраспа. Вернусь
Когда победителем с этой войны,
По воле создателя звезд и луны,
Исполню веленье седого отца,
И станет владыкой венца и дворца
Мой сын Исфендьяр. Как я сам был на трон
В минувшее время отцом возведен,
Так сына на трон возведу вековой,
А сын Пешутен станет войска главой».

БИТВА ИСФЕНДИАРА С ЭРДЖАСПОМ

И вот Исфендьяр, молодой исполин,
Владыки венчанного доблестный сын,
Услышал к отмщенью отцовский призыв,
Он, возгласом ярим простор огласив,
С почтеньем сыновним склонивши главу,
Вперед устремился; свирепому льву
Нль диву, что вырвался вдруг из оков,
Подобен, ворвался он в гущу врагов
На мощном коне с занесенным копьем;
Как вихрь расправляется с жалким листком,
Врагов он нещадно разил и косил,
Завидев его, каждый падал без сил.
Нестур той порою, Зерира-вождя
Сын юный, покинул шатер и, придя
К отцовскому конюху, просит сыскать
Такого коня для него, что скакать
Без усталн мог, чтоб с летящей горой
Он сходен был, вскормленный горной травой.
И вот уж, блистая седлом золотым,
Скакун вихревой предстает перед ним.
Коня снаряжать витязь доблестный стал,
Взнуздан и броней одел; намотал
Аркан на луку, боевое свое
Надел облаченье, взял в руки копье,
И конь к полю битвы помчал храбреца
Отыскивать павшего в сече отца.

Несется отважный, в туранских рядах
Булатным мечом сея гибель и страх.
Как только встречает иранских мужей,
Тотчас вопрошает бойцов и вождей:
«Кто видел из вас, где лежит мой отец,
Вождь рати Зерир, именитый храбрец?»
Явился пред ним Гордешир той порой,
Гроза супостатов, могучий герой.
В ответ на вопрос молодому бойцу
Спешит указать он дорогу к отцу.
«Он в сердце туранского войска, — сказал, —
Близ черного стяга в сражении пал.
Скачи же, быть может, хоть глазом одним
На витязя глянешь, простишься ты с ним».
Вновь с яростным кличем царевич вперед
Несется и недругам гибель несет.
Как только домчался до места того
И мертвым увидел отца своего,
Сознание теряя, с седла он к отцу
Склонился и рухнул на грудь мертвецу.
Очнувшись, воззвал: «Месяц мой золотой,
Очей и души моей светоч благой!
Взрастил, от невзгод и напастей храня,
Теперь на кого покидаешь меня!
С тех пор как Лохрасп вверил царской судьбе
Гоштаспа и вверил дружину тебе,
Ты войско собой украшал и страну,
Без устали правую вел ты войну,
Честь имени древнего свято храня,
Но пал, не дожив до победного дня.
Я к брату сейчас устремлюсь твоему:
„Трон светлый покинь! — воззову я к нему. —
Награды твой брат заслужил не такой,
Отмсти же за брата своею рукой!“»
Он долго недвижимый, безмолвный лежал;
Поднявшись, назад на коне поскакал
И вскоре, рыдая, предстал пред царем,
Сидевшим на светлом престоле своем.
Вскричал он: «О ты, что над миром царишь,
Когда ж за отца моего отомстишь?
Лежит он, простертый, на знойных песках,
На черных кудрях вместо мускуса — прах».
Лишь тот справедливый укор прозвучал,
День ясный царю ночью темною стал.

Казалось, могучее тело его
Истаяло вдруг от укора того.
Сказал: «Вороного ведите коня,
В шелом и броню облачите меня!
В отмщенье за брата — опору мою —
Я вражеской крови потоки пролью,
Их грады огню обреку я, и дым
Пожарища к тучам взметнется седым!»
Лишь на поле битвы, где в черной пыли
Сражались герои иранской земли,
Увидели, что повелитель благой
Готовится ринуться с недругом в бой, —
Вскричали: «Согласия нашего нет
На то, чтобы царь, в чьем владенье весь свет,
Сам бился с врагом. Коли так, собирать
Не стоило эту огромную рать!»
Сказал умудренный советник ему:
«Сражаться тебе не под стать самому.
Нестуру коня оседлать повели,
Его с супостатом схватиться пошли!
Поверь, сможет лучше тебя самого
Нестур отомстить за отца твоего».

ГИБЕЛЬ БИДРЕФША В БОЮ С НЕСТУРОМ
И ИСФЕНДИАРОМ

Бехзада, коня боевого, ватем
Царь вверил Нестуру и панцирь, и шлем.
Сын князя сраженного грудь облачил
Броней и на вороного вскочил.
На том скакуне молодой исполин
Домчался до сердца туранских дружин;
Как только пред вражеским строем предстал,
Он, жаждою мщенья пылая, вскричал:
«Я витязь Нестур, чей губителен гнев,
Со мной не дерзнул бы схватиться и лев!
Хочу с колдуном переведаться. Где ж
Со стягом Каве ускакавший Бидрефш?»
Безмолвствуют недруги. Гневен и хмур,
В бой двинул тогда вороного Нестур
И многих мужей именитых скосил —
С могучим таким состязаться нет сил.
С другой стороны за ударом удар
Наносит туранцам герой Исфендьяр.

Увидев, как бьется Нестур-исполин,
Вождя именитого доблестный сын,
Эрджасп вопрошает: «Кто этот храбрец?
Дружину мою истребит он вконец!
Конем он немало мужей затоптал, —
Иль это Зерир, что из мертвых восстал?
Вот так же и он нападал на меня,
И так же неистово гнал он коня.
Но где же Бидрефш, чей удел торжество?
Немедля ко мне призовите его!»
И вот уж, покорен Турана главе,
Бидрефш со сверкающим стягом Каве,
На княжьем, добытом в бою скакуне,
В Зерировой неуязвимой броне
Несется к Нестуру, вождю храбрецов,
Зерирову сыну, надежде бойцов.
В руке у злодея отравленный меч,
Срубивший Зерирову голову с плеч.
Стал биться отважный Нестур с колдуном,
Сначала стрелами, булатом потом.
Как только об этом узнал Исфендьяр,
В чьем сердце пылал мести яростный жар,
Нестуру на выручку ринулся он,
Но недруг воинственный не уstraшен;
Противника грозную мощь оценив,
Навстречу погнав боевого коня,
В героя метнул меч отравленный свой,
Чтоб смертной покрылось чело чернотой,
Но тщетно — попасть в Исфендьяра не смог.
Занес тут царевич свой острый клинок
И молниеносно врага поразил,
Насквозь ненавистному сердце пронзил.
И пал как подкошенный недруг с седла, —
Такой Исфендьярова хватка была!
Царевич, с коня боевого сойдя,
Доспехи Зерира, героя-вождя,
Сорвал с нечестивца, сверкнул его меч
И снес побежденному голову с плеч.
Взят вместе с презренной той головой
Конь верный Зерира и стяг боевой.
Раздался бойцов торжествующий крик, —
Ты скажешь, небесных высот он достиг.
«Победа за ним, за царем молодым!
Со стягом вернулся и с княжьем гнедым!»

Доставлена тотчас пред очи царя
Добыча отважного богатыря.
На голову вражью владыка глядит:
По божью завету убийца убит.

БЕГСТВО ЭРДЖАСПА С ПОЛЯ СРАЖЕНИЯ

Так схватка жестокая завершена.
Зерирова вмиг оседлав скакуна,
На поле войны Исфендьяр поспешил
И царскую рать на три части разбил.
Одну он Нестуру вручил, храбрецу,
Кеянского рода герою-бойцу,
Другую дал брату и прочим мужам,
Ирана воинственным знатым вождям,
И третью возглавил он сам. Словно гром,
Призыв исполина разнесся кругом.
И дали обет, взяв с героя пример,
Нестур-богатырь и храбрец Нуш-Азер.
Такие слова ратоборцев звучат:
«Хоть землю всю копьями взрой супостат,
Пока его гибели не обречем,
Никто не расстанется с бранным мечом».
В бой ринулись с клятвою той на устах,
От конских копыт темный вздыбился прах!
За ними вослед молодые бойцы,
Ирана прославленные храбрецы,
Несутся, коней быстроногих гоня, —
Сказал бы, всё поле одела броня.
Так много повержено ратников там,
Что негде ступить уж бойцам и коням.
И крови бурлящие реки текли —
Такие вращать жернова бы могли!
Лишь это увидел, сам ринулся в бой
Эрджасп, взяв мужей именитых с собой.
Копьем нанося за ударом удар,
На дивов туранских напал Исфендьяр!
Ты скажешь: нанизывая их на копьё,
Свершая без удержу мщенье свое.
Увидел хакаан, что невмочь никому
Противостоять исполину тому,
Что не удержать устрашенную рать,
В смятенье готовую кинуться вспять,

И дрогнул. Мрак ночи лишь на землю пал,
Хакан с приближенными в страхе бежал,
Иранцы, как буря степная, неслись
Вдогон, беглецов истребляя, неслись,
Им словно неведома жалость была,
И не было павшим туранцам числа.

ИСФЕНДИАР ДАРИТ ЖИЗНЬ ТУРАНЦАМ

Туранцы, увидя, что скрылся Эрджасп
И вражьи булаты всё злей что ни час,
Решили с коней боевых соскочить,
Идти к Исфендьяру — пощады просить.
Туранские луки откинута прочь
И панцири сброшены — биться невмочь.
Взмолились они: «Если доблестный князь
Дарует нам жизнь, — от вражды отступясь,
На праведный путь похлянемся мы встать,
Мы станем священный огонь почитать».
Но тщетно туранцы взывают к врагам,
Сердца победителей глухи к мольбам —
Без устали правят кровавый свой пир.
Сказал бы ты, кровь обагрила весь мир.
Когда ж Исфендьяр молодой услышал
Мольбу побежденных — им жизнь даровал.
Взывает к воинственной рати своей
Венчанный герой, сын владыки царей:
«Внемлите, иранцы, вожди храбрецов, —
Доколе губить нам туранских бойцов!
Разбили мы ныне враждебную рать,
К чему же бессмысленно кровь проливать?
И так уж унижены роком они,
Без времени пусть не прервутся их дни!
Довольно в полон побежденных вам брать,
Довольно вам мертвых конями топтать!
Не лучше ли поле войны обойти,
Чтоб раненых, помощи ждущих, найти.
Уж мы отомстили за гибель вождя,
Пора отдохнуть, с бранных седел сойдя».
Услышали голос вождя своего
Иранцы и вняли веленью его,
В свой стан воротились. Весь стан ликовал,
И грянул во славу победы кимвал,

Ростема достойной победа была!
Пируя, не спали мужи досветла.
И вот уже цепи вершин зажжены
Зарей. Море крови на поле войны.
Владыка и славные витязи в путь
Пустились — на бранное поле взглянуть.
На воинов павших, чьим ложем стал прах,
Царь смотрит и следует дальше в слезах.
Но вот меж недвижно распластанных тел
Зерира он, милого брата, узрел.
И горько владыка над ним зарыдал,
Одежды в тоске на себе изодрал,
На землю сошел с вороного коня
И волосы рвет на себе и, стня,
Взывает: «Воителей Балха венец!
Мне мир без тебя опостылел вконец.
О, горе, потомок великих царей,
Избранник воинственных богатырей,
Надежда моя, войска славного щит,
Властителей светоч повержен, убит!»
Царь бережно поднял с земли мертвеца,
Праха черный отер с дорогого лица,
И вот он схоронен, в живых его нет, —
Ты скажешь, Зерир не рождался на свет!
С ним рядом его приближенных тела,
Воителей храбрых, чья слава светла.
Владыка убитых велит перечесть,
А раненых с поля сраженья унести.
Растянута в поисках воинов цепь,
Прошли, обозрели и горы, и степь,
Иранских легло тридцать тысяч бойцов,
Средь них именитых семьсот храбрецов,
А раненых — тех, что не смяли слоны, —
Несут больше тысячи с поля войны.
Туранских сто тысяч бойцов полегло,
Из них восемьсот — именитых число,
А раненых — больше трех тысяч двухсот, —
Храни нас творец от подобных невзгод!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОШТАСПА В БАЛХ

Вот с бранного поля назад во дворец
Собрался прославленный царь наконец;
Велит он Нестуру с зарей выступать,
В Иран повести победившую рать.

Вождь рати наутро в литавры забил,
В дорогу бойцов и обоз снарядил.
С победою войско вернулось в Иран,
У каждого радостью лик осиян.
Туда и увечные увезены
И вверены лекарям лучшим страны.
И, как обещал возглавляющий край,
Он дал победителю в жены Хомай.
Нестура назначил он войска главой —
Таков был Ирана закон вековой.
Ему верховых десять тысяч мужей,
Искусно разящих копьем силачей,
Царь вверил, промолвил: «Воинственный строй
Веди на туранское войско, герой!
Эйяс и Халлох разгроми до конца,
Заклятым врагам отомсти за отца!»
Его снаряженьем для войск и казной
Снабдил в изобилье владевший страной.
И войско в поход предводитель повел,
А славный владыка владык, на престол
Воссев, возложив на чело свой венец,
Для знатных мужей отворил свой дворец.
Сокровищниц двери владыка открыл
И щедро воителей всех одарил.
Дал земли вождям во владение он,
Из витязей не был никто обделен.
Одним дал он землю, царями назвал,
В награду другим княжий сан даровал.
Так всех по достоинству вознаградив,
Потом восвояси мужей отпустив,
Воссел на престол ослепительный свой;
Пасется на воле скакун боевой.
Царь выстроил храм над священным огнем,
Индийские жечь благовония в нем
Велит он, из золота пол настелить
И амброю те половицы скрепить.
Вознесшись, тот храм красотою слепил,
И храмом Гоштасповым назван он был.
Джамаспа благого верховным жрецом
Владыка назначил в святилище том.
Послание шлет в каждый княжий дворец:
«Меня не оставил всевышний творец,
Желанья мои все он в явь претворил,
Сияньем мрак ночи моей озарил.

Эрджаспу — проклятье, а мне — благодать.
Суд правый вершить лишь Йездану под статьи
Узнав, что победой окончил я брань,
Все шлите нам, огнепоклонникам, дань!»
Про то, что Эрджасп поражение понес,
Лишь только дозорный кайсару донес,
Посланцев прислал он с обильем даров,
Украшенных пышно коней и рабов.
Дань также прислал и Берберии царь,
Царь синдской и хиндской земли государь.

ГОШТАСП ПОСЫЛАЕТ ИСФЕНДИАРА
ОБРАЩАТЬ НАРОДЫ В ЗОРОАСТРИЙСКУЮ ВЕРУ

Однажды на древний Кеянский престол
Владыка, исполнен величья, взошел.
Подвластные вокруг восседают цари,
Мужи именитые, богатыри.
Вошел Исфендьяр, исполинов глава,
В руке — с головою быка булава,
Над ликом сияет венец золотой,
Лик царственный с месяцем схож красотой.
И руки скрестил на груди и, склонясь,
Стоит, словно раб, пред владыкою князь.
С любовью взирает Гоштасп на того,
Кто жизни дороже, дороже всего.
Спросил, улыбаясь: «Могучий мой сын,
В поход не пойдешь ли главою дружин?»
— «Что ж, воля твоя, — ратоборца ответ
Он слышит, — тебе ведь покорен весь свет».
Венцом его царь наградил золотым,
Сокровищниц двери раскрыл перед ним,
Всю власть над Ираном доверил ему,
Прославленному исполину тому,
Казну ему отдал и знамя, и рать:
«Не время на троне тебе восседать, —
Сказал, — ногу в стремя, о доблестный, вдень,
Пусть в мире взойдет веры праведный день!»
И двинул дружину в поход исполин,
Объехал все страны властителя сын,
Весь Рум он изъездил и весь Хиндустан,
Был за морем, в сердце полуночных стран.
Народам принес веру правую в дар
По воле создателя Исфендиар.

Услышав о вере той праведной весть,
Все верности клятву спешат ей принесть;
Ее откровеньям внимать без конца
Все жаждут, очистив от скверны сердца.
В святилищах древних кумиров сожгли,
На месте их вечный огонь развели.
Посланье царю написали: «Узреть
Свет истины сын твой помог нам, и впрямь
Ты дани, владыка, не требуй от нас!
Хейкель повязали мы, в садж облачась.
Мы в правую веру твою перешли,
Нам книгу святую Зердешта пришли!»
Владыка, послания те прочитав,
Воссел на престол; приближенных созвав,
Совет с ними держит; Авесты слова
Шлет всем властелинам их мудрый глава.
По воле его продолжал богатырь
Свой путь, всю земную изъездил он ширь.
В какую герой ни вторгался страну,
Никто с ним вступить и не мыслил в войну.
Все сами навстречу с покорностью шли,
Неверные ж словно исчезли с земли.
Весь мир подчинивши родителю так,
Доспехи он снял, развязал свой кушак,
По-царски воссел на престол и бойцам
Дал отдых от битв, отдыхает и сам.
Он брата к себе Фершидверда призвал,
Отборное войско достойному дал,
Под власть Хорасан ему дал, наградил
Дарами, с почетом туда проводил.
Ступив на порог благодатных времен,
Был в правую веру весь мир обращен.
Гонца Исфендьяр посылает к отцу,
Посланье такое вручает гонцу:
«От веры святой в мире стало светло,
Весь мир осенило Хомая крыло.
Насилья никто не боится теперь,
Никто в нищете не томится теперь.
Возделаны нивы, и каждый наш край,
Сказал бы, цветет и сияет, как рай.
Хлеб пахари сеют, а мирный их труд
Бойцы, не смыкая очей, стерегут».
И время немалое так протекло, —
Сказал бы ты, землю покинуло зло.

Однажды, внимая певцам, пировал
 Владыка, вина благовонье впивал.
 В ту пору Горезм был отвагой своей
 Прославлен меж знатных иранских мужей.
 Он в сердце питал к Исфендьяру вражду,
 А что породило ее на беду —
 Кто знает? Быть может, он родичем был
 Царя и к наследнику зависть таил?
 Когда б о царевиче речь ни зашла,
 Хулит его недруг, исчадие вла.
 Хоть место близ шаха Горезму дано,
 Он бледен, а сердце от злобы черно:
 Зашла о царевиче речь, и тогда,
 Забывший о чести, лишенный стыда,
 С печалью притворной сжав руки, вздохнул.
 «Злой сын — тот же недруг, — владыке
шепнул, —
 Его отличать, возвышать нам не след —
 Так встарь поучал нас правдивый мобед.
 Ведь если сын дерзостный власть обретет,
 То день злополучный родителя ждет.
 Коль раб стал владыке соперником — с плеч
 Строптивому голову должно отсечь».
 — «Что шепчешь про сына ты мне моего? —
 Царь молвил. — Кто знает о кознях его?»
 Но слышит: «При всех как мне тайну открыть?»
 Тогда, всех других поспешив отпустить,
 С Горезмом остался вдвоем властелин.
 «Приблизься! — сказал, — что задумал мой сын,
 Мне ставший противником этой порой, —
 Поведай сейчас, без утайки открой!»
 Промолвил коварный: «Что совесть велит,
 Свершать мы должны, не страшиться обид.
 Твоими щедротами я от нужды
 Избавлен. Хочу уберечь от беды,
 О тайне, что вызнал я, не умолчу,
 Хоть ею, быть может, твой дух омрачу.
 Пусть мне запретишь ты — нарушив запрет,
 Тебе я осмелюсь подать мой совет.
 Ведь лучше весь век мне в немплости быть,
 Чем истину от благодетеля скрыть.
 Узнай, что в державе твоей Исфендьяр
 Разжечь замышляет военный пожар.

Из разных земель уж немало бойцов
К нему собрались на предательский зов.
Схватить, заточить он мечтает тебя,
Владыкой владык не считает тебя.
Коль сможет коварный тебя заковать,
То сможет всю землю он завоевать.
Ведь он — Исфендьяр, что рожден для побед,
Которому в мире соперника нет.
Как только раскрутит свой длинный аркан —
И солнце само устрошит великан!
Открыл я, что знал, о владыка царей,
Принять же решение во власти твоей».
Царь слушает в оцепенении. Он
Наветом Горезмовым ошеломлен.
«Где слыхано это!» — он в горе твердит.
И мрачен душою, на сына сердит,
Веселье забыл и не пьет уж вина,
Душа подозрений зловещих полна.
Вздыхает, клянет Исфендьяра; всю ночь
Уснуть повелителю было невмочь.
Когда ж над горами заря занялась,
Сияние звездное спрятав от глаз, —
Царь, кликнув седого Джамаспа, того,
Кто был умудренным везиром его,
Велит: «К Исфендьяру помчись на коне,
С тобою пусть явится тотчас ко мне.
Заботы немалые, знай, впереди,
Ты мне, о старейший, на помощь приди!
Твой разум здесь нужен, задача трудна,
И мне без тебя не под силу она».
Послание шахское кратко: «На вов
Явись, Исфендьяр, предводитель бойцов!
К тебе я Джамаспа послал, мудреца,
Он стар, моего еще помнит отца.
Его лишь увидишь ты — в путь соберись,
Как вихрь, на коне быстроногом примчись.
Коль ты почиваешь, очнись ото сна,
А коль на ногах — оседлай скакуна».
Помчался гонец и посланье повез,
Горами и степью скакун его нес.

ПРИБЫТИЕ ДЖАМАСПА К ИСФЕНДИЯРУ

Не встретил посла Исфендьяр-исполни,
Охотился он на просторе равнин.

Догнали с известием богатыря:
Джамасп, мол, явился послом от царя.
Князь дрогнул от слов неожиданных тех,
И горький из уст его вырвался смех.
Он юных имел сыновей четверых,
Прекрасных и статных, бойцов удалых,
То были: Бехмен именитый, Мехр-Нуш,
Тус доблестный, веры исполненный муж,
Четвертый же сын — благочестья пример,
Воздвигнувший храмы Огня Нуш-Азер.
Отцу именитый Бехмен говорит:
«Пусть юностью вечною дух твой горит!
Был смех твой невесел, скажи, отчего?
Не понял я тайного смысла его».
— «Знай, сын мой, — печально ответил отец, —
От шаха примчался за мною гонец.
Я чувствую, чем-то Гоштасп уязвлен,
Меня заподозрил в злом умысле он».
— «Причину поведай мне, — вымолвил сын, —
Чем мог оскорбиться страны властелин?»
— «Увы, — Исфендьяр отвечает, — ни в чем
Вины моей нет пред венчанным отцом.
С тех пор как Зердештову веру постиг,
Немало святилищ Огню я воздвиг,
Стер с лика земли нечестивых и злых,
Коль это грехи — не свершал я иных,
Должно быть, владыка злым дивом смущен —
Моим оттого униженьем прельщен».
Еще не умолк он, как встала столбом
Пыль, в поле взметенная царским послом,
Который спешил его встретить в пути.
Царевич с коня не замедлил сойти,
Покинул и старец седло. Возгласил
Привет Исфендьяр и посла спросил:
«Владыка, чьей мощью весь мир покорен,
Покоен ли? В добром ли здравии он?»
Мудрец отвечает: «Властитель наш здрав».
С любовью царевича облобызав,
Письмо ему отдал и правду открыл:
Коварный, мол, див властелина смутил.
Сказал Исфендьяр: «Посоветуй, мудрец,
Как следует мне поступить: ведь отец,
Как только увидит меня пред собой,
Заставит спознаться с лихою судьбой,

А если явлю непокорность ему,
Я долгу тогда изменю своему.
О мудрый, избыть помощи мне напасть,
Не дай мне, безвинному, жертвою пасть!»
В ответ он услышал: «Кипением сил
Ты молод, но разумом старцев затмил.
Сам ведаешь, свят для сыновней любви
Гнев даже, что в отчей пылает крови.
В путь выступи. Что ни содеял бы он —
Смирись, повелителя воля — закон».
На том порешили царевич с послом
И вместе направилсь к замку потом.
Чертог Исфендьяр для Джамаспа отвел,
И вот уж пирует с ним царский посол.
Наутро, воссев на престол и мужей
Знатнейших созвав, над дружиной своей
Царевич Бехмена поставил главой
И двинулся в путь, взяв немногих с собой;
Кушак повязав, возложив свой венец,
Примчался к владыке владык во дворец.

ГОШТАСП ЗАТОЧАЕТ ИСФЕНДИАРА

Лишь только до шаха известье дошло,
Что, царский венец возложив на чело,
Сын прибыл, — мужей он созвать поспешил,
Авесту — священную книгу раскрыл,
Сиденья мобедам седым указал
И князя-воителя тут же призвал.
Вот входит храбрейший из богатырей.
Склонившись перед гордым владыкой царей,
Как подданному подобает, скрестил
Он руки и низко главу опустил.
Речь держит владыка к мобедам своим,
К воителям и сипехбедам своим.
«Мужи, что сказали б вы, — он спросил, —
Коль сына бы знатный усердно растил,
Младенцем кормилице вверил, потом
Его золотым увенчал бы венцом,
Затратив немало забот и трудов,
Его обучил бы законам боев
И пиршеств; и стало бы мужем дитя,
Чистейшего золота блеск обретя;
Мыслители стали б с ним встречи искать,
И стали б поэты его воспевать;

Он витязем стал бы, любимцем побед,
В боях, на пирах несравненным, весь свет
Изъездил бы, непобедим и велик,
Достоин престола владыки владык,
Меж тем как своими престол и венец
Считает еще престарелый отец;
У сына и власть, и дружина, и стяг,
Лишь трон у отца, и венец, и кушак,
Но сын уж и трона его возжелал, —
Столь черного замысла мир не знавал!
Во имя престола, во имя венца
Готов обезглавленным видеть отца.
Войной на владыку замыслил пойти,
Рать против родного отца повести.
Вас, мудрые, ныне зову рассудить —
Как с сыном подобным отцу поступить?»
Мужи отвечают царю своему:
«Кто б высказать мог одобренье сему?
Нет, сыну негоже при жизни отца
Искать его сана, престола, венца!»
— «Так вот он пред вами, — вскричал

властелин, —

Родителю смерти желающий сын!
Неслыханной карой воздам — закую
В тягчайшие цепи — в том клятву даю!»
— «О нет! — повелителю сын отвечал. —
Я смерти твоей никогда не желал.
С тех пор как живу я, гонимый судьбой.
Клянусь, не виновен ни в чем пред тобой,
Ты — царь, наши жизни во власти твоей,
Захочешь — меня заточи нль убей,
Тебе покоряюсь, смыкаю уста,
Но дух мой покоен и совесть чиста».
Изменником царь не замедлил назвать
Царевича, в цепи велел заковать.
И вот кузнецы, что оковы куют,
Склоняясь, перед взором царя предстают.
Закован царевич у всех на глазах,
И руки и ноги его в кандалах,
И каждый, взглянув, слезы горькие лил —
Цепей столь тяжелых никто не носил!
По воле царя мощный слон приведен,
На спину его Исфендьяр взгроможден;
Осыпали голову горстью земли,

С венчанным отцом разлучив, увезли,
В темницу его заточили, и где ж?
В стенах горной крепости Гонбедан-деж.
Веленью Гоштаспову следуя, там
Его к четырем приковали столбам
Железным, венца и престола лишив,
С надеждой и светом дневным разлучив.
Приставили несколько стражей к нему;
И там, погруженный в глубокую тьму,
В оковах томился герой. Что ни час,
Горючие слезы струились из глаз.

ОТБЫТИЕ ГОШТАСПА В СИСТАН
И НОВОЕ НАПАДЕНИЕ ЭРДЖАСПА

Так минуло долгое время. Гоштасп
В путь вышел, в Систан устремиться решаь, —
Туда Зенд-Авесты заветы принесть,
Мобедов к священной присяге привести.
И вот уж в Систане владыка царей;
Встречать его первый из богатырей
Выходит — Ростем, царь Систана; во всем
Он сходствует с Самом, великим бойцом;
С ним Заль, престарелый отец, и других
Немало мужей именитых благих.
Спешат музыканты навстречу прийти,
Со звонкими лютнями стать на пути.
Торжественной, радостной встречею той
Доволен владыка; к Авесте святой
Он вскоре сердца именитых привлек
И в храмах огонь благодатный зажег.
В Забуле, в столице Ростемовой, он
Гостит, преклоненьем мужей окружен.
Стремительных дней череда пронеслась —
Два года с Ростемом пирует Гоштасп.
Меж тем властелины соседних земель,
Что были Гоштаспу подвластны досель,
Узнав, что великого богатыря
В оковах томят по веленью царя,
А сам он в Забул удалился — учить
Зердештовой вере, кумиров крушить, —
Забыли о повиновенье царю,
Являть перестали почтенье царю.
Узнал и Бехмен, что владыка страны
В оковы отца его вверг без вины,

И тотчас он избранных богатырей,
Приверженных Исфендиару мужей,
Собрал, и в печали великой они
Отправились к Исфендиару — все дни
Беседой своей утешали его,
Не мысля оставить в цепях одного.
Узнал и царивший в туранской земле,
Что месяц сияющий скрылся во мгле,
Что на Исфендьёра разгневался шах
И витязя держит в тяжелых цепях,
А сам он из Балха умчался в Систан,
Где витязь могучий Ростем и Дестан
С почетом немалым встречали его,
И славили, и величали его;
И минуло вот уж два года, как шах
Беспечно пирует у Заля в гостях,
А в Балхе Лохрасп престарелый один
Остался, и с ним ни вождей, ни дружин —
Жрецов лишь семь сотен, что ночью и днем
Склоняются перед священным огнем.
Тогда повелитель Турана собрал
Вождей и напасть на Лохраспа призвал.
«Узнайте, — сказал, — тот, в чьей власти Иран,
С дружиной своей удалился в Систан,
В Забуле за чашей сидит, а в стране
Бойца ни единого нет на коне.
Теперь-то и время войну начинать,
Рать строить, коней быстроногих седлать.
Герой Исфендьяр нам не страшен, ведь он
Давно в подземелье отцом заточен.
Найдется ль проворный лазутчик среди вас,
Что, дальним путем нетореным помчась
К Ирану, туда проберется тайком
И к нам с донесеньем вернется потом?»
Нашелся такой среди нечистых — Сутух,
Шел всюду о ловком лазутчике слух.
Сказал он: «Бесшумно и быстро я мчусь.
Что мне повелишь, всё исполнить клянусь».
От края до края изъездить Иран
И вести доставить приказ ему дан.
И вихрем помчался туранский боец,
И вот уж он в Балхе, где царский дворец,
Он там не увидел Гоштаспа-царя,
Застал за молитвой Лохраспа-царя

И тотчас назад с донесеньем спешит:
Молящийся царь, мол, во прахе лежит,
С немалою радостью это узнал
Владыка, заботу из сердца изгнал.
Сказал он вождям: «Раздробленную рать
Вам должно теперь воедино собрать».
Объездили те все просторы страны;
В степях и горах, где паслись табуны,
Везде побывали, собрали бойцов,
Туранской земли верховых удалцов.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СТИХОВ ФИРДОУСИ

Сказанье прервал после этой строки,
Его не довел до конца Дакики;
За рыбою гнался заветною, но
Поймать ее в сеть было мне суждено...

173. КАСЫДА

Моей луноликой я в мире подобья не знаю;
Не стан — кипарис в бесконечных мечтах обнимаю,
С тех пор как увидел бездонные черные очи —
Лью кровь вместо слез и в отчаянье грудь раздираю.
Ресницы ее с ядоносными стрелами схожи:
Коль жизнь дорога — ты на них не смотри,
заклинаю!

Знай, к двери ее подойти несравненно опасней,
Чем стать у костра, что ревет плотоядно, пылая,
Опасен огонь, но его горячее — румянец,
О, пламя ланит! Погляжу — и от страсти сгораю.
От зависти к пери поник кипарис серебристый:
Верхушку его не венчает луна золотая;
Завидует роза румяным и свежим ланитам —
Они розовой драгоценной парчи из Китая;
Устам, никогда не вкушавшим блаженства лобзанья,
Завидую тайно, о сахароустой мечтая,
И, денно и ночью в мечтанья о ней погруженный,
Я сам, словно сахар, водой растворяемый, таю;
О талии тонкой я грежу себе на погибель:
Тучнеет любовь и слабеет терпенье, тощая...
Прекрасней Юсуфа моя луноликая пери —
Несчастней Якуба себя я по праву считаю;
Коль идола, схожего с нею, ваяет язычник —
Пусть множатся идолы, мир красотой озаряя.

О, слава Азару! Он создал ее совершенной,
И я, благодарный, его от души восхваляю!
Деревьев знаток, я серебряных сосен не видел
С шафранной макушкой... О, дивное дерево рая!
Хайбарский еврей так едва ли боялся Хайдара:
Под взглядом ее целенею и разум теряю —
Жестоки глаза, что пред ними Хайдара жестокость!
Он был милосердней, в Хайбар побежденный вступаю,
Имама Шаббара мученьям враги подвергали, —
Измученный сю, я тысячу раз умираю!
Едва ли Захра так рыдала над мертвым Шаббаром,
Как я от тоски по красавице гордой рыдаю.
Сказала она: «Ты слагаешь стихи неустанно,
Известных красавиц и грозных владык прославляя,
Так что ж обо мне и стиха никогда не напишешь?
Иль я вдохновенья в душе у тебя не рождаю?
Не скажешь ли ты, что поэзия небу подобна,
А я — не звезда, я, по-твоему, слишком земная?
Где совесть твоя? Я устала терпеть униженья!
Твоих оправданий выслушивать я не желаю,
Я жду славословий — ты их сочинять научился,
Эмирам и шахам с великим усердьем слагая;
Ты лик Бу Саада однажды сравнил со светилом —
Подобных стихов я давно от тебя ожидаю,
На веке глазном напишу их душистою амброй,
Чтоб вечно читать, с наслажденьем слова повторяя;
Я в локон вплету дорогой долгожданный подарок,
На грудь талисманом повесить его обещаю!»
Я выслушал пери, и тут же кровавые слезы
Из глаз потекли, беспощадно лицо обжигая, —
Представилась мне безобразной она, нежеланной,
Почудилось мне, что надменно ее отвергаю,
И, страхом объятый, подумал: не я ли, несчастный,
Жасминовый сад у себя самого отнимаю?
Что, если она от меня навсегда отвернется —
Зачем же любил и страдал и терзался тогда я?
И новые слезы — о милой сосне сребротелой —
Мне свет заслонили, потоком в глазах закипая,
И я зарыдал, и приветливо мир улыбнулся,
Слезами моими омытый от края до края.
То были не слезы, а светлый Кавсар богоданный —
Он тек неизбежно, ланиты земли орошая,
Сиял небосвод — многоцветное шахское знамя,
Куфической вязью и россыпью звездной пленяя.

Мир словно спешил облачиться в наряд фарвардина,
Одежду Азара с просторов безбрежных срывая.
В ожившем саду на деревьях цветы распустились,
Как розы Бербера хмельной аромат источая,
Был каждый цветок, словно гурия рая, прекрасен,
Горел словно яхонт, восхода лучи отражая;
Сто вышивок разных являли древесные кроны,
Узорчатой тенью дорожки в саду украшая, —
Мне сад показался дворцом несравненным эмира,
Куда благородный вступает, преград не встречая.
Рассвет разгорелся; на красных и желтых деревьях
От легкого ветра листва шевельнулась густая,
Осыпались звезды со светлого синего неба —
Блестят, как роса, на зеленой парче остывая;
Узор — на узор, цвет — на цвет наложилась

волшебнo,

Из образа образ возник, новизной поражая, —
Гляди: вдалеке, над румийской парчою — турунджи —
Зеленый и желтый соседствуют, с ветки свисая,
Один — как яйцо, из божественной амбры душистой,
Другой, крутобокий, — из золота чаша литая;
Фиалку в траве, ветку лилии белой над нею
Рисует калам — оживает парча расписная,
Весь мир — в жемчугах: Искандар пред чертогом

царицы

Вдруг высыпал перлы, чудесную щедрость являя;
Как свеж кипарис! С ним прощается утренний месяц,
С рассветных небес до вечерней поры исчезая.
Гордись, кипарис! Ты на знамя похож Бу Саада!
А месяц — венец, что владыку венчает, сияя.
Огонь и вода — два султана, два духа свирепых,
Царят под луною, всё сущее в страх повергая.
Стрелы тамарисковой, Рахша, Симурга и Заля
У неба не просишь ты, гордый, врага побеждая.
Ты был бы славнее великих героев Хайдара,
Антара и Амра храбрее в бою, уверяю.
Дульдуля тебе и железных доспехов не надо,
И шлема не надо — в нем сила кипит огневая!
Что случилось со мною? Душа обратилась к Зардушту:
Когда-нибудь Занд я тебе наизусть прочитаю!
Как палец Азхара, в замке безнадежно застрявший,
В болоте страданий увязнув навек, изнываю.
Дари от души ожерелье любимому другу;
Будь счастлив, ошейник на шею врага замыкая.

1

Встань, зажги Зардушта кыблу, да свети она нетленно;
Сядь, меха набрось на плечи — брюшко соболя
бесценно!

От Зардушта отвернулись очень многие, однако
Все они потом к Зардушту обращались неизменно.
Мне не зябко от разлуки! В храм очей твоих жестоких
Не приду отогреться, у огня сидеть смиренно!..
Ты — весенний сад цветущий; вижу локонов фиалки —
И собрать из них букеты вождедею дерзновенно;
Кто убьет тебя однажды — тот меня пробудит к жизни;
Человек, тебя родивший, — умертвил меня мгновенно...

2

Нет, не в зимнем небе туча, а в глазах моих живет,
День и ночь она рыдает, непрерывно слезы льет, —
Или тоже бесприютна, иль истерзана любовью?
Отдохни немного, туча, что, скажи, тебя гнетет?
Вот меня — гнетет богатство: боль, тоска, потеря
друга...

Наградил же бог дарами — и обратно не берет!
Он рожден прекрасной пери, сын великого народа, —
Друг мой верный, незабвенный, — он ушел и не придет,
Он, разбивший вражье войско, не придет, а я —
несчастен:
Сердце воину отдавший век свой в горе проведет!

3

Смоль кудрей как ночь мерцает — удивительно похоже!
Белый лик как день сияет — удивительно похоже!
Сердолик — прекрасный камень: отшлифованный
и влажный,
Как уста твои пылают — удивительно похоже!
Я, в садах гуляя царских, о твоём румянце думал:
Он как роза зацветает — удивительно похоже!
Словно два газельих глаза, словно два нарцисса
нежных,
Взгляд очей твоих пленяет — удивительно похоже!

Есть два властителя — цари земных широт:
 Багряный, словно кровь, и желтый, словно мед, —
 То золотой кружок с державною печатью
 И обнаженный меч, правителя оплот.
 Когда тебя влечет к престолу властолюбье,
 Судьбу твою решит один небесный ход.
 На помощь призови где ласку, где жестокость,
 Где красноречия возвышенный полет.
 На власть не кинешься, как лев — на лань степную
 Или на мышь — орел с заоблачных высот.
 Две вещи власть дают: одна — клинок индийский,
 Другая — золото, источник всех щедрот.
 Мечом берешь ты власть, а золото динаров
 Ей блеск могущества и прочность придает.
 Владенье золотом, удачей и булатом
 Важней, чем стройный стан или высокий род.
 Правителю нужны отвага, ум и щедрость,
 А без заслуг судьба короны не дает.

Облекая мир в праздничный наряд,
 Облака земле красоту дарят.
 Видишь, мой кумир, розы — краше гурий
 И цветник расцвел, точно райский сад.
 Небо — словно лик синеокой пери,
 Как багряный шелк, все поля горят.
 Зелень трав темней, чем глаза газели,
 Сладостен ручья вкус и аромат.
 Вступит и газель в поединок с барсом, —
 Так прекрасен мир, так цветы манят.
 Ныне деву жду, чья спина — как солнце,
 Чье лицо — луна, — ту, кем в плен я взят.
 Девы лунный лик — хмель вина багряный,
 Ризы тех, кому вечный пламень свят!
 Там, где был пустырь, выжженный и голый,
 Как павлин, земля восхищает взгляд.
 Так причудлив мир, словно твой любимый
 Muskus и вино пролил наугад.
 Розовой водой нежно пахнет глина,
 Будто в ней цветок сладостный зачат.

И добро и зло Дакики изведаль,
Ныне жаждет он четырех услад:
То — коралл вина, вера Заратуштры,
Чанга нежный стон, алых губ гранат.

10

Когда бы всё переменялось и в мире вдруг ночей
не стало,
Разлуки с нежными губами, с нарциссами очей
не стало —
Моя душа бы не узнала, как ранит жало скорпиона;
Когда бы черных скорпионов ее витых кудрей не стало
И если б зубы не сняли светлее звезд в устах
пурпурных —
Звезда бы сумрачной подругой немой любви моей
не стала.
И если бы не черный локон, не черный взор под черной
бровью —
Моя душа не загрустила б, любых чернил черней
не стала.
О, если суждено мне, боже, остаток дней влачить
без милой,
Я предпочту, чтоб жизнь угасла и этих скорбных дней
не стало.

184 — 185. Р У Б А И

1

Ты — небосвода верный страж, победоносен твой
клинок;
Твоею щедрою рукой, должно быть, водит сам пророк!
Любые прихоти твои готова выполнить судьба,
Подставь ладонь — из рудников польется золота поток.

2

Из-за глаз твоих прекрасных мир погибнуть может
вмиг,
Но зато похожи губы на бессмертия родник!
От любви стал я слабым, плоть пронизывает ветер,
Пыль с песком во мне оставив, мчится дальше,
озорник...

186. ФРАГМЕНТЫ ИЗ КАСЫД

Вращаясь, неба колесо тревожно слушает и ждет:
Царь, величайший из царей, какой приказ ему пошлет?
Царя боится сам Зухаль и, признавая власть его,
Не тщится даже угадать, как повернется небосвод.

Гнев Его неопишум! Тварь земная замирает,
Если грозный лик небесный перед нею возникает,
Волны в страхе каменеют, твердь становится водою,
Перепуганное солнце в поднебесье замерзает.

Эмир Бу Наср, ты радостей не знал,
Тебе всевышний долгих лет не дал,
Подобны розам властелины мира —
Их век земной несправедливо мал.

Говорят: терпи, воздастся за терпение сполна!
Ждал награды я напрасно — здесь она не суждена,
Эту жизнь, терпенья чашу, в муках я испил до дна, —
Чтоб дожидаться воздаянья — жизнь еще одна нужна!

Словно туча — непрерывно, каждой ночью, каждым
днем —
Ты на землю сыплешь стрелы, проливаешься дождем:
То протянутую руку щедро золотом наполнишь,
То на голову злодея вдруг обрушиваешь гром.

187. БЕЙТЫ

Ты сердце бедное сожгла — остался черный дым,
О, как похож он на меня — уныл и нелюдим.

Будь с возлюбленным добрее, навсегда запомни ты:
Злоба портит, искажает юной девушки черты.

Ты лук в Калоте натянул — в пустыне лев упал,
В Евфрате плавал крокодил — твой меч его достал!

О шах! Придет ли день и час, когда блаженство
испытаю:
Прочту Хурду и Ийарду, Авесту вновь перечитаю?

Обидных слов старайся избегать,
Оставь привычку к ссорам подстрекать.

Ты, мой кумир, не тем ли огорчен,
Что лишь в лицо прелестницы влюблен?

О царь горделивый! Да разве баклан долетит
Туда, в поднебесье, где сокол свободно парит?

Звать бесчестного на помощь опасайся, бога ради,
Сам же, честного спасая, не окажешься внакладе.

Так барана или серну не терзает грозный лев,
Как на недругов презренных ты обрушиваешь гнев.

Сражение — поприще твое, кровь для тебя воде равна,
Ты базиликом меч зовешь и пеньем — ржанье скакуна.

Вчера сбежал поток с горы — он был вина алей,
Возьми, красавица, кувшин и чашу мне налей!

За добрые дела нам небо воздает,
А тот, кто зло творит, от кары не уйдет.

Расскажи — кто не мечтает о свидании с тобой?
Кто ударом не считает расставание с тобой?

Когда воссядешь ты на трон, вели подать друзьям вина:
Весь мир — измена, пустота, лишь чаша полная верна.

Меня поверг в смятение мой кумир,
Мне два нарцисса заслонили мир.

Невиданный айван построил ты, гордец,
До купола небес вознесся твой дворец.

Живи спокойно, веселись — перед тобою мир лежит,
Пусть мука смертная души врагам твоим принадлежит.

Налет греховности с души не трудно удалить:
Раскаянья живой водой его попробуй смыть.

Ты сердце у меня взяла, и взволноваться я посмел!
Ты рассмеялась и ушла, теперь безумье — мой удел.

Я к уважению привык, я знатен по рождению,
Я гибель в муках предпочту любому унижению.

Стих ко мне явился голым, я решил его одеть:
Дал из рифм халат цветастый, любо-дорого глядеть!

Когда же, сердце, ты о ней забудешь наконец?
Кумир твой молод, несмышлен, в делах любви — птенец.

Полное имя этого поэта — эмир Абу Яхья Тахир ибн Абульаб-бас Фазл ибн Абу Бакр Мухаммад ибн Абу Саид Музаффар ибн Мухтадж Чагани. Он был правителем Чаганиана во второй половине X века. Абу Яхья Тахир, как и многие правители, покровительствовал поэтам, а кроме того, и сам писал стихи. При дворе Тахира жили такие видные поэты того времени, как Баде Балхи, Мунджик Термези, Дакики, Маруфи Балхи и другие. В борьбе за власть с сыном своего дяди эмиром Абульмузаффаром Фахруддавла Ахмад ибн Мухаммадом Чагани Тахир потерпел поражение и был казнен в 987 году.

188 — 189. ГАЗЕЛИ

1

Глаз сужается тюркский и сердце сжимает мое,
 Словно путы — шелка бирюзового платья ее,
 Дикой лани глаза! В этих темных, глубоких глазах
 Гордый барс и прелестный онагр разделили жильё.
 Льется горькая речь между сладостных, сахарных губ,
 С поцелуем приемлешь смертельной услады питье.
 Брови луку подобны, в них тысячи спрятаны стрел,
 А лукавства стрела прямо в сердце без промаха бьет.
 Восседает красавица гордо на алом коне
 И однажды всю кровь мою алым потоком прольет.
 Остается мечтать и гадать, ибо памятно мне —
 Мир всегда неустойчив. . . Сжимается сердце мое.

2

О, как я рад твоей стреле! Сраженный наповал
стрелком,
 Я знаю: на свою мишень хотя бы миг взирает он.
 О нераскрывшийся цветок, ты дремлешь, в негу
погружен,

Но есть на воле ветерок, что будит дремлющий бутон.
Ты улыбаешься слегка, горят рубины губ твоих,
И вижу — знаешь, что тобой навеки сердца я лишен.
Ты говоришь: «Немало вас, томящихся в плену моем!»
Но покажи хоть одного, кто так же, как и я, пленен.

190. РУБАИ

Небеса не посылают мне свидания, как прежде;
Торжествует мой соперник, я завидую невежде,
Не молю напрасно небо — ведь оно тому не внемлет,
Кто в свое не верит счастье, кто сказал «прости»
надежде.

191 — 192. ДУГЗЫ

1

О НАРЦИССЕ

Стебелек как нить тугая, весь эмалевый, зеленый,
И головка золотая под серебряной короной...
На цветок взгляни и скажешь: «Будто белыми перстами
Свои очи, пробуждаясь, нежно тронул ангел сонный».

2

О ПИВЕ

Зеленая кукла лишь узкий свой рот открывает,
Старик и юнец веселятся, печаль забывают.
Когда покрывало с зеленой головки срывают,
Сердитая пена у рта ее вдруг закипает.
Иной с поцелуем к пьянящему рту приникает,
И кукла хохочет, но плакать его заставляет.

193. ФРАГМЕНТ ИЗ КАСЫДЫ

Бразды правления страной ты не напрасно в руки взял,
И из вельмож не зря любой твоим рабом, слугою стал.
Теперь живи, — не удивлюсь, когда ты львицы молоко
Найдешь в вине и сладкий сок вкусишь от ядовитых жал.

Абульхасан Али ибн Мухаммад Мунджик родился в Термезе, который входил в состав владений чаганианских эмиров. Он был при дворе эмира Абу Яхья Тахира Чагани, а после его казни стал придворным поэтом Абульмузаффара Фахруддавла. Умер Мунджик в конце X или в самом начале XI века.

В настоящее время сохранилось 517 строк поэта, собранных из различных поэтических антологий и других письменных источников. Среди них несколько касид (в том числе восхваления эмиров Абу Яхья Тахира и Абульмузаффара) и газелей дошло до нас в полном варианте. Сохранились также многие бейты и фрагменты из сатирических произведений поэта.

194 — 196. ГАЗЕЛИ

1

Расцветают снова розы по весне в саду ночном.
Роза каждая воспета страстотерпцем-соловьем.
Месяц, видя лик любимой, совершить спешит намаз,
Роза никнет и бледнеет в унижении своем. . .
Ты прекраснее Юсуфа, на шелку его портрет
Для красавиц из Китая нарисован был пером.
У тебя уста алеют, как тюльпана лепестки,
Каждый локон пахнет амброй, завивается кольцом.
Ты Зухра — звезда восхода, описал тебя Азар:
Вьются кудри смоляные, лик сверкает серебром.
Кудри в плен забрали розу, как Мансурова петля,
Будто черные арканы правят суд над цветником.
Бог уста ее окрасил ярче красного вина,
Иль из яхонтовой чаши мать вспоила молоком.

Кудри падают на плечи: стан стройнее, чем сосна,
 Пахнет мускусом и амброй темных доконов волна.
 Очи — робкие нарциссы, щеки — розовый бутон,
 Засмеется — в сердоликах вспыхнет перлов белизна.
 Но уста, глаза и кудри, обучаясь волшебству,
 Для приманки хитрой служат, видно, цель у них одна.
 Посмотри, луга и горы засияли, словно рай,
 Расцвели повсюду розы, захватили мир сполна.
 В каждом венчике нарцисса засветился Муштари,
 Как возлюбленной ланиты, эта звездочка нежна.
 Роз охапки желтых, белых, ярко-красных, как рубин,
 Нам приносит в день Навруза, ювелиром став, весна.
 И зажмуришься невольно от сверканья красоты,
 Взор не может оторваться и душа ослеплена.

3

Как шелк армянский, у тебя атласна кожа,
 Ты словно капелька дождя в лучистой дрожи.
 Распустишь косы, и вокруг запахнет амброй,
 И поклонение тебе с молитвой схоже.
 А я тону в Евфрате слез, томясь в разлуке.
 Моя весна, ты для меня души дороже!

197 — 198. ФРАГМЕНТЫ

1

ИЗ КАСЫД

Невежда лекарь приглашен — погиб измученный больной.
 Везир обязан мудрым быть, чтоб древней управлять
 страной.

А у тебя везир — глупец, и он по тупости своей
 Ущерб владычеству несет, а ты страдаешь глухотой.
 Когда указы не слышны и воцаряется разброд,
 Поможет или блеск меча, иль звон динаров золотой.

Ты, который в познаниях, как море, глубок, —
 Жизнь тебя наставляла, давала урок.
 Ешь свой собственный хлеб, окропленный слезами,
 Но у подлых не спрашивай сладкий кусок!

ИЗ КЫТА

Назовет тебя влюбленный светозарною весной,
 С расцветающим жасмином ты сравнишься белизной,
 Но стрелою расставаний сердце ранено мое, —
 О терпение, в разлуке ты послужишь мне броней!

Уста медвяны у тебя, что ж горечь слов так больно жжет?
 Ты белоснежна, как жасмин, что ж сердце как железный лед?
 Не вздумай на луну смотреть — ты можешь блеск ее затмить.
 В сад не ходи, иль кипарис свой стан от зависти согнет.

Абубакр Мухаммад ибн Али по прозвищу Хусрави (то есть царский, слуга царя) родился в Серахсе (два города, носящие это название, находятся в пограничных районах южного Туркменистана и на севере Ирана). Дата его рождения неизвестна, умер он до 993 года.

Хусрави был придворным поэтом правителей Зияридов на севере Ирана и носил титул «аль-хаким», свидетельствующий о том, что он был также видным ученым своего времени. До нас дошло 210 строк Хусрави.

199. ГАЗЕЛЬ

Никем я в мире не любим, и это знаешь ты.
Я по тебе тоской томим, и это знаешь ты.
Красавиц множество вокруг, но краше нет тебя, мой
друг,
Ты рождена на зависть им, и это знаешь ты.
Не выделяюсь я в толпе, но предназначен я тебе,
И перст судьбы неотвратим, и это знаешь ты.
Я сердце отдавал тебе — живое, полное любви,
О, не было оно больным, и это знаешь ты.
Ты мне вернула сердце, но — кровоточит, болит оно,
Теперь не быть ему живым, и это знаешь ты.
Тебе не жаль его ничуть. . . Молю: совсем его забудь,
Недуг, увы, неизлечим, и это знаешь ты.

1

ИЗ КАСЫД

Словно с рифмой «айн» касыда — черных локонов поток,
 Словно с рифмой «даль» касыда — самый малый завиток,
 С чем сравнятся в этом мире базиликовые очи?
 В обрамлении жемчужном золотой горит зрачок!..
 Кто способен в мире с Шамсом Маали поспорить статью?

Нет такого человека и не будет, видит бог!

Нежнейших два стиха — два локона твоих:
 Что сказано в одном — другой продолжит стих!
 Накир с Мункиром — здесь, в тени твоих ресниц;
 Уста раскроешь ты — глаголет сам Масих!..
 Мой гордый господин, творения венец!
 Тебе подобных нет среди существ земных!

Его благородство, поверь, таково,
 Что ниже его и небес вышина!
 Он — наша судьба! Тьма врагов у него,
 Опасностей грозных дорога полна;
 Мы знаем — он славный избранник небес
 И власть небесами ему вручена,
 Его справедливость — вершина вершин,
 А смерть для него воскрешенью равна,
 Он щедростью род свой прославил навек,
 Нетленная слава ему суждена!

2

ИЗ КЫТА

Я столько обиженных небом встречал:
 Немых, безоружных, — их кто не бивал!
 Бывает, судьба повернется внезапно —
 Ты накрепко связан, ты пленником стал...
 А скольких убийц я встречал благонравных —
 И кровь не прольют, а убьют наповал.

ИЗ ГАЗЕЛИ

Ты — мой серебряный кумир, я — паутина золотая.
 Ты, месяц, светишь, я — копчу, светильником убогим тая.
 О юный месяц, ты жесток, ты затмеваешь фитилек,
 И паутина — посмотри — тускнеет, меркнет, выцветая.

203. БЕЙТЫ

Пусть локон ее — скорпион, он покамест не жалил меня,
 Но чувствует сердце беду и боится его как огня...

Построенное мной уничтожаю сам.
 Прославленное мной уничижаю сам.

Не загадывай надолго, будь в надеждах осторожен:
 Колесо судьбы коварно, поворот любой возможен.

Когда, как яхонты, горят ланиты бедного больного,
 Одно леченье: пить вино оттенка в точности такого.

О, вера Хусрави, сладчайшее из вин!
 Отдам ли за шпинець — нет, не отдам! — рубин.

Ее жестокость, как паук, тенета ткет и ткет,
 В них сердце бедное мое погибнет, пропадет.

Щека кумира как тюльпан, а рядом — локон-скорпион...
 Соседством этим, признаюсь, я бесконечно удивлен.

Твой лик узрев, красавицы вскричали:
 «Луна взошла! Вот не было печали!»

О, это нежное плечо! Не плеть, а тоненькая нить
 Его коснется — брызнет кровь, польется —
 не остановить!

Кто для меня твой господин? Да я о нем забыл!
Твои сужденья — жалкий вздор, их слушать нету сил.

Ты — в стаде жалкая овца, а твой кумир — вожак, козел,
Что ж, покровительство козла не каждый заслужил.

Из-под ресниц ее стрела горящая летит,
Когда осмеливаюсь петь — она молчать велит.

Веселись до самой смерти, благ земных напейся всласть,
Чтоб тоска не одолела, в сердце грусть не завелась!

Неумелый, бесполезный — чем судьбе он угождает?
А другой — достойный, дельный — под созвездьем Рыб
страдает!

Когда искусство для тебя не главный смысл
существованья,
То, хоть судьбой унижен ты, хоть вознесен, — оставь
старанья!

Сгустилась ночь, на небе — ни звезды,
Грохочет гром предвестником беды.

Увидев твой прекрасный лик, само прекрасней солнце
стало:
Как будто девушка к губам цветок гранатовый
прижала...

Есть в мире огонь, есть ветер, земля и вода,
Четыре стихии раздельно бытуют всегда.

Душистого вина налей скорее, друг,
Подергай за рукав, потереби бурдюк!

С прекрасною невестой схож подлунный юный мир,
Калымный кубок наполняй, да будет брачный пир!

Твое сияние, кумир, да повторится зеркалами,
Но — прихотливы зеркала, не надо трогать их руками.

Райский сокол белоногий! Колокольчик твой звенит —
Звук серебряный, небесный мне о рае говорит.

Я в глазах моих влюбленных для любимой дом воздвиг;
В этот дом ведут ступени — пара желтых щек моих.

В который раз тебя теряю в безумном мире этом, друг...
В который раз меня находишь — скажи, зачем? Для
новых мук?

Я — прохудившаяся лодка, что догнывать осуждена;
Я — шкура, снятая с верблюда, что живодеру не нужна.

Я — саранча? Но это, друг мой, ложь!
От грехота тазов я не впадаю в дрожь.

Ты вся — от головы до ног — источник свежести
весенней,
Твой взор манящий — западня, нет сердцу моему
спасенья,

Характер мой с характером твоим,
Как доброта со злобой, несравним.

Доколь, влюбленный, будешь ты стенать и причитать?
Малейшей пользы нет в слезах, позволь тебе сказать.

Лишь завистью и жадностью душа твоя полна,
Чувств человеческих иных не ведает она.

Ты гадким стал из-за любви, но я не сделаюсь таким:
Порок дает порочный плод, я ж — непорочно любим.

Абулькасим Зийад ибн Мухаммад Камари родился в Джурджане (арабизированное название Гургана — города на севере прикаспийской области Ирана) и был придворным поэтом династии Зияридов, правивших в Мазандеране и Табаристане (прикаспийских областях Ирана), панегиристом правителей Зияридов Вушмагира (935—967) и Кабуса (987—1012).

В настоящее время известно 60 строк стихов Камари.

204. ГАЗЕЛЬ

О мой кумир! Тебя увидев, китайский идол ниц падет,
Я о тебе мечтать дерзаю, и в рай мечта меня ведет!
Твой стаи — алиф, уста и кудри подобны буквам мим и нуи,
Нежней жасмина подбородок, румянец, как тюльпан, цветет!
О, прихотливые извивы благоухающих волос!
Я сердцем здесь, где каждый локон волшебный запах издает,
Здесь, средь колец подвесив сердце, ни в небе я, ни на земле.
Там, подо мною, твердь земная, там надо мною — небосвод!
О, пусть сулит мне только горечь ее прелестных уст вино —
Сильнее сладких вин порою напиток горький нас влечет!
Любовь рассудок мой убила, как шах смертельного врага,
И, опьяненная победой, из сердца кровь всё пьет и пьет.

1

ИЗ КАСЫД

Лица не прячет добродетель, а зло скрывается в туман,
 Нам возражают крайне редко, в советах дружеских —
 Но всё же славным Фаридуном был побежден тиран обман,
Заххак,
 И все-таки у Ахримана свой перстень отнял Сулейман.

Над тобою, под тобою, слева, справа, впереди —
 Трон, почет и поклоненье, златоносные дожди,
 Царь — твой раб, а шахи — слуги, сам ты в милости
у бога,
 Везир твой — сама победа, звóнок сердца стук в груди!

Пусть, сад, ты похож на меня, как двойник, —
 Различен у нас животворный родник!
 Ты свежестъ, как я, получаешь из тучи —
 Но розны привычки у туч и язык!
 Моя — весела, если дождь проливает,
 Твоя — словно в трауре, хмурит свой лик,
 Хоть льет-то всего лишь обычную воду...
 Моя же — серебряный щедрый родник!
 Ушла моя туча — я счастлив в разлуке,
 Уходит твоя — ты бесплоден, поник,
 Ты мадха для тучи своей не читаешь —
 Я славить свою беспрестанно привык.

2

ИЗ ГАЗЕЛИ

Мир подобен вишней чаше, каждый вкус вина узнал,
 Сладость в горечи находит, радость с мукою связал.
 Мир имеет два начала: злое — доброго сильнее.
 Есть шипы без роз, но розы без шипов я не встречал.

Ученого золотом ты осыпаешь
И — мадхи за щедрость свою пожинаешь.

Со светлым именем твоим сроднилась похвала,
А имя твоего врага — проклятье, брань, хула.

Ты — баловень друзей, от них тебе почет,
Достоинства твои и недруг признает.

Вельможи все тебе покорны, но каждый зло излить
Тебе служили верно шахи, покуда не раскрыли ртов. готов;

Твой черный локон не петля, но причиняет боль;
Того, кого не любишь ты, весь век терзает боль!

Не овладеешь мастерством — богат не будешь, говорят,
А коль достигнешь мастерства — считай, воистину богат!

Жемчужин светлых два ряда, смеясь, показываешь ты,
И плачу я, не пряча слез, — как жемчуга они чисты!

Вблизи огня ее щеки сгореть, казалось, локон мог, —
Нет, сердце бедное мое издалека огонь зажег...

Беспричинно плачет туча, орошая пестрый луг,
Ей — печаль, тюльпанам — радость, радость всем цветам
вокруг!

Во всех делах с тобой успех; подруга — пери, трон —
Жилье — дворец, родня — друзья, во всем тебе высок,
помощник — бог.

Лицом на друга моего походит месяц молодой;
Ущербный месяц я точь-в-точь: согбенный, жалкий
и худой.

У многих, как и у меня, обычай — сердце отдавать, —
Всё потому, что у нее обычай — сердце похищать.

Маджиддин Абульхасан (в некоторых источниках Абу Исхак) Кисаи родился в Мерве 25 марта 952 года (эту дату поэт сам указал в одном из своих стихотворений).

Как явствует из прозвища поэта («кисан» — по-арабски «одежда»), отец его был портным и шил верхнюю одежду. Видимо, и сам будущий поэт вначале занимался тем же ремеслом. Насир Хусрав (род. в 1004 году), который переписывался с Кисаи в последние годы его жизни, сообщает, что поэт в это время был глубоким стариком. В настоящее время считают, что Кисаи умер около 1027 года.

208 — 209. ФРАГМЕНТЫ

1

ИЗ КАСЫДЫ

Трехсотсороковой к концу. Свершился дней круговорот.
 Среда. Еще четыре дня — пройдет шавваль, и минет год.
 Зачем пришел я в этот мир? Что совершить и что
сказать?
 Пришел я песнь любви пропеть, пришел изведать жизни
мед,
 А стал рабом своих детей и пленником своей семьи.
 И жизнь я прожил, как верблюд, трудился, словно
вьючный скот.
 К чему? Мои богатства я по пальцам сосчитать могу,
 А бедствия начну считать — до гроба не окончу счет.
 Чем завершу я долгий путь? Его истоком ложь была, —
 По суете он пролегал и в суете конец найдет,

За деньги жадность я купил, а жадность принесла мне зло,
Я — многих горестей мишень, мне только беды небо шлет,
О, жаль мне юности моей, и жаль прекрасного лица,
И жаль мне прежней красоты и прошлой жизни без забот.
Где безмятежность юных лет, отвага пламенной души?
Где упоение страстей, мечты безудержный полет?
Мой волос бел, как молоко, а сердце, как смола, черно.
В лице индиговая синь, и слабость мне колени гнет.
От страха смерти день и ночь дрожу, как пожелтевший лист,
Как нашаливший мальчуган, когда отцовской плетки ждет.
Мы проходили и прошли, и стали притчей для детей.
Забыты все, кто жил до нас, и нас забудут в свой черед.
О Кисаи! Твой полувек заносит лапу над тобой,
Как ястреб, он тебя когтит, твои крыла на клочья рвет.
И если от надежд ушел и разлюбил богатства ты,
Так время остуди свое и без надежд иди вперед.

2

ИЗ КЫТА

Роза — дар прекрасный рая, людям посланный на благо.
Станет сердцем благородней тот, кто розу в дом принес.
Продавец, зачем на деньги обменять ты хочешь розы?
Что дороже розы купишь ты на выручку от роз?

Разве я кладу румяна и черню седые кудри
Для того, чтоб молодиться? Нет, не гневайся, дружок!
Дело в том, что у седого ищут мудрости обычно,
А ведь я, сама ты знаешь, так от мудрости далек!

Там, где надобны дирхемы, — я посулы рассыпаю,
Где слова нужны — я словом в воск железо превращаю,
Как бы ветер ни менялся, всё по ветру я шагаю
Или с чашей, или с лютней, или латы надеваю.

Пусть я звездою не сверкаю, как царь поэтов Рудаки,
Клянусь, не меньше слов я знаю, чем сам великий

Рудаки.

Он, мир познав, ослеп навеки, он славу дорого купил.
Не потому ли я не славен, что мир меня не ослепил?

Его одаривали шахи, — о, мне б частичку тех даров —
В моих стихах бы прозвучало на сотню тысяч больше
слов!

Я за прожитые годы хорошо сей мир познал,
Видел радости, невзгоды, кто-то падал, вновь вставал,
После веры я богатство благ других превыше ставлю,
И безверия страшнее я нужду всегда считал.

МАНТИКИ РАЗИ

Абу Мухаммад Али по прозвищу Мантики (то есть знаток логики) родился в Рее (близ нынешнего Тегерана), откуда и его писба Рази, то есть Рейский. Он был одним из первых персоязычных поэтов династии Буидов, правившей в Западном Иране. При дворе он пользовался большим уважением и почетом, в особенности у знаменитого везира Буидов Сахиб ибн Аббада (983—995), выдающегося поэта, писателя и покровителя поэтов и ученых. Умер Мантики приблизительно в начале или конце восьмидесятых годов X века.

Дошедшие до нас стихи Мантики на персидском языке насчитывают 150 строк.

211 — 212. КАСЫДЫ

1

Я сед и морщинист, от старости, видно, не скрыться,
С мечтой о кумире придется навеки проститься,
В дни счастья бывшего досадовал я на судьбу —
Сегодня судьба посчитаться со мною стремится.
Мой пленник — на воле, я пынче в плену у него,
Что было — прошло, суждено временам измениться.
О, кольца волос, что меж пальцев струились... Теперь
Их прах с благовонием в воздухе соединится.
На губы медовые — те, что в блаженстве лобзал, —
Тяжелое время сегодня надгробьем ложится...
Но сердце и разум — у зренья и страсти в плену,
И ласковым лалам мечтает душа покориться.

О, пери моя! О, божественный локон-аркан —
В нем бился тюльпан, красотою дерзнувший кичиться.
О, брови ее — смертоносного лука изгиб!
О, локон-аркан! Ничему не дано повториться.
Мой нынешний лук — стан согнувшийся старческий мой,
В морщинах лицо, от унылых раздумий кривится,
Она — далеко... Жизнь — приевшейся службе сродни...
Бывает ли хуже? И может ли сердце смириться?

2

Ужели месяц в ущербе, болен?
Частицу тела оставил где-то...
Щитом круглился он серебристым —
А стал чавганом, полоской света,
Не след ли это коня господня,
Его подковы золотая мета?
Он юной бровью изогнут в небе —
На праздник будто ночь разодела!
Ты ждал, что месяц осыплет золотом?
Не даст дирхема он сверх обета...
Он, словно грешник, свой лик скрывает,
Сияет в небе лишь край монеты.

213 — 214. ГАЗЕЛИ

1

Ни слова не проронишь ты, и я спознаюсь с немотой,
Ни волоска не потеряв, мы распрощаемся с мечтой.
О, как красив бывает лук! И как бывает некрасив:
Как не похож на бровь твою моей спины изгиб крутой!
Эбена, ночи, и смолы, и даже мускуса черней
Судьбы моей угрюмый лик, черней, чем черный локон
твой!
У слез моих и губ твоих один и тот же — алый — цвет:
Никто из Йемена вовек не привозил рубин такой!

Я выкрал волосок один из дивных локонов твоих,
 Когда свободно по плечам ты, пери, распустила их,
 Как осторожно я тянул — как будто волос был живой!
 Я был подобен муравью, что тащит зернышко домой.
 Я с драгоценным волоском пришел к отцу. Отец спросил:
 «Чей локон черный так хорош, что сына сердце покорило?»
 — «Он — той, чей взгляд ясней меча, звезда бледнеет
 перед ним...»
 В ее покои заглянув, светило стало золотым...»

215. ФРАГМЕНТ ИЗ КАСЫДЫ

К чему чеканку на дирхемах с нелегким делают трудом?
 Я до поры не мог осмыслить и всё же осознал потом:
 Властитель в руки неимущих монеты сыплет для того,
 Чтоб вместе с именем пророка читали имя и его.

216. БЕЙТЫ

Иранская роза — свежа, весела, —
 Как дома, в Тибете, в саду расцвела.

То отбираю сердце, то вновь тебе дарю,
 Терплю и: «Будь что будет» — спокойно говорю.

Безбрежной щедростью своей он превосходит Нил,
 Отвагой, доблестью своей слона он посрамил.

Из тела вон уходит жизнь, любовь ее тиранит...
 Где будет жить моя душа, когда меня не станет?

В страдании сердце врагом обернется —
 То вдруг затрепещет, то смолкнет, запнется.

Кумир меня пленил, но он и сам пленен —
 Охотник дичью стал, и я не удивлен.

Абу Тахир Тайиб ибн Мухаммад Хусравани происходил из Хорасана, но, по-видимому, жил и творил в Бухаре в X веке. Хусравани — поэтический псевдоним, о чем свидетельствует заключительный бейт одной из его газелей.

К имени Хусравани некоторые авторы антологий приписывают прозвище Хаким (Мудрец), которое говорит о том, что он был и видным ученым своего времени.

Жил Хусравани до глубокой старости и, по словам Авфи, автора одной из антологий, в последние годы жизни сильно болел. О старости и страданиях свидетельствуют два бейта поэта. В одном из них поэт с болью вспоминает свою молодость, в другом завидует двум поэтам, современникам, которых смерть избавила от старости и болезней.

До нас дошли 142 строки стихов Хусравани. Среди них два фрагмента из касыды и две кыта с размышлениями о своей судьбе. Остальные бейты — это отрывки из касыд, газелей и сатирических стихов.

217 — 218. ГАЗЕЛИ

1

Словно ветер, быстролетна ночь свиданья, мне ль
не знать?
Нескончаемой разлуки испытанья мне ль не знать?
Боль — долга, печаль — длиннее, наша ссора —
бесконечна, —
Этих трех длиннот довольно для страданья, мне ль
не знать?

О наперсница-разлука, я дружу с тобой корыстно:
Знаю, ты подарить встречу за терзанья, мне ль
не знать?
Ночью сердцу нет покоя — стало памяти слугою!
Вас, волшебные виденья, вас, мечтанья, мне ль не знать?
В мыслях родинку целую — трижды ты пообещала!
Недотрога, ты не сдержишь обещанья, мне ль не знать?
Светлый месяц двухнедельный, о глазах твоих тоскую!
Их лукавого прищура, их сиянья мне ль не знать?
Я и так тебе покореи, так зачем меня ты мучишь?
Нет красавице жестокой оправданья, мне ль не знать!
Но «что стоит кровь влюбленных... их сердец жалеть
не надо...» —
Я писал тебе однажды, строк посланья мне ль не знать?
Душу ты взяла и сердце — чем теперь ты недовольна?
Это — просто быть моею нежеланье, мне ль не знать?
Умоляю — будь же доброй, благосклонной хоть
сегодня, —
Завтра новые начнутся истязанья, мне ль не знать!

2

О, ты мириться не спешишь, заплакать я готов!
А ссору скоро ты вершишь, заплакать я готов!
Из-за поспешности твоей к блаженству я замедлил шаг,
В твоей медлительности я услышал смерти зов!
Любовь, разлука... смысл один, я это подлинно узнал,
Одно значение у двух столь непохожих слов.
Коль морем назову любовь, тоску — акулой назову:
Ведь злая хищница живет среди морских валов!
Тебя не вижу из-за слез, я от разлуки онемел,
Где морю горечи предел? Не видно берегов!
О солнце жаркое мое, твои лучи меня спалят,
Хоть губы-лалы холодней нетающих снегов!
Такого храма в мире нет, где б я тебе молиться мог.
О мой кумир! Хусравани воздвигнет храм стихов!

219. ФРАГМЕНТЫ ИЗ КЫТА

Четыре лекаря меня отчаялись лечить,
Всем четверем, увы, пришлось бессильно отступить,
Аскет, колдун и звездочет, а с ними врач — ушли;
Их средства очень хороши, но мне не помогли!

Случается, бороду красит старик...
Такому глупцу говорю напрямик:
«Окраской седин не спасешься от смерти,
Труда пожалел бы, хоть труд невелик!»

Из сердца алчность я изгнал, соскреб ее налет,
С тех пор к кому ни постучусь — всяк двери отперет!
Богатство, слава и чины, не буду спорить, всем нужны,
Но тот, кто алчен, этих благ вовек не обретет.

220. БЕЙТЫ

Как можно не грустить о юности беспечной,
Прекрасной, как весна, и столь же быстротечной?

Ресницы опиум смыкает, я слышал, дарит сладкий сон...
Я — от бессонницы разлукой, мечтой о пери исцелен.

От горя стал я желтолиц, как увядающий левкой,
Вселились в сердце злость и боль, душа изглодана
тоской.

Такие нынче времена: все гонят дервишей, корят,
На крышу с камнем и пращей залезть готов и стар
и млад!

Нас великодушье твое осенило,
Пред ним в небесах потускнело светило.

Желанный, долгожданный день! Когда же он придет
И долгий, тяжкий, злой недуг навеки оборвет?..

От ветра морем стало поле: гляди, волнуется вода!
На оникс облако похоже — впитало радуги цвета.

Ты видишь, в киноварь калам художник опускает —
Так по щеке моей слеза кровавая стекает. . .

Когда возникнет у нее в глотке воды нужда —
С моей ресницы в тот же миг закапает вода.

Я дома один — изможденный, усталый, больной,
Одни лишь заботы, печаль и сомненья со мной.

Воистину охотник смел: он в серну целился стрелой,
А вместо серны лев возник — и здесь не струсил наш
герой!

Проходят годы. . . День придет — заметит вдруг
живущий рядом:
«Из кухонных его дверей сегодня уж не тянет чадом. . .»

Жизнь полю бранному подобна, соратник мудрый нужен
здесь,
Чурайся злобных и болтливых и тех, кому присуща
спесь.

У шахского дворца вертись, знай: палки может взять
народ
И барабаном станешь ты, в который всяк кто хочет бьет.

Кулах нахлобучил — сидит, не глядит. . .
Но зрелище это кому не претит?

Еще не полон кубок мой вина, что розовее роз,
А чаши глаз моих давно полны кровавых горьких слез.

Ее проклятья для меня имеют сладкое звучанье,
А для нее мои хвалы — дурное предзнаменованье. . .

Греховности налет есть на душе твоей!
Раскаянья водой омой ее скорей.

Сквозь поры твоего лица обильно зависть проступает —
Так воду глиняный кувшин необожженный пропускает.

Я был завистником всю жизнь; признаюсь, век кончая
свой:
Мертвы Джуллаб и Бульмасал — я им завидую, живой!

Заоблачно его величье, ему высокий жребий дан,
Основою его айвана надежно служит сам Кайван.

Судьбы колесо то возносит тебя,
То в слякоть швыряет, бездушно губя.

Он прячет чувства глубоко, но трудно ль их на свет
извлечь?

Так обезьяна за щекой горох пытается сберечь...

С ткачом оратора сравню: его уток — живое слово,
Он словом украшает смысл, который — полотна основа.

Абу Мансур Имара ибн Мухаммад Марвази жил в конце X — начале XI века и был свидетелем крушения государства Саманидов и возвышения династии Газневидов, которые создали огромное государство со столицей Газна на юге Афганистана. Имара родился в Мерве (отсюда и его нисба Марвази — Мервский) и всю жизнь безвыездно жил в этом городе. Умер Имара приблизительно между 1004—1014 годами.

Имара был одним из прославленных поэтов своего времени, известность которого далеко шагнула за пределы Мерва. Авторы средневековых антологий и трактатов по поэтике дают высокую оценку его любовно-лирическим стихам. Были, видимо, у него и стихи суфийского содержания, которые пользовались популярностью среди суфиев. На наш взгляд, не случаен тот факт, что знаменитый суфий X века Абу Саид Абульхайр (967—1014) во время своего пребывания в Мерве почтил память Имара, посетив его могилу.

В настоящее время мы располагаем 160-ю строками стихов, сохранившихся из его поэтического наследия. Это бейты и фрагменты из его касыд, кыта, четверостиший, газелей, сатирических стихов.

221. ФРАГМЕНТЫ ИЗ РАЗНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Если ты огня не видел в сочетании с водою —
 Погляди на эту чашу с влагой пенно-золотою:
 Сквозь хрусталь вино искрится, цветом схожее
с рубином, —
 Несравненный жидкий пламень, веселящий нас с тобою!

Мир, серебряный от снега, — кратковременное чудо,
 Белизне пришла на смену зелень цвета изумруда,

Зацветает сад весенний в эти дни на радость взгляду —
Словно отдал храм кашмирский все свои узоры саду;
Губ прелестных отраженья, словно рыбки, в чаше
блещут,
Нежно-розовые блики на поверхности трепещут.

Лик великого владыки щедросердье озаряет,
Взор великого владыки, как звезда Сухайль, сияет.
Тигр, услышав имя шаха, вдруг смирил свое течение,
Берег сделался халвою, воды — медом на мгновенье!

Расцветут шатры кашмирцев под весенним небом скоро,
Оживут сады повсюду, повторят шатров узоры,
По прудам пройдет ветер, волны светлые заплещут,
Как серебряные рыбы, блестящие зыби затрепещут.

Если добр и милосерден шах, властитель на земле,
Это видно по сиянью у Сухайля на челе;
Выходи на берег Тигра, назови владыки имя —
Станет Тигр подобен меду, берег — сладкой пастиле.

Зеленая ива от ветра как будто хмельна:
Качается, гнется, подобно гуляке, она,
Рассвет пламенеет, как розы садовой бутон,
Как меч смертоносный, что кровью врага обогрен.

Я внутри своей газели невидимкой рад бы стать:
Целовать тебя, покуда будешь ты ее читать.

ИЗ МАРСИИ

От его горячей крови вся земля красна была,
Почернела Верность ликом, и Надежда умерла.
Смерть саму он уничтожить вознамерился мечом —
Смерть тогда ему навстречу меч со страху подняла.

Взял кумир серебряликий чашу, полную вина, —
Скажешь ты: соединились в чаше солнце и луна,
Схожа чаша с бледной розой, на тюльпан вино похоже, —
Как огонь, тюльпан пылает, роза — нежности полна.

Луч, блеснув из винной чаши, острием лишь тронул
лик —
Но на белой коже нежной след царапины возник,
А когда вино коснется алых губ и светлых перлов —
Скажешь ты, что юный месяц к звездам трепетным
— приник.

Налетел весенний ветер на весенние пруды —
Как на лик мой, он морщины вмиг навел на гладь воды.

Мой кумир меня унизил — пусть жесток со мною он!
Лишь бы не был господином я безвинно оскорблен!

В дом слуги хозяин добрый дверь открыл — и гостем
стал,
Он вино принес, а также звонкий чанг с собою взял.

Те глаза полны колючек — не заглядывай, беда!
Две совы, ты скажешь, свили там навеки два гнезда.

Длань эмира — чудо-туча: не пугайся, что грозна, —
Иногда дождем лепешек проливается она!

Пью вино, и образ милый возникает предо мной,
Словно память, неизбывен кубок с влагою хмельной.

Угощай по-царски пери, самаркандскую луну,
Пусть певец придет и тронет сладкогласную струну.

Ходят парами газели — за подружкой друг идет;
Пусть влюбленную влюбленный в сад весенний позовет!

Если в сердце место друга лютым занято врагом —
Знай, что вытоптанном лугом, пустырем твой станет
дом!

Эй, негодник, всё понятно! Не мила жена кому —
От нее дыханье смрадно и потомство ни к чему.

Ветер с яблоневых веток белые цветы срывал,
Голову гуляки щедро лепестками посыпал...

Пусть ты другу изменила, нить любви оборвала —
Всё равно: очарованью, красоте твоей — хвала!

Разве ценят прелесть битвы, звон меча и гул щита
Те, кто думает о пашне и загонах для скота?

Если муж скупой и старый, а хозяйка — молода,
Для него ль серебролица и свежа она тогда?

От волос ее исходит дивной амбры аромат,
На лицо ее тюльпаны с явной завистью глядят.

Свой шатер открой для тюрка и с рассвета дотемна
Привечай согдийским чангом, чашей сладкого вина.

Слава капле крови алой, что лозою пролита,
В ней и мускуса дыханье, и агата красота.

Вот Навруз — веселый праздник! Пусть вино в лучах
блестит,
Мы танцуем, веселимся, луг шелками шелестит. . .

Посмотри скорее в небо — видишь ты ворону ту?
В черный крест она, не правда ль, превратилась на лсту?

Зелены ее одежды, нежный лик ее румян —
Скажешь ты: на вешней ниве вешним днем цветет
тюльпан!

Каждый всадник был подобен льву на каменной скале,
В окровавленных одеждах жались пешие к земле.

Лозы — в гроздьях изумрудных, листья золотом горят,
Струи вод светлее солнца, а вино — хмельной агат!

Абульхасан Али ибн Ильяс Агаджи родился и жил в Бухаре. Он служил при дворе эмира Нуха ибн Мансура (976—997). Отсюда и его прозвище Агаджи — один из титулов высшего сословия чиновников саманидского двора. В конце жизни он был удален от царского двора и, больной и беспомощный, испытывал крайнюю нужду.

Сохранившиеся бейты и фрагменты его касид, газелей, кыта и сатиры насчитывают 78 строк.

223 — 224. ФРАГМЕНТЫ

1

ИЗ КАСИД

Всю ночь веселие царит и льется царское вино,
Но сердце бедное болит, оно страданием полно,
Ничто рассвета не сулит — боюсь, у ночи нет конца,
С тобой единственной делить мне все печали суждено.

Я восхвалить красавиц мог в том панегирике, где ты
Строкою первую была, где всё тобой озарено!

Ты не знал моих талантов; может быть, узнать
захочешь?

Пусть судьбой я не отмечен, мне твои не снились
блага —

Дай мне шахматы и лютию и стихи мои послушай,
Дай аркан, коня лихого, испытай мою отвагу!
Пусть моя иссохнет печень, но не пролиты потоки
Слез, и реку Тигр наполнить может их живая влага.

О мой господин, я слепец, я не видел тебя.
Мой разум оглох. Наставленьям твоим не внимая,
Грешил я безмерно, тебя предавал без конца;
Ты верность хранишь, благородством меня поражая.
А нынче твой раб, изнывая под грузом грехов,
Вернулся к тебе, на тебя одного уповая.
И стало легко мне — ни боли, ни бремени нет,
Я дни свои пью, словно мед, по цветам собирая.
Счастливец, тобой одаренный безмерно, — и он
Благ новых возжаждет, к дарящей руке припадая.

2

ИЗ КЫТА

Если ты приют захочешь обрести в глубинах сердца,
Я тебе шатер раскину из моей сердечной ткани.
Милости твои безбрежны, пусть и дни безбрежны
будут —
Не хочу чудесной жизни видеть я последней грани.

Искрится пенное вино, в бокалы налито оно,
Обычным камнем перед ним мгновенно станет самоцвет,
Когда увидеть сквозь бокал его мечтаешь, лишь
представь:
Луна меж редких облачков на землю шлет волшебный
свет.

Посмотри: парят снежинки — белым войском в небе
блещут,
Словно робкие голубки перед соколом трепещут.

225. БЕЙТЫ

С подругою соединясь, я дни в покое проводил —
Вдруг страшный сон меня объял и с ненаглядной
разлучил...

Если он на спичку дунет, от огня его дыханья
Загорится спичка сразу без иного разжиганья.

Коль мои увидишь ноги, что бессильны и тонки, —
«На таких способны бегать, — скажешь, — только
пауки».

Ликом с ящерами схожи, по натуре — носороги,
И всегда они печальны, отвратительны, убоги.

Я тебя не видел боле, счастье вернуть не тщился, —
Что осталось, кроме боли, если я тебя лишился?

Сижу и не двигаюсь, будто на клее,
На улицу выйти — я сил не имею.

Как ему достало силы? Намертво в меня вцепился;
Скажешь — это лом Фархада в гору Бисутун вонзился!

Из моей руки разжатой злого ветра дуновенье
Всё накопленное мною унесло в одно мгновенье.

Горьких слез моих потоки льются, землю увлажняя,
По земле скольжу ногами, равновесие теряя.

Глаза бессонные мои недвижны, веком не моргнуть;
В парализованной руке так мертво застывает ртуть.

Сердце воина трепещет, мается в преддверье сечи,
Я немею, холодею от твоей жестокой речи.

Ты стан мой согнула, а сердце сжигаешь,
Ни милости, ни состраданья не знаешь.

Я был упрям, как нравный конь, тянул аркан что было
сил,
Лишь ту же становился он, едва меня не задушил.

Содрогается цыпленок на шампуре среди огня,
Содроганье еженощно сотрясает и меня.

Питаться хлебом негодяя? Мне будет смерть принять
милей;
Просить, достоинство теряя? Не знаю доли тяжелей!

Настигнуть смерть меня хотела, но лишь руками
развела,
Как лучник, если мимо цели прошла последняя стрела.

ПРИМЕЧАНИЯ

Данный сборник имеет своей целью представить русскому читателю самую раннюю эпоху развития классической литературы на персидско-таджикском языке (конец IX—X в.), мало известную русским любителям поэзии. Более того, сколько-нибудь полной картины этой литературной эпохи, отмеченной особой творческой интенсивностью, нет и у специалистов-литературоведов. Дошедшие до нас литературные тексты «Адама поэтов» Рудаки, его современников и последователей (хотя и отстоящих друг от друга по времени довольно далеко, но в целом составивших так называемую «школу Рудаки») разрозненны, фрагментарны, сведения о поэтах скудны и противоречивы. Однако, собранные воедино, эти остатки былой мощной поэтической культуры сохраняют огромную художественную ценность.

В поэтических антологиях, толковых словарях и стиховедческих трактатах сохранились лишь отдельные стихотворения, фрагменты газелей и касыд, разрозненные бейты Рудаки. Вплоть до XIX в. не предпринималось никаких работ по собиранию сохранившихся фрагментов поэтического наследия Рудаки. Лишь в 1873 г. немецкий востоковед Г. Эте впервые тщательно изучил источники, содержащие его поэтическое наследие. В результате этих изысканий в № 25 «Сообщений Королевского общества науки и Университета г. Геттингена» за 1873 г. были изданы собранные из разных источников стихи Рудаки, в сопровождении переводов на немецкий язык (Ethe Hermann, Rudagi, der Samanidendichter. — Nachrichten von der Königlich Gesellschaft der Wissenschaften und der G. A. Universität zu Göttingen, 1873, № 25, S. 663—742). Работа Г. Эте по выявлению и собиранию сохранившихся стихов Рудаки была продолжена и другими учеными. Так, австрийский ученый П. Хорн в 1897 г. впервые обнаружил 16 бейтов из поэмы Рудаки «Калила и Димна» в толковом словаре XI в. «Лугати фурс». Вместе с тем в процессе поисков и публикации стихов Рудаки было установлено, что в некоторых источниках ему приписывали отдельные стихи других поэтов, в том числе большое количество стихов персидского поэта XI в. Катрана Тебризи.

В 1924 г. была опубликована статья английского ориенталиста Дениссона Росса «Рудаки и псевдо-Рудаки», в которой автор, приводя факты смешения стихов других поэтов со стихами Рудаки, поставил вопрос о необходимости более углубленного и критического изучения источников, содержащих произведения, приписываемые Рудаки.

В 1926 г. в Москве вышла книга Садриддина Айни «Образцы таджикской литературы» (арабским алфавитом). В этом издании С. Айни собрал и стихи Рудаки как родоначальника персидско-таджикской поэзии из всех доступных ему в то время источников, продолжив работу по изучению поэтического наследия Рудаки. В 1940 г. он совместно с А. Дехоти выпустил книгу «Устод Рудаки», представляющую собой исследование жизни и творчества поэта и наиболее полное собрание сохранившихся стихов Рудаки.

В тридцатые годы одновременно с Айни видный иракский ученый и писатель Саид Нафиси (1895—1966) занимался изучением эпохи, биографии и поэтического наследия Рудаки. Итогом его трудов была трехтомная монография «Ахвал ва асаре Рудаки» («Жизнь и наследие Рудаки»). Третий том этой монографии посвящен текстологическому анализу поэтического наследия Рудаки. С. Нафиси удалось собрать из 78 рукописных источников и изданных на Востоке и Западе книг 832 бейта (1664 строки) дошедших до нас стихов Рудаки. Это было первое наиболее полное собрание сохранившихся фрагментов поэзии великого художника слова.

В начале пятидесятых годов — в связи с предстоявшим в 1958 г. 1100-летним юбилеем со дня рождения Рудаки — в Таджикистане были осуществлены дополнительные работы по изысканию и сбору его стихов. В новых письменных источниках было найдено еще 145 бейтов из произведений Рудаки.

В 1958 г. в Душанбе изданы книги под названием «Осори Рудаки» («Наследие Рудаки») — арабским и современным таджикским алфавитом. — вобравшие в себя все из литературного наследия Рудаки, обнаруженное С. Нафиси и таджикскими учеными.

В 1962 г. в Тегеране С. Нафиси опубликовал новую книгу — «Эпоха, жизнь и творчество Рудаки» (второе, дополненное и переработанное издание его трехтомной монографии о Рудаки), последняя часть которой содержала собрание произведений поэта. Количество бейтов в ней доведено до 1047 (2094 строки). Последующие издания как на языке оригинала, так и в переводе на русский язык основывались преимущественно на указанной книге Нафиси. Среди них — изданные в 1964 г. в Москве в издательстве «Наука» собрание стихотворений Рудаки в арабской графике в сопровождении русского стихотворного перевода (Рудаки, Стихи. Редакция и комментарий И. С. Брагинского), а также в 1973 г. в Душанбе в современном таджикском алфавите (Рудаки, Шеърхо. Предисловие, составление У. Каримова и С. Садиева. Под редакцией Р. Хадидзаде и М. Н. Османова).

В текстологическом и источниковедческом изучении поэтического наследия Рудаки огромная заслуга принадлежит С. Нафиси. В результате тщательного сопоставления многочисленных первоисточников ему удалось установить подлинность почти всех обнаруженных им и его предшественниками стихотворений Рудаки. Ученый реконструировал ряд стихотворений из разрозненных фрагментов и бейтов на основе соответствия стихотворных метров и способов рифмовки. Эта реконструкция, к сожалению, в некоторых случаях осуществлена без учета стилистических особенностей и смысловой связи между бейтами и отдельными фрагментами; в некоторых объединенных произведениях нет смысловой и стилистической цельности. Этот существенный недостаток был впервые отмечен составителями книги «Рудаки. Стихи» — У. Каримовым и С. Садиевым, однако они не решились исправить текст Нафиси, ибо для окончательного уточне-

ния текста необходимо провести комплексную коллективную текстологическую работу. Поэтому текст стихов Рудаки, подготовленный Нафиси в двух изданиях его монографии, принят в настоящее время (с некоторыми уточнениями) за основу изданных сборников как на языке оригинала, так и в переводах на русский язык.

Первое собрание произведений Рудаки на русском языке было издано в Душанбе в 1949 г. в связи с декадой таджикской литературы в Москве (Рудаки, Сталинабад, 1949. Предисловие и составление И. С. Брагинского). Эта публикация положена в основу следующего издания Рудаки, вышедшего в Душанбе в 1955 г. В 1957 г. в Москве Гослитиздат выпустил «Избранное» Рудаки. В связи с 1100-летним юбилеем поэта в Москве и Душанбе были изданы два аналогичных сборника. В последующие годы вышли следующие книги: Рудаки, Стихи, М., 1963; Рудаки, Стихи. Редакция и комментарий И. С. Брагинского, Москва, 1964 (упомянутый выше стихотворный перевод с текстом оригинала в арабском алфавите); Рудаки, Лирика. Душанбе, 1978.

Первая серьезная научно-исследовательская работа по выявлению и сбору сохранившихся стихов поэтов эпохи Саманидов — времени Рудаки — была также предпринята Сандом Нафиси. В приложении к третьему тому указанной выше монографии Рудаки Нафиси дал сводно-критический текст стихов поэтов — современников и преемников Рудаки, кропотливо собранных им из огромного количества письменных источников — антологий, толковых словарей, стиховедческих трактатов, исторических хроник и т. д.

В связи с 1100-летием Рудаки в Душанбе был издан сборник «Хамасрони Рудаки» («Современники Рудаки»), охватывающий все доступное в то время поэтическое наследие современников и преемников Рудаки. В основе этого сборника лежал вышеупомянутый текст, подготовленный С. Нафиси. Это первый полный сборник поэтического наследия 56 поэтов — современников Рудаки и поэтов второй половины X и начала XI в. Здесь представлены и поэты, жившие и творившие на западе Ирана, в областях, не зависимых от Саманидского государства и представлявших самостоятельные литературные круги, где наряду с арабоязычной литературой была развита и поэзия на языке фарси. Сюда же включены и поэтические фрагменты поэтов — предшественников Рудаки, творивших в VIII—IX вв. в Бухаре и Хорасане. Позже критический текст 19 видных поэтов X в., в основном саманидской эпохи, был издан в Тегеране известным французским востоковедом Ж. Лазаром (Gilber Lazard, *Les premiers poètes persans (IX-e — X-e siècles). Fragments rassemblés, édités et traduits*, t. I — II, Teheran, Paris, 1964). Ж. Лазар включил в этот труд образцы поэзии еще трех поэтов, отсутствовавших в прежних изданиях поэтического наследия современников Рудаки.

Образцы стихов поэтов — современников и преемников Рудаки были включены в сборник стихов, изданный в Душанбе в 1955 г. Здесь представлено творчество 9 поэтов: Абу Шакурн Балхи, Шахида Балхи, Хусравани, Умаро из Хорасана, Хаббаза Нишопури, Раба Каздари, Ибрагима Мунтасира, Кисаи и Дакики. Произведения нескольких из них вошли в изданные «Антологии таджикской поэзии» в 1951 и 1959 гг. в Москве. Образцы стихов отдельных поэтов X в., современников и преемников Рудаки, помещены также в сборнике «Поэты Таджикистана», вышедшем в Малой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1972).

Настоящее издание представляет читателю творчество Рудаки, его современников и преемников наиболее полно по сравнению с предыдущими русскими изданиями. При подготовке нового русского перевода проведены дополнительные текстологические уточнения в расшифровке отдельных слов и выражений, а также устранены некоторые текстуальные ошибки и неясности в реконструированных фрагментах. Большинство произведений помещено в новых переводах, остальные переводы заново отредактированы. Для более точной передачи смысла и во избежание монотонности русские переводы в некоторых случаях допускают отступления от строгой моноримы или одинаковых размеров подлинника (например, касыда Баде Балхи переведена парными рифмами, а не традиционной рифмовкой, так же зарифмованы первые четыре бейга в «Касыде о винограде и вине» Башшара Маргази). Новые переводы принадлежат Дм. Виноградову и Т. Стрешневой, включены также переводы Ц. Бану и В. Левика, входившие в предыдущие издания. Подстрочные переводы текстов подготовлены Р. Хади-заде (Рудаки, Фаралави, Шахид Балхи (кроме переводов В. Левика), Рабаджани, Башшар Маргази, Абульмасал, Абульхасан Агаджи, Шакир Бухари, Тайян Маргази, Маруфи Балхи, Баде Балхи, Тахир Чагани, Мунджик Термези, Камари Джурджани) и Н. П. Рычковой (Абу Шакур Балхи, Имара Марвази, Раба Каздари, Лавкари Чагзан, Дакики, Абу Зираа, Мантики Рази, Дакики (кроме перевода Ц. Бану), Хусравани, Хусрави).

Первый раздел включает почти все известное в настоящее время поэтическое наследие Рудаки на основе текстов, напечатанных ранее на таджикском языке (в том числе изданных в 1973 г. в Душанбе). Во втором разделе представлено творчество поэтов круга Рудаки, связанных с его школой или живших одновременно с ним, а также поэтов, чье творчество относится ко второй половине X и началу XI века. Последовательность расположения авторов зависит от степени близости их к Рудаки по времени или по характеру творчества, однако крайняя скудость дошедших до нас сведений делает это расположение весьма условным. Последовательность расположения произведений каждого автора неодинакова и зависит от характера сохранившихся текстов. Произведения Рудаки делятся на две части: I — законченные произведения, дошедшие до нас полностью; II — произведения, сохранившиеся в отрывках. Внутри каждой части тексты расположены в соответствии с традиционной последовательностью в классических диванах таджикско-персидских поэтов: касыды, кыта, газели, рубай, бейты. Отдельно помещены месневи, которые, как правило, не входили в состав диванов. В разделе, посвященном современникам и преемникам Рудаки, выдержана определенная последовательность не всегда возможно ввиду крайней фрагментарности сохранившихся текстов. Здесь на первом месте помещаются произведения, которые были ведущими в творчестве того или иного поэта, а также наиболее полно сохранившиеся (так, поэмы «Афариннаме» Абу Шакура Балхи и «Шахнаме» Дакики помещены, вопреки традиции, в начале разделов как произведения основополагающие для этих поэтов).

Не найденные при реконструкции стихов строки заменены строками точек, отсутствие связи между фрагментами реконструированных произведений указано пробелами в наборе.

Определение жанровой принадлежности большинства фрагментов (за исключением известных касыд, газелей и рубай) в достаточ-

лой мере условно. Это особенно относится к кыта, так как по сохранившимся фрагментам трудно установить, были ли это стихи в форме кыта или они являются уцелевшими отрывками газелей. Под заголовком «Бейты» объединяются отдельные бейты и фарды (двустопица без парной рифмы) из разных произведений. Деление бейтов по жанрам также условно и основано на их содержании (панегирик, лирика, сатира и т. д.).

Поэты мусульманского Востока, как правило, не давали заглавий своим произведениям. Этому правилу в основном следует и данный сборник, в нем обозначена преимущественно жанровая принадлежность. Заглавия некоторых произведений, указанные в первоисточниках и ставшие традиционными, сохраняются. Отдельные заглавия даны составителем с учетом содержания. В этих случаях в содержании приводится также первая строка стихотворений, сохранившихся полностью, первые строки фрагментов и бейтов не указываются.

В передаче собственных имен, географических названий, исторических и мифологических понятий принято за основу традиционное таджикское произношение с учетом вариантов, вызванных влиянием арабского и персидского произношений, а также форм, прямо укоренившихся в передаче на русский язык («бейт», «Йемен», «месневи» и т. п.). Исключение составляет текст дошедшей до нас части «Шахнаме» Дакики, изданной в переводе Ц. Бану в составе одноименной эпопеи Фирдоуси в серии «Литературные памятники» (Фирдоуси, Шахнаме, т. 4, М., 1969, с. 64—125): написание собственных имен и названий в тексте данного издания оставлено нами без изменений, дается в соответствии с иранским произношением. Эти имена и названия в подавляющем большинстве специально не поясняются, так как их значение ясно из контекста. Все остальные имена, географические названия и понятия, связанные с культурой и бытом народов Востока, а также специфические термины и слова, употребленные без перевода, поясняются в Словаре. Пояснение отдельных мест текста дается также в примечаниях. Биографические сведения о поэтах (кроме Рудаки) приведены в биографических справках, все сведения о Рудаки — во вступительной статье.

При подготовке книги использована следующая литература:

- Б. Гафуров, Таджики, М., 1972.
Ибн Сина, Избранные философские произведения, М., 1980.
Низами Арузи Самарканди, Собрание редкостей, или Четыре беседы, М., 1962.
Саид Нафиси, Ахвал ва асаре Рудаки (Жизнь и наследие Рудаки), тт. 1—3, Тегеран, 1930—1940.
С. Нафиси, Мохет ва ахвал ва асаре Рудаки (Эпоха, жизнь и творчество Рудаки), Тегеран, 1962.
С. Айни, Устод Рудаки. Эпоха, жизнь, творчество. Составление, примечания и редакция И. С. Брагинского, М., 1959.
А. Тагирджанов, Рудаки. Жизнь и творчество. История изучения, Л., 1968.
А. Е. Бертельс, Рудаки и карматы. — В сб.: Рудаки и его эпоха, Сталинабад, 1958.
А. Н. Болдырев, Был ли Рудаки исмаилитом? — Archiv Orientalné, Praha, № 30, 1962.

- М. Герасимов, Опыт воспроизведения документального портрета по скелету из Панджруда, Сталинабад, 1958.
- И. М. Фильштинский, Арабская литература VIII—IX веков, М., 1978.

РУДАКИ

I

КАСЫДЫ

1. Касыда, во вступительной части (ташбибе) которой описывается способ приготовления вина, посвящена эмиру Систана Абу Джафару Ахмаду ибн Мухаммаду. По свидетельству анонимного автора «Истории Систана» (единственного источника, благодаря которому текст касыды дошел до нас), саманидский правитель Наср ибн Ахмад устроил торжественный пир по случаю победы Абу Джафара над восставшим против Саманидов наместником Макана и поручил Рудаки сложить касыду, которая была послана в Систан вместе с закупоренным сосудом вина. *И тюроквоиновряды*. Костяк войска Саманидов и личная гвардия правителя набирались преимущественно из тюркских воинов. *Изэлементовчетырех*. Четыре элемента — воздух, вода, земля и огонь, согласно древневосточной философии, являются основой мироздания. *Солнце Саманидов* — Наср ибн Ахмад, вассалом которого был Абу (Бу) Джафар Ахмад ибн Мухаммад.

3. *Книга откровений* — Коран.

7. Об истории создания этой касыды, видимо дошедшей до нас не полностью, см. вступ. статью, с. 20.

КЫТА

41. Ответ на эту загадку — калам.

ГАЗЕЛИ

51. *Ночь определений* — 27-я ночь рамазана, в которую, по преданию, Мухаммаду были ниспосланы богом первые стихи Корана, священной книги мусульман.

53. *Вавилона колдовство*. Имеется в виду предание об ангелах Харуте и Маруте, учивших колдовству всех тех, кто утолял их постоянную жажду.

II

ФРАГМЕНТЫ ИЗ РАЗНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ИЗ ГАЗЕЛЕЙ

112. *Низвергнут ангела с небес, на дно колодца сбросят вниз*. Имеется в виду легенда о Харуте и Маруте.

124. *Тюркский ангел*. Тюркские женщины считались образцом красоты.

БЕЙТЫ ИЗ РАЗНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

129. *Пусть Сатурн приносит горе* и т. д. Согласно восточной астрологии, планета Сатурн (К а й в а н) приносит несчастье, Юпитер (О р м у з д) является знаменем счастья и удач. *В огне, как саламандрa, не сгорит*. По преданию, саламандра (семендер) обладает способностью сгорать и вновь возрождаться из пламени.

ФРАГМЕНТЫ И БЕЙТЫ ИЗ МЕСНЕВИ

133—139. Об этих произведениях см. вступ. статью, с. 29.

134. *В созвездие Овена вступило солнце в срок*. Солнце вступает в созвездие Овена (Овна) 21—22 марта, это время считается началом весны.

ПОЭТЫ ВРЕМЕНИ РУДАКИ

ЛБУ ШАКУР БАЛХИ

150—151. *Лев* — название созвездия.

МАРУФИ БАЛХИ

164—166. 2. *Крик, призывающий утром к молитве*, — а з а н.

БАДЕ БАЛХИ

168. *В пору весеннего цветенья... «Ты ль, смельчак, желанный друг?»... Он возродил понятие «гордость»* — в оригинале все эти слова написаны по-арабски.

ДАКИКИ

174—183. 4. *Я отчаялся: Плеядам надо мною век стоять!* По мусульманским поверьям, созвездие Плеяд символизирует несчастье. 5. *Рыбы* — название созвездия.

КИСЛИ

208. *Трехсотсороковой к концу... Среда. Еще четыре дня — пройдет шавваль, и минет год*. По мусульманскому лунному летоисчислению (хиджре) упомянутая здесь дата (25 число месяца шавваль 340 г.) соответствует 25 марта 952 г.

ХУСРАВАНИ

217—218. Эти стихотворения в некоторых источниках приводятся как фрагменты касыд, однако законченность формы и глубоко лирический тон дают основание считать их газелями.

СЛОВАРЬ

- Абан* — название месяца в древнеиранском солнечном календаре; продолжается с 21 октября по 21 ноября.
- Абу Абдуллах Мухаммад ибн Ахмад Джейхани* — везир Насра II, просвещенный покровитель искусств.
- Абу Бакр Мухаммад ибн Закарийа Рази* (865—925) — таджикско-персидский ученый и философ, родился в Рее (откуда и его н и с б а — Рази), оставил громадное научное наследие в философии, химии, минералогии и других науках.
- Абу (Бу) Джафар Ахмад ибн Мухаммад* — эмир Систана, один из вассалов саманидского правителя Насра II.
- Абу (Бу) Саад Музаффар* — правитель Чаганиана.
- Абу (Бу) Ханифа* (699—767) — теоретик ислама, основатель толка ханифитов.
- Абульфаза* — см. *Балами*.
- Абульхасан Муради* — Абульхусейн Мухаммад ибн Мухаммад Муради Бухари, поэт — современник Рудаки, писал на фарси и на арабском языке; из его огромного поэтического наследия сохранились два бейта на фарси и несколько фрагментов на арабском языке, приведенных в антологиях.
- Авеста* — священная книга зороастризма, создавалась в протяжении многих веков, кроме религиозных догматов содержит отголоски древнеиранских эпических сказаний. Дошедшие до нас части Авесты написаны на древнеиранском языке; переведены на персидский и многие другие языки мира.
- Аднан* — один из придворных вельмож Саманидов.
- Азан* — призыв на молитву (намаз), которая совершается у мусульман обычно пять раз в сутки.
- Азар* — 1) в мифологии зороастризма наиболее почитаемый из ангелов, хранитель огня, сын верховного бога Ахмура Мазды, воплощающего добро на земле; 2) в мусульманской мифологии — отец Ибрахима, идолопоклонник и ваятель идолов; название девятого месяца древнеиранского солнечного календаря, продолжается с 21 ноября по 22 декабря.
- Азхар* — вероятно, персонаж не дошедшей до нас арабской или персидской повести.
- Айван* — портал, галерея, терраса перед домом; дворец.
- Айн* — буква арабского алфавита, изогнутая по начертанию; в поэзии с ней сравниваются кудри красавицы.
- Айюб* — соответствует библейскому Иову; праведник, безропотно выдержавший бедствия и муки, посланные ему богом; в поэзии — символ терпения в страдании, в частности любовном.

Али — двоюродный брат и зять пророка Мухаммада, его приемник (651—656), один из первых четырех халифов, наиболее образованный из них, толкователь Корана, поэт и храбрый воин; убит противниками, после чего признан святым сторонниками шиизма.

Алиды — потомки и последователи Али, исповедовали шиизм.

Алиф — первая буква арабского алфавита, имеет форму прямой вертикальной черты. В поэзии — символ стройности.

Алла — аллах, бог.

Амман — древнее государство на Аравийском полуострове.

Амр (Амир) — герой арабского героического эпоса.

Амр ибн Лайс — правитель из династии Саффаридов (годы правления 879—901), родом из Сисстана.

Антар — Антара ибн Шеддад, герой арабского героического эпоса, поэт и храбрый воин, богоборец.

Арак — крепкий алкогольный напиток.

Аргуван — дерево с ярко-красными цветами; иносказательно: багровый, пурпурный цвет.

Ареш — герой древнеиранского эпоса, упоминаемый в Авесте, искусный стрелок из лука; согласно легенде, пытался установить границы иранских земель, пустив стрелу «от горы Арехшуга до горы Хванванта».

Аржанг — священная книга манихейцев, последователей Мани, символ всего прекрасного, изящного.

Аруз — система стихосложения, разработанная в арабской поэзии. Аруз прочно вошел в персоязычную и тюркоязычную письменную поэзию и поэзию на урду. В арузе насчитывается около семидесяти стихотворных размеров, производных от двенадцати основных метров (бахров): рамал, хазадж, мутакариб, саре, хафиф, раджаз, мугори и др.

Асади Туси — Абу Мансур Али ибн Ахмад Асади, персидско-таджикский поэт XI в., родился в Тусе; автор поэмы «Гаршаснаме», созданной по мотивам древнеиранского эпоса; на основе поэзии X в. создал толковый словарь языка фарси, благодаря которому до нас дошло большое количество образцов этой поэзии.

Афрасияб — легендарный царь Турана, воевавший с иранскими царями.

Ахмад Убайдуллах — см. *Абу Абдуллах Мухаммад ибн Ахмад Джейхани*.

Ахриман — злой дух, дьявол; в религии зороастризма — воплощение зла.

Бадахшан — горная область на северо-востоке Центральной Азии (ныне на территории Советской и Афганской частей Памира); славилась прекрасными самоцветами, в особенности рубинами.

Балами — фамильное прозвище двух влиятельных везиров саманидских эмиров: отец — Абульфазл Мухаммад ибн Убайдулла (ум. 940), везир при эмире Насре II; сын — Абу Али Мухаммад ибн Мухаммад (ум. 974) — везир, ученый и историк своего времени, перевел с арабского на фарси «Историю Табарн».

Балх — один из культурных центров древней Бактрии (на территории современного Афганистана).

Барбад — имя легендарного певца при дворе сасанидского царя Хосрова Парвиза.

Барбат — древний струнный музыкальный инструмент, то же, что руд.

Бахрам — таджикско-персидское название планеты Марс.

Баштар — в древнеиранской мифологии покровитель облаков и дождей.

Бейт — основная единица арабского и персоязычного стихосложения, состоящая из двух строк-полустихий (мисра).

Бисутун — гора в Северо-Западном Иране, в которой, по преданию, был прорыт канал Фархадом.

Бу Джафар Ахмад ибн Мухаммад — см. *Абу Джафар Ахмад ибн Мухаммад*.

Бу Суфьян — см. *Суфьян*.

Бу Саад — см. *Абу Саад Музаффар*.

Бу (Абу) Умар — придворный вельможа Саманидов.

Бу Ханифа — см. *Абу Ханифа*.

Бульмасал — Абульмасал, персидско-таджикский поэт (см. о нем с. 134).

Везир — министр, сановник, ближайший советник правителя.

Газ — мера длины, равная 102 см.; инструмент измерения.

Газель — короткое монорифмическое стихотворение, имеющее, как правило, семь — двенадцать бейтов, с системой рифмовки аа, ба, ва и т. д. и с упоминанием псевдонима поэта (обычно в последнем бейте); классическая газель оформилась в XII в., до X в. газелью называлось любое лирическое стихотворение, посвященное теме любви, без обязательного упоминания псевдонима и без строгой композиции.

Газневиды — династия тюркского происхождения, основана султаном Махмудом (998—1030) со столицей в Газне (близ современного города Газнин в Афганистане).

Ганджа — древний культурный и торговый центр (ныне — Кировабад, областной центр в Азербайджане).

Гонбедан-деж — мифический многобашенный замок.

Гулоб — розовая вода, извлекаемая из розовых лепестков путем перегонки, употребляется для приготовления напитков и сладостей.

Гуль — скиталец.

Гулям — раб, слуга, обычно тюркского происхождения; воин, смелый юноша; красавец.

Даль — буква арабского алфавита, изогнутая по начертанию; в поэзии с ней сравниваются кудри красавицы.

Дастан (Дестан) — 1) прозвище легендарного иранского царя-богатыря, отца Рустама; 2) сказание, эпическое произведение в письменной литературе и фольклоре, состоит из перемежающихся стихотворных и прозаических частей.

Даstur (дестур) — везир, первый министр.

Дебир — писарь.

Дей — десятый месяц древнеиранского солнечного календаря; соответствует декабрю — январю.

Дервиш — странствующий суфий (последователь суфизма — философско-мистического учения); бедняк, нищий скиталец.

Дехкан — крупный феодал-землевладелец в период до арабского завоевания и в первые века мусульманства в Иране и Средней Азии; с конца XI в. — землевладелец, крестьянин.

Джайхун (Джейхун) — арабское название Амударьи.

Джамшид (*Джемшид*) — легендарный древнеиранский царь из династии Пишдадидов, обладал несметными богатствами, в том числе волшебной чашей, с помощью которой видел все происходящее на земле; его правление считалось «золотым веком» земли и продолжалось 700 лет, после чего он был свергнут богом в наказание за гордыню.

Джарир ибн Атийя ибн аль-Хатафа (ум. между 728 и 733 гг.) — арабский поэт, автор касид, газелей и сатирических стихов.

Джейран — олень; в поэзии символ грациозности и проворности.

Джехан-пахлаван — букв.: богатырь мира; прозвище первого легендарного иранского богатыря.

Джим — буква арабского алфавита, по начертанию напоминающая дугу; в поэзии локон красавицы уподобляют начертанию этой буквы.

Джулаб — поэт, современник Рудаки; сохранилось восемь бейтов его стихов.

Дие — злой дух, демон.

Димна — один из двух шакалов, героев произведения Рудаки «Калила и Димна».

Динар — золотая монета.

Дирхем — серебряная монета.

Дуг — прохладительный напиток из кислого молока, получается из отходов при сбивании сливочного масла.

Дульдуль — кличка коня Али, подаренного ему пророком Мухаммадом.

Заль — легендарный древнеиранский правитель, отец Рустама.

Занд (Зенд) — букв.: комментарий; перевод и комментарий Авесты на пехлевийском языке; сохранились отдельные части Занда и комментарий к ним (*Иардак* или *Пазанд*).

Заргар — ювелир, золотых дел мастер.

Зардушт (Заратуштра, Зороастр, Зердешт. VIII или VII в. до н. э.) — полубогатранский основатель древнеиранской религии зороастризма.

Захра — прозвище Фатимы, дочери пророка Мухаммада, жены Али, матери Шабара.

Захак — мифический царь-тиран, иноземный завоеватель, низвергнутый восставшим народом, возведшим на престол законного царя Фаридуна.

Зиндан — темница, тюрьма.

Зороастризм (парсизм) — дуалистическая религия древнего Ирана, основанная Заратуштрой (*Зардуштом*) ок. VII в. до н. э.; основные положения ее изложены в Авесте.

Зухаль — арабское название планеты Сатурн, то же, что *Кайван*.

Зухра — 1) арабское название планеты Венеры; по преданию, Зухра была покровительницей музыки; 2) название арабского племени.

Ибрахим — соответствует библейскому Аврааму, мусульманский пророк; одно из преданий рассказывает, что он разбил идолов, которым поклонялись иудеи, за что подвергся жестокому преследованиям. Был предан сожжению идолопоклонниками, но остался невредимым.

Иов — см. *Айюб*.

Иосиф Прекрасный — см. *Юсуф*.

Ирадж (Иредж) — один из сыновей Ф а р и д у н а, которому было даровано иранское царство.

Иса — 1) соответствует евангельскому Иисусу Христу; почитается мусульманами как пророк, один из предшественников М у х а м м а д а; согласно легенде, обладал способностью оживлять мертвых, возвращать зрение, дар речи и т. п.; 2) музыкант саманидского двора, упомянутый в стихах Рудаки.

Искандар — Александр Македонский (356—323 до н. э.); в поэзии — образ мудрого, могущественного и справедливого правителя.

Исмаилизм — одна из наиболее распространенных сект шиизма, возникшая в VIII в. в арабском халифате в результате классовых противоречий. Название происходит от имени Исмаила, старшего сына шиитского имама Джафара, которого исмаилиты считали единственным законным наследником имамата.

Исфандияр (*Исфендиар*) — легендарный иранский богатырь, сын царя Гуштаспа (Гоштаспа).

Иардак (Пазанд) — комментарий к З а н д у.

Иездан — бог.

Иезид — бог, творец.

Йемен — страна на юге Аравийского полуострова; по преданию, из Йемена восходит яркая южная звезда Каноп; в поэзии распространен образ йеменского рубина и сердолика.

Кааба — священный храм в Мекке, место паломничества мусульман; иносказательно — святилище.

Каве — имя легендарного кузнеца, который поднял восстание против тирана Заххака, укрепив на острие пики как знамя свой кожаный фартук, который впоследствии стал шахским штандартом.

Кавсар — источник в раю.

Каджабоз — букв.: играющий в «каджу» — «колечко», игру, во время которой играющие становятся в круг и передают колечко за спиной из рук в руки, пока оно не останется у одного из них; водящий, стоя в центре круга, должен угадать, кто держит кольцо.

Кайван — персидско-таджикское название планеты Сатурн, олицетворение несчастий.

Кайсар (кейсар) — кесарь, титул римского (византийского) императора.

Калам — тростниковое перо; кисть.

Калила — один из двух шакалов, героев произведения Рудаки «Калила и Димна».

Калот — город в Т у р а н е, где жил Фаруд, сын Сиявуша, герой эпических сказаний.

Карлуки — тюркские племена.

Карматство — одна из сект исмаилизма, возникших в Южной Месопотамии. Карматы, в большинстве крестьяне и ремесленники, с конца IX в. осуществили ряд антифеодальных выступлений против аббасидского халифата, а в начале X в. создали свое государство.

Карун — соответствует библейскому Кора, в поэзии — олицетворение богатства и скарденности.

Касыда — торжественная ода, монорифмическое произведение панэпиграфического или дидактического содержания. Усвоена персидско-таджикской поэзией из арабской литературы и трансформиро-

вана в духе иранских литературных традиций. Классическая касыда включала в себя несколько частей: вступительную — ташбиб, или насиб, где воспевалось вино, возлюбленная, описывались картины природы и т. д.; основную — восхваление покровителя (мамдуха) и его деяний; заключение, в котором поэт говорит о себе и благословляет своего покровителя.

Каф — легендарная гора или горная цепь, находящаяся на краю земли, обители перси.

Каяниды (Кеяниды, Кеяны) — династия легендарных царей: Кай-Кавус, Кай-Кубад, Кай-Хосров и др.

Кебаб — шашлык, жаркое, жареное мясо.

Кергесаран — древний город в Туране.

Кешмарское дерево — легендарное дерево (кипарис), посаженное Зардуштром в селении Кешмар в Херасане; по преданию, оно было так велико, что под ним могли пастись десять тысяч баранов.

Кеянский — относящийся к легендарной династии Ксеянидов (Каянидов).

Кисра — сасанидский царь Хосров Ануширван; обобщенное прозвище сасанидских царей.

Коран — букв.: чтение; священная книга мусульман, содержащая преимущественно проповеди пророка Мухаммада.

Кулах — головной убор.

Кунья — прозвище, приставка к имени собственному, обычно слово Абу (букв.: отец, обладатель).

Курды — народ, происходящий от одного из древнеиранских племен и населяющий горные районы на территории современных Ирака, Ирана и Турции.

Куфи — одна из ранних разновидностей древнего арабского почерка, разработанная в городе Куфа на берегу Евфрата.

Кыбла — направление в сторону Мекки, куда мусульмане обращаются во время молитвы; иносказательно — святыня.

Кыта — букв.: кусок, фрагмент; краткое монорифмическое стихотворение от 5 до 20 более бейтов, философско-дидактического и лирического содержания. В поэтическом наследии Рудаки и его современников так называются многие фрагменты и отрывки из касыд и газелей.

Лал — рубин.

Лейли — героиня сказания, возлюбленная Меджнунa.

Лугз (лугаз) — букв.: загадка; форма лирической поэзии, в которой поэт дает описание различных объектов, одушевленных и неодушевленных, не называя их. Лугз часто приводился и в начале касыды как ташбиб (см. также насиб).

Лукман — мифический мудрец, частый персонаж восточных преданий; ему приписывают афоризмы, сентенции и назидания, собранные в отдельные трактаты и сборники.

Маджс — искусный певец-декламатор, исполнитель произведений Рудаки на торжественных приемах саманидских правителей; его имя упомянуто в одном из произведений Рудаки.

Маджлис — букв.: собрание; пиршество царей и вельмож.

Мадх — панегирик, восхваление.

Май — легендарный город.

- Макан** — эмир, правитель Хорасана, в 922 г. выступил против Насра II, был побежден Абу Джафаром и оставлен в живых по милости победителя.
- Мани** (ок. 216—276) — основатель религиозного учения, названного по его имени манихейством; по преданию, был непревзойденным художником.
- Мансур** — Хусейн ибн Мансур Халладж, поэт и суфий, был казнен в 921 г. за вольнодумство, противоречащее ортодоксальному исламу.
- Марсия** — стихотворное произведение в форме касиды, траурная элегия.
- Марут** — см. *Харут и Марут*.
- Масих** — второе имя Исы.
- Махмуд Ямин Себуктегин** — основатель и один из наиболее могущественных правителей династии Газневидов (годы правления 998—1030); Фирдоуси намеревался преподнести ему «Шахнаме».
- Махшар** — по преданию, место, где будут собраны люди в день Страшного суда.
- Меджнун** — букв.: безумный, одержимый; прозвище Кайса, героя распространенной на Востоке легенды о Лейли и Меджнуне; образ несчастного, обезумевшего влюбленного.
- Мекка** — город на Аравийском полуострове, религиозный центр ислама, место паломничества мусульман, где находится священный храм Кааба.
- Мерв** — древний город, центр Мервского оазиса на реке Мургаб, вблизи современного города Мары Туркменской ССР; в X—XIII вв. был одним из крупных центров таджикско-персидской литературы; поэты, происходившие из Мерва, получали псевдоним Марвази или Маргази.
- Месневи** — букв.: двойной, двойственный; бейт или стихотворение со смежными рифмами (аа, бб, вв и т. д.); крупное поэтическое произведение с такой системой рифмовки.
- Мехри-Борзин** — один из пяти (по другой версии — семи) зороастрийских храмов огня; по свидетельству источников III—VII вв., находился в горах Раванд к северу от Нишапура.
- Мим** — буква арабского алфавита в виде маленького колечка; в поэзии символ уст красавицы.
- Минбар** — возвышенное место в мечети, род кафедры, с которой проносятся проповеди.
- Миррих** — планета Марс.
- Михр** — девятый месяц древнеиранского солнечного календаря, начинается 21 сентября, в праздник Михрган — день осеннего равноденствия.
- Михраб** — ниша в мечети, ориентированная в сторону Мекки, куда обращаются молящиеся и где стоит имам (священнослужитель, совершающий богослужение).
- Мобед** — жрец в религии зороастризма; мудрый советник.
- Музоре** — один из основных метров аруза.
- Мульян** — местность близ Бухары, прославившаяся прекрасными садами и загородными дворцами; название ручья, протекавшего по этой местности.
- Мункир** — см. *Накир и Мункир*.
- Мутакариб** — один из основных метров аруза, им написана эпиграфа «Шахнаме».

Муса — соответствует библейскому Моисею; почитается мусульманами как пророк; с его именем связано много легенд, в том числе о чудодейственной силе его посоха, способного превращаться в дракона.

Мухаммад (570—632) — арабский религиозный и государственный деятель, основатель религии ислама, почитается мусульманами как пророк.

Муштари — арабское название планеты Юпитер.

Набид — вино из фиников.

Наза — легендарный язычник и огнепоклонник.

Навруз — новогодний праздник древнеиранских народов, отмечался в день весеннего равноденствия 22 марта, принят мусульманской религией и поныне существует у многих народов Ближнего и Среднего Востока.

Найсан (нисан) — название месяца в древнесирийском солнечном календаре, соответствует апрелю.

Накир и Мункир — по мусульманским поверьям, два ангела, которые подвергают мертвых после погребения допросу о их жизни на земле и отправляют их в рай или ад.

Насиб (ташбиб) — вступительная часть к асыды.

Наср II ибн Ахмад — саманидский эмир (914—943).

Нигушак — принадлежащий к манихейской религии, зороастриец.

Нимруз — древнее название Сисстана.

Нисба — прозвище, добавление к имени, образованное от названия местности и указывающее на происхождение человека.

Новбехар — букв.: новая обитель; древний буддийский монастырь близ Балха.

Нун — буква арабского алфавита, имеет дугообразную форму; в поэзии — символ локонов красавицы; иногда — согбенности от тягот жизни.

Ормузд — в религии зороастризма ангел, носитель добра; таджикско-персидское название планеты Юпитер, олицетворение счастья.

Панджхайр — древний город, упоминаемый в таджикско-персидских сказаниях.

Парвиз — прозвище сасанидского царя Хосрова II (590—628).

Пери — райская дева, добрая фея; в поэзии — символ женской красоты и чистоты.

Пирсалих — знаменитый дехкан при дворе Саманидов.

Раджа — царь; княжеский титул в Индии.

Рази — см. *Абу Бакр Мухаммад ибн Закарийя Рази*.

Рамазан — девятый месяц мусульманского лунного календаря, в течение которого мусульмане обязаны соблюдать пост.

Рахи — легендарный конь богатыря Рустама.

Раи — мера длины.

Рей — древний город в Иране (близ современного Тегерана), один из крупнейших ремесленных и торговых центров средневековья; дал миру ряд известных ученых, поэтов и философов.

Ризван — легендарный страж райских садов.

Рубаи — стихотворная форма, четверостишие, состоит из двух бейтов со схемой рифмовки: *аааа* или *ааба*.

Руд — струнный музыкальный инструмент.
Рум — Византия, иногда — страны западнее Византии,
Рустам (Ростем) — легендарный древнеиранский богатырь, сын
З а л я, герой эпических сказаний.

Садж — специальная одежда, которую в странах ислама должны
носить люди, исповедующие другую веру.

Саид — букв.: глава, предводитель; потомок пророка М у х а м -
м а д а.

Сам — легендарный древнеиранский богатырь, отец З а л я, дед
Р у с т а м а.

Саманиды (Саманы) — династия иранских правителей (819—999).

Санда — дерево с ароматной древесиной, употребляется для изго-
товления благовоний.

Саре — один из основных метров а р у з а.

Сари — древняя столица Мазендарамы (прикаспийская область
Ирана).

Сариян — древний город в Гарджистане (центральная горная об-
ласть на территории нынешнего Афганистана).

Сасаниды — династия иранских правителей (226—651), пала в
VII в. в результате арабского нашествия.

Сахбан ибн Зуфар ибн Айас (Сахбан Вайил, ум. 673) — мусульман-
ский проповедник и поэт, отличался необычайным краспоречием
и остроумием.

Сахлан — гора в горной области на северо-западе Саудовской Ара-
вии.

Симург — мифическая птица, обитала на горе Ка ф, где вырастила
новорожденного З а л я, брошенного в горах отцом.

Сипарам — растение, разновидность базилика.

Сипехбед — военачальник.

Систан (Сеистан) — область на юге современных Ирана и Афгани-
стана, в X в. правители ее находились в вассальной зависимости
от Саманидов.

Сиям (Сам) — гора недалеко от Самарканда, по преданию, на ней
находилось жилище Мукаины, предводителя народного восста-
ния против арабов в VIII в.; предание гласит, что он создал луну
посредством волшебства и, вынимая ее из колодца, освещал
окрестности на четыре тысячи ф а р с а н г о в.

Сулейман — библейский царь Соломон (965—928 до н. э.); мудрый,
справедливый и могущественный правитель, обладавший вол-
шебным перстнем, благодаря которому ему покорялись люди,
животные и духи; в поэзии символ мудрости, богатства и власти.

Суфьян ас-Саури (715—778) — ученый богослов, знаток хадисов (из
речений пророка М у х а м м а д а).

Сухайль — звезда Канопус (альфа созвездия Киля), вторая по ярко-
сти после Сириуса, играла важную роль в средневековой восточ-
ной астрономии; ей приписывалось магическое влияние на чело-
веческую судьбу.

Таи — Абу Тамам Хабиб ибн Авс (ум. 846), арабский поэт.

Тамбур (танбур) — струнный музыкальный инструмент.

Тандыр — глиняная печь для выпечки лепешек.

Танжер — торговый порт в Африке, у входа в Гибралтарский про-
лив.

Тараз — древний город на реке Талас на территории современного Казахстана; в поэзии — родина красивых женщин.

Ташбиб — см. *насиб*.

Туд — один из сыновей Фаридуна, получивший в дар царство Турана.

Туран — древнее название территории севернее Ирана, населенной восточноиранскими, затем тюркоязычными народами (позднее — Туркестан); мифическая страна, враждовавшая с Ираном; в поэзии — родина красавиц.

Турундж — цитрусовое дерево, род померанца.

Тус — название города в Иране (близ Мешхеда).

Урдибихшт — второй месяц древнеиранского календаря, продолжается с 21 апреля по 21 мая; иносказательно — весенняя пора.

Ушшак — один из музыкальных ладов классической таджикской и узбекской музыки.

Фавади — придворный музыкант саманидских правителей.

Факих (фикх) — ученый, знаток мусульманского права.

Фанаруз — местечко близ Самарканда, славившееся винами высокого качества.

Фарвардин — первый месяц древнеиранского солнечного календаря, продолжается с 21 марта по 21 апреля.

Фаридун (*Феридун*) — справедливый царь из мифической древнеиранской династии; с помощью кузнеца Кавсе, возглавившего народное восстание, сверг царя-тирана Заххака, причинявшего бедствия людям.

Фарсанг — старинная мера длины, колеблется от 6 до 10 км.

Фархад — легендарный царь, безнадежно влюбленный в возлюбленную царя Хосрова Парвиза красавицу Ширин, ради которой он прорыл канал сквозь каменную гору Бисутун.

Фархар — 1) древний город, по преданию славившийся красотой своих женщин; 2) название домусульманского храма, украшенного идолами.

Фарш — древний музыкальный инструмент.

Фатимиды — династия арабских халифов (909—1171), официальной идеологией которых было одно из направлений исмаилизма, близкое к карматству.

Хабан (Чабан Хабаи) — придворный флейтист времен Рудаки.

Хаджа (ходжа) — уважаемый человек.

Хаджа Абулькасым — придворный сановник времен Рудаки.

Хазадж — один из основных метров аруза.

Хайбар — оазис между Медной и Дамаском, где в 628 г. под руководством Али были разгромлены последние иудейские племена.

Хайдар — букв.: лев; прозвище Али.

Хакан — государь, правитель; титул, употребляемый обычно в поэзии применительно к китайскому императору и тюркским правителям.

Халлух (*Халлох*) — древний город на востоке Китая; по преданию, славился своим мускусом и красотой женщин.

Харвар — букв.: тяжесть, которую в силах поднять один осел; мера веса, равная 18 пудам.

Харран — влиятельный и именитый дехкан при дворе Саманидов.

- Харун-ар-Рашид* — арабский халиф (786—809); в литературе образ справедливого и могучего правителя.
- Харут и Марут* — ангелы, посланные богом для испытания на землю, где они забыли о боге и предались земным наслаждениям, в наказание за это были повешены на вечные времена в колодезь вниз головой и испытывали постоянные муки жажды.
- Хассан ибн Сабит* (563—674) — арабский поэт-панегирист; считался первым мусульманским поэтом, который начал писать религиозные стихи, прозван «поэтом пророка».
- Хатам-ат-Таи* (Хатам Таи из Таи, ум. ок. 600) — арабский поэт и воин, прославился своей доблестью и добротой; в литературе олицетворение щедрости.
- Хатун* — тюркская правительница или жена тюркского правителя.
- Хафиф* — один из основных метров а р у з а.
- Хедив* — государь, царь, повелитель.
- Хейкель* — широкая лента через плечо, которую носили зороастрийцы.
- Хиджра* — мусульманское лунное летосчисление; его исходная дата — бегство пророка Мухаммада от своих политических противников из Мекки в Медину в 622 г.
- Хиндустан* — Индия.
- Хирбад* — зороастрийский жрец, стоящий ниже мобеда.
- Хирман* — куча зерна, не обмолоченного хлеба, или хлопка; гумно.
- Ходжа* — см. *хаджа*.
- Хорасан* — в древности область, включающая примерно восточную часть нынешнего Ирана и северо-запад территории современного Афганистана.
- Хосров I Ануширван* — царь (531—579) из династии Сасанидов; в поэзии образ справедливого царя.
- Хум* — глиняный сосуд в форме большого кувшина для хранения зерна, вина и других продуктов.
- Хурда, Йарда* (Ийарда) — части А в е с т ы.
- Хутан* — город в восточном Туркестане (ныне на территории Китая); в поэзии страна, где живут красивые женщины, водятся прекрасные олени, дающие ценный мускус.
- Хутба* — молитва, читаемая мусульманами по пятницам в честь правителя.
- Чабан* — пастух.
- Чавган* — изогнутая клюшка для игры в мяч.
- Чаганиан* — владение, входившее в состав государства Саманидов; включало долины нынешней Сурхандарьи (в Узбекистане) и часть юго-запада Таджикистана.
- Чанг* — струнный музыкальный инструмент, род арфы.
- Чапан* — мужской кhalat, сшитый обычно из дешевых и грубых тканей.
- Чарык* — обувь бедных людей, изготовленная из кожи низкого качества.
- Чин* — Китай; в поэзии страна красавиц и искусных художников.
- Шаббар* — прозвище Хусейна, сына Али и Захры, данное ему дедом, пророком Мухаммадом. Шаббар был убит противником Али Муавией ибн Абу Суфьяном.

Шавваль — десятый месяц мусульманского лунного календаря — х и д ж р ы.

Шамс Маали — Шамсулмаали Кабус ибн Вушмгир, зияридский правитель (978—1012).

Шамсиддин Мухаммад ибн Кайс ар-Рази — видный теоретик персоязычной литературы XIII в., автор трактата по поэтике «Ал-Муджам фи маайр ал-ашар ал-аджам» («Коротко о законах персоязычной поэзии»).

Шариат — свод мусульманских религиозных и юридических законоположений, составленных на основе К о р а н а.

Шафеи Мухаммад ибн Идрис (767—860) — выдающийся богослов и теоретик мусульманства, основатель толка «шафии».

Шахиншах — букв.: царь царей; титул сасанидских царей, которым подчинялись шахи — цари провинций их огромного государства; в поэзии шахиншахами в знак уважения называли также п э м и р о в и царей, правивших после С а с а н и д о в.

Шахруд — струнный музыкальный инструмент.

Шейх — букв.: старец; глава мусульманской общины, секты, суфийского ордена; старейшина, почтенный человек.

Шиизм — одна из основных сект мусульманской религии, противостоящая другой секте — суннизму; возник во второй половине VII в. как политическое течение сторонников Али, которого шииты призывали единственным законным преемником пророка М у х а м м а д а; воспринял некоторые культовые и обрядовые традиции з о р о а с т р и з м а.

Эйяс — город в Т у р а н е.

Эмир (мир) — букв.: правитель, повелитель; титул правителей династии С а м а в и д о в, затем Тимуридов (основатель эмир Тимур, 1336—1405) и Мангитов (правили в Бухаре в XVIII — начале XIX в.).

Юсуф — соответствует библейскому Иосифу Прекрасному; младший любимый сын Я к у б а, брошенный в колодец братьями, которые в доказательство его гибели показали отцу рубашку, обгоревшую кровью овцы; другую его рубашку разорвала Зулейха, тщетно пытавшаяся соблазнить его; третью рубашку он послал своему ослепшему от горя отцу, который прозрел, вдохнув ее запах.

Якуб — соответствует библейскому Иакову; отец Ю с у ф а, согласно легенде, много лет страдал в разлуке с сыном и ослеп от слез; в поэзии — символ страдания от разлуки с любимой.

Яр — подруга, возлюбленная.

СОДЕРЖАНИЕ¹

Рудаки и расцвет персидско-таджикской поэзии. <i>Вступительная статья Расула Хади-заде</i>	5
--	---

РУДАКИ

I

КАСЫДЫ

* 1. Касыда о вине и восхваление эмира Систана. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	41
* 2. Касыда о старости. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	45
* 3. «Пусть благородный господин на свете долго проживет...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	47
* 4. «Тебе, о славный господин, власть над эмирами дана...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	48
* 5. «Не печалься, повелитель, зря на бога не ропщи...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	49
* 6. «Если враг твой, даже в мыслях, станет мериться с тобой...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	49
7. «Ветер, вея от Мульяна, к нам доходит...» <i>Перевод И. Сельвинского</i>	50
* 8. Марсия на смерть Абульхасана Муради («Неужто умер Муради, заснул последним сном?..»). <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	50

КЫТА

* 9—40. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	51
41. <i>Перевод В. Левика</i>	57

ГАЗЕЛИ

* 42. «Насладиться спеши искрометным вином...». <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	58
* 43. «Бухара нам вновь прислала ветерок благоуханный...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	58
* 44. «Больно мне два слова слышать, вдохновляющих умы...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	58
45. «Для радостей низменных тела я дух оскорбить бы не мог...» <i>Перевод В. Левика</i>	59
46. «Налей вина мне, отрок стройный, багряного, как темный лал...» <i>Перевод В. Левика</i>	59
* 47. «Муж, изнемогший от забот...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	60
* 48. «В благоухающих цветах настал весны желанный срок...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	61

¹ Звездочками помечены переводы, публикуемые впервые.

* 49.	«Самум разлуки, налетев не в срок...»	Перевод Т. Стрешневой	62
* 50.	«Будь счастлив с черноокою своей...»	Перевод Т. Стрешневой	62
* 51.	«Амбра, яблоко и розы, расцветающее диво...»	Перевод Т. Стрешневой	63
* 52.	«Свой чанг настроил Рудаки и заиграл на нем...»	Перевод Т. Стрешневой	63
* 53.	«Твои лукавые глаза меня в смятенье привели...»	Перевод Т. Стрешневой	63
* 54.	«Твой лик — вершина красоты, тебе и слава, и хвала...»	Перевод Т. Стрешневой	64
55.	«О сердце, долго ли тебе еще в груди моей стучать?..»	Перевод Т. Стрешневой	64
56.	«Мне слышится на утренней заре...»	Перевод Т. Стрешневой	65
57.	«„Дай, бог, разлуку пережить, страдальца пожалей!..“»	Перевод Т. Стрешневой	65
58.	«Ты обиделся на друга, не сердись, найди терпенье...»	Перевод Т. Стрешневой	65
* 59.	«Весь этот мир на сонный бред похож...»	Перевод Т. Стрешневой	66
* 60.	«Мир наш хозяин, он — источник зла...»	Перевод Т. Стрешневой	66
* 61.	«Всё быстротечно, всё проходит мимо...»	Перевод Т. Стрешневой	66

РУБАИ

* 62—86.	Перевод Т. Стрешневой	67
87—93.	Перевод В. Левика	72

II

ФРАГМЕНТЫ ИЗ РАЗНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ИЗ КАСЫД

* 94.	Восхваление Насра ибн Ахмада.	Перевод Т. Стрешневой	74
* 95.	«Того, кому подобных нет, ты богом назовешь...»	Перевод Т. Стрешневой	74
* 96.	«Пусть век владыки моего продлится долгие года...»	Перевод Т. Стрешневой	74
* 97.	«Михр приходит плодородный, просветли, владыка, взор...»	Перевод Т. Стрешневой	74
* 98.	«Белоснежность нежных лилий заменил зеленый мирт...»	Перевод Т. Стрешневой	75
* 99.	«О, горе всем словам хвалебным, подобным жемчугу в газелях...»	Перевод Т. Стрешневой	75
* 100.	«Великой щедрости ладонь, как море, широка...»	Перевод Т. Стрешневой	75
* 101.	«Пусть, когда Навруз наступит...»	Перевод Т. Стрешневой	75

* 102.	«В богатстве, прибыл на коне к тебе издалека...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	75
* 103.	«Кто добрых дел не совершал — в забвенье опочил...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	75
* 104.	«Я некогда был счастлив в этом доме...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	76
* 105.	«Аллаху слава, возвратился эмир, победою увенчан...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	76
* 106.	«В бою твой каждый воин как опытный портной...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	76
* 107.	«Правосудие с тобою воцарилось на земле...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	76
108—109.	Из марси и.	<i>Перевод В. Левика</i>	
	1. На смерть Шахида Балхи		76
	2. «Храни от смерти силу духа...»		77

ИЗ ГАЗЕЛЕЙ

* 110.	«Столь сладки алые уста, что сахар сладость потерял...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	77
* 111.	«Связав судьбу с неверною и злой...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	77
* 112.	«Вино, и песни, и цветы, и луноляких дев каприз...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	77
* 113.	«Всегда будь с теми, кто любил и любит...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	78
114.	«Схож с ланитами Лейли цвет весеннего тюльпана...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	78
115.	«О Рудаки, легко живи, печали позабудь...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	78
116.	«Вновь розы расцвели в саду моем...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	78
* 117.	«Коль нам веселиться и пить суждено...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	78
* 118.	«Сей мир для нас и мачеха и мать...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	79
* 119.	«Подняв головки из травы, весной фиалки расцвели...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	79
* 120.	«К твоим ланитам резко кудри льнут...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	79
121.	«Ты, сердце, терпишь муку поделом...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	79
122.	«Речная рябь — се кудрей волна...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	79
123.	«Твой зрелый разум тверд и ясен...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	80
124.	«Тюркский ангел несравненный, о весенний мой цветок...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	80
125.	«Эта притча о Юсуфе, об ушедших временах...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	80
126.	«Мадж, прочитай мои стихи, учи их наизусть...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	80
127.	«Твой локон вьется, словно буква джим...»	<i>Перевод Т. Стрешневой</i>	80

128. «Оставь михраб! Предпочитай любовь!..» <i>Перевод В. Левика</i>	81
--	----

БЕЙТЫ ИЗ РАЗНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

* 129. Из касыд. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	81
* 130. Из кыта. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	83
* 131. Из лирики. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	86
* 132. Из сатиры. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	90

ФРАГМЕНТЫ И БЕЙТЫ ИЗ МЕСНЕВИ

133. Калила и Димна. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	91
* 134. Круговорот солнца. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	92
* 135. Месневи в размере «хафиф» («Любовью я к возлюбленной влеком...»). <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	93
* 136. Месневи в размере «мутакариб» («Из шелковых нитей соткал шелкопряд...»). <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	94
* 137. Месневи в размере «музаре» («Пой, сладкогласный соловей...»). <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	95
* 138. Месневи в размере «саре» («Одежда мира грязной стала, глянь...»). <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	95
* 139. Месневи в размере «хазадж» («О небосвод, повремени, в своем вращенье не спеши...»). <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	96

ПОЭТЫ ВРЕМЕНИ РУДАКИ

ШАХИД БАЛХИ

<i>Биографическая справка</i>	99
* 140. Газель («Я не прислушиваюсь, нет, к нравоучениям твоим...») <i>Перевод Д. Виноградова</i>	99
141—145. Фрагменты	
* 1. Из касыд. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	100
2. Из кыта. <i>Перевод В. Левика</i>	100
3. Из лирики. <i>Перевод Д. Виноградова*</i> (1—2), <i>В. Левика</i> (3—7), <i>Т. Стрешневой*</i> (8—9)	100
* 4. Из сатиры. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	102
* 5. Из месневи. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	102
* 146. Бейты. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	102

РАБАНДЖАНН

<i>Биографическая справка</i>	104
* 147. Фрагмент из касыды на смерть Насра II («Скончался благородный царь — освободившийся престол...»). <i>Перевод Д. Виноградова</i>	104

ФАРАЛАВИ

<i>Биографическая справка</i>	105
* 148. Бейты. Перевод Д. Виноградова	105

АБУ ШАКУР БАЛХИ

<i>Биографическая справка</i>	107
* 149. Афариннаме. Перевод Д. Виноградова	107
* 150—151. Фрагменты и бейты	
1. Из лирики. Перевод Д. Виноградова	126
2. Из месневи. Перевод Д. Виноградова	128

БАШШАР МАРГАЗИ

<i>Биографическая справка</i>	131
* 152. Касыда о винограде и вине («Веселья ради виноград создатель сотворил. . .»). Перевод Д. Виноградова	131

АБУЛЬМАСАЛ

<i>Биографическая справка</i>	134
* 153. Бейты. Перевод Д. Виноградова	134

РАБИА КАЗДАРИ

<i>Биографическая справка</i>	136
* 154—157. Газели	
1. «Лепестками роз и лилий землю устилает ветер. . .» Перевод Д. Виноградова	136
2. «Я снова в неволе, тяжелых оков не порвать. . .» Перевод Д. Виноградова	137
3. «Кругом цветы, цветы, цветы — бесчисленны они! . . .» Перевод Д. Виноградова	137
4. «Ты говоришь, что я хитрю, что вся любовь моя — подвох! . . .» Перевод Д. Виноградова	138
* 158. Фрагменты из лирики. Перевод Д. Виноградова	138

ЛАВКАРИ ЧАНГЗАИ

<i>Биографическая справка</i>	139
* 159. Газель («Красавец курд жемчужноликий, не сыщешь равного ему! . .»). Перевод Д. Виноградова	139
* 160. Фрагменты из касыд. Перевод Д. Виноградова	140

ШАКИР БУХАРИ

<i>Биографическая справка</i>	141
* 161. Фрагмент из касыды. Перевод Д. Виноградова	141
* 162. Бейты из лирики. Перевод Д. Виноградова	141

ТАЙЯН МАРГАЗИ

<i>Биографическая справка</i>	144
* 163. Бейты. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	144

МАРУФИ БАЛХИ

<i>Биографическая справка</i>	146
* 164—166. Фрагменты	
1. Из касыды. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	146
2. Из лирики. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	146
3. Из сатиры. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	147
* 167. Бейты. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	147

БАДЕ БАЛХИ

<i>Биографическая справка</i>	149
* 168. Касыда («Ширь земную украшает бликов солнечных шитье...»). <i>Перевод Д. Виноградова</i>	149
* 169—170. Фрагменты	
1. Из кыта. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	150
2. Из газели. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	150
* 171. Бейты. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	151

ДАКИКИ

<i>Биографическая справка</i>	152
172. Шахнаме. <i>Перевод Ц. Бану</i>	152
* 173. Касыда («Моей луполкой я в мире подобья не знаю...»). <i>Перевод Д. Виноградова</i>	199
* 174—183. Газели	
1. «Встань, зажги Зардушта кыблу, да свети она нетленно...» <i>Перевод Д. Виноградова</i>	202
* 2. «Нет, не в зимнем небе туча, а в глазах моих живет...» <i>Перевод Д. Виноградова</i>	202
* 3. «Смоль кудрей как ночь мерцает — удивительно похоже!...» <i>Перевод Д. Виноградова</i>	202
* 4. «Горя большего не знаю, чем судьбу с тобой связать!...» <i>Перевод Д. Виноградова</i>	203
* 5. «Сама прозрачность — небосвод, видны и Рыбы, и Луна...» <i>Перевод Д. Виноградова</i>	203
* 6. «Верю я, что в тайну неба для тебя отверсты двери...» <i>Перевод Д. Виноградова</i>	203
* 7. «Владыки дня блеснул клинок — и сделалось светло...» <i>Перевод Д. Виноградова</i>	203
8. «Есть два властителя — цари земных широт...» <i>Перевод В. Левика</i>	204
9. «Облекая мир в праздничный паряд...» <i>Перевод В. Левика</i>	204
10. «Когда бы всё переменилось и в мире вдруг ночей не стало...» <i>Перевод В. Левика</i>	205

* 184—185. Рубаи. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	
1. «Ты — небосвода верный страж, победоносец твой клинок...»	205
2. «Из-за глаз твоих прекрасных мир погибнуть мо- жет вмиг...»	205
* 186. Фрагменты из касыд. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	206
* 187. Бейты. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	206

ТАХИР ЧАГАНИ

<i>Биографическая справка</i>	210
* 188—189. Газели	
1. «Глаз сужается тюркский и сердце сжимает мое...» <i>Перевод Д. Виноградова</i>	210
2. «О, как я рад твоей стреле! Сраженный наповал стрелком...» <i>Перевод Д. Виноградова</i>	210
* 190. Рубаи. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	211
* 191—192. Лугзы	
1. О нарциссе. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	211
2. О пиве. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	211
* 193. Фрагмент из касыды. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	211

МУНДЖИК ТЕРМЕЗИ

<i>Биографическая справка</i>	212
* 194—196. Газели	
1. «Расцветают снова розы по весне в саду ночном...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	212
2. «Кудри падают на плечи: стан стройнее, чем сосна...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	213
3. «Как шелк армянский, у тебя атласна кожа...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	213
* 197—198. Фрагменты	
1. Из касыд. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	213
2. Из кыта. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	214

ХУСРАВИ

<i>Биографическая справка</i>	215
* 199. Газель («Никем я в мире не любим, и это знаешь ты...»).	
<i>Перевод Д. Виноградова</i>	215
* 200—202. Фрагменты	
1. Из касыд. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	216
2. Из кыта. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	216
3. Из газели. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	217
* 203. Бейты. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	217

КАМАРИ ДЖУРДЖАНИ

<i>Биографическая справка</i>	220
* 204. Газель («О мой кумир! Тебя увидев, китайский идол ниц падет...»). <i>Перевод Д. Виноградова</i>	220

- * 205—206. Фрагменты
 1. Из касыд. Перевод Д. Виноградова 221
 2. Из газели. Перевод Д. Виноградова 221
 * 207. Бейты. Перевод Д. Виноградова 222

КИСЛИ

- Биографическая справка 223
 208—209. Фрагменты
 1. Из касыды. Перевод В. Левика 223
 2. Из кыта. Перевод В. Левика 224

АБУ ЗИРАА

- Биографическая справка 225
 * 210. Фрагменты из разных произведений. Перевод Д. Виноградова 225

МАНТИКИ РАЗИ

- Биографическая справка 227
 * 211—212. Касыды
 1. «Я сед и морщинист, от старости, видно, не скрыться. . .» Перевод Д. Виноградова 227
 2. «Ужели месяц в ущербе, болен? . .» Перевод Д. Виноградова 228
 * 213—214. Газели
 1. «Ни слова не пророньшь ты, и я спознаюсь с немотой. . .» Перевод Д. Виноградова 228
 2. «Я выкрал волосок один из дивных локонов твоих. . .» Перевод Д. Виноградова 229
 * 215. Фрагмент из касыды. Перевод Д. Виноградова 229
 * 216. Бейты. Перевод Д. Виноградова 229

ХУСРАВАНИ

- Биографическая справка 230
 * 217—218. Газели
 1. «Словно ветер, быстролетна ночь свиданья, мне ль не знать? . .» Перевод Д. Виноградова 230
 2. «О, ты мириться не спешишь, заплакать я готов! . .» Перевод Д. Виноградова 231
 * 219. Фрагменты из кыта. Перевод Д. Виноградова 232
 * 220. Бейты. Перевод Д. Виноградова 232

ИМАРА МАРВАЗИ

- Биографическая справка 235
 * 221. Фрагменты из разных произведений. Перевод Д. Виноградова 235
 * 222. Бейты. Перевод Д. Виноградова 237

АБУЛЬХАСАН АГАДЖИ

Биографическая справка	239
* 223—224. Фрагменты	
1. Из касыд. Перевод Д. Виноградова	239
2. Из кыта. Перевод Д. Виноградова	240
* 225. Бейты. Перевод Д. Виноградова	240
Примечания	243
Словарь	251

РУДАКИ И ПОЭТЫ ЕГО ВРЕМЕНИ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1985, 272 стр.
План выпуска 1985 г. № 413

Редактор Д. М. Климова
Художник И. С. Серов
Худож. редактор А. С. Орлов
Техн. редактор С. Л. Шереметьева
Корректор Е. А. Омеляненко

ИБ № 4945

Сдано в набор 25.01.85. Подписано к печати 07.06.85. М 29957. Формат 84×108^{1/2}.
Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 14,28.
Уч.-изд. л. 12,56. Тираж 25 000 экз. Заказ № 874. Цена 1 р. 30 к. Ордена
Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отде-
ление. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союз-
полиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

